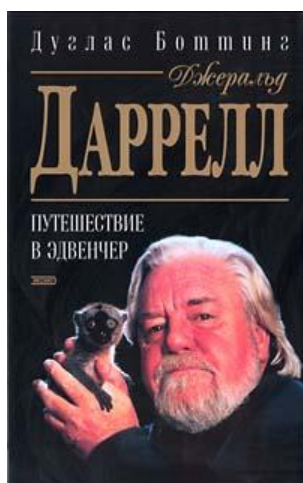

Далеко-далеко, — в самом сердце африканских джунглей жил маленький белый человек. Самым удивительным в нем было то, что он дружил со всеми зверями в округе.

«Друг зверей», книга, написанная Джеральдом Дарреллом о возрасте 10 лет.

Тот, кто спасает жизнь, спасает мир.

Талмуд

Когда вы подойдете к райским вратам, святой Петр спросит у вас: «Что же вы совершили за свою жизнь?» И если вы ответите: «Я спас один вид животных от исчезновения», — уверен, он вас выпустит.

Джон Клиз

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я лишь однажды встречался с Джеральдом Дарреллом. Это произошло вначале лето 1989 года в лондонском Доме бабочек, что расположен в Сионском парке. Джеральд вместе со своей женой Ли проводили мероприятие в рамках «Программы для Белиза», направленной на спасение тропических лесов, расположенных на северо-западе этой страны. Чета Дарреллов должна была выпустить в Дом бабочек несколько бабочек из Белиза. Даррелл прошел к входу через толпу восторженных поклонников. Он был очень сдержан, вежлив и сосредоточен. В тот момент ни он, ни я не могли представить, что мне придется писать о нем книгу. Знай мы об этом, нам было бы о чем поговорить. А если бы нам повезло, то мы могли бы общаться и по сей день.

Я почти забыл об этой встрече. Но вот в сентябре 1994 года мы с моей старшей дочерью Кейт сидели на террасе белоснежно-белого дома в Катами, на северо-западе Корфу, где перед войной жил Лоуренс Даррелл. Перед нами по пляжу бродили чайки, выпрашивая лакомство у туристов. Над водой разносились оживленные голоса греческих экскурсоводов. «Сейчас мы с вами приближаемся к прекрасному пляжу Калами, — выкрикивали они. — Слева вы видите знаменитый белоснежно-белый дом, где жил Джеральд Даррелл и где он написал свою замечательную книгу «Моя семья и Другие звери»...»

Джеральд Даррелл, конечно, ничего подобного не делал. Я повернулся к Кейт. «Они ошибаются, — сказал я. — Кто-то должен их поправить. Похоже, настало время написать подлинную биографию Джеральда Даррелла».

Кейт, которая всегда очень любила Даррелла, заметила: «А почему бы тебе самому не сделать этого?»

Эта идея не показалась мне безумной. Я уже написал две книги о натуралистах-путешественниках. Недавно опубликованная биография Гэвина Максвелла имела такой успех, что я стал подумывать о том, чтобы написать нечто в этом роде. Я читал почти все книги Джеральда Даррелла, даже писал рецензии на две из них. Мне казалось, я понимаю внутренний мир этого человека. Черт побери, да я ведь даже встречался с ним в Доме бабочек! Вернувшись в Англию, я позвонил помощнику Джеральда Даррелла по Джерсийскому зоопарку. По его совету я обратился к литературному агенту Даррелла, приложив к письму экземпляры моих книг, и предложил свои услуги в качестве биографа его клиента.

Через несколько часов мои книги попали в руки самому Джеральду Дарреллу, который лежал в лондонской клинике после тяжелой операции. Разумеется, он знал Гэвина Максвелла и даже писал статью о его книге «Круг чистой воды» для «Нью-Йорк таймс». Джеральд открыл книгу и прочел первые строчки предисловия: «Сегодня вечером море в маленьком заливе очень спокойно, полная луна проложила прямую дорожку, уходящую от берега в бесконечность. На пляже потрескивает небольшой костерок. Через открытое окно я слышу все звуки и вижу все призраки этой ночи — вот цапля схватила рыбку у самого берега, вот тюлень заводит свою заунывную песню в заливе и его почти детский голосок взмывает и опадает в: ночи, как колыбельная...» И вот среди больничной суеты, в мире шприцов, катетеров, капельниц и каталок, в мире боли, страданий и отчаяния, этот седовласый человек снова заглянул в свою жизнь и свои мечты. Он перевернул страницу. «Настоящий гуру для целого поколения. Гэвин Максвелл, подобно Джону Верроузу, В. Г. Хадсону и Джеральду Дарреллу, является одним из лучших писателей, писавших о живой природе в последние

сто лет...»

Даррелл сел в постели. Порой он сам собирал воедино отдельные фрагменты своей биографии. Но в бесконечной череде лихорадок и кризисов, рецидивов и ремиссий он не находил в себе сил взяться за перо. Время от времени он получал предложения написать его биографию. К нему обращались и известные, и еще только начинающие писатели. Многие из них не заслуживали внимания, но один-два были вполне достойными кандидатами. Но пока Джеральд был полон сил и энергии, история его жизни принадлежала только ему, ему одному. Сейчас же ситуация изменилась. Он попросил свою жену Ли прочесть ему мою книгу вслух. И пока она читала, Джеральд Даррелл понял, что нашел своего биографа. Его биография была описана реалистично, в ней просматривалась цель, к которой стоило стремиться. В том тяжком положении, в котором он сейчас оказался, создание биографии могло стать последним делом его жизни.

Джеральд захотел встретиться со мной, чтобы поговорить о нашем проекте лично и принять окончательное решение. Но каждый раз, когда Ли звонила мне и назначала время, когда я мог бы прийти в больницу, она была вынуждена перезванивать и отменять встречу, потому что Джеральд оказывался в интенсивной терапии. Нашей встрече не суждено было состояться. Вскоре после его смерти в январе 1995 года Ли позволила мне самому написать полную и честную историю жизни и работы этого выдающегося человека.

В течение последующих двух лет я узнал о Джеральде Даррелле больше, чем знаю о себе самом. Как мне кажется, я постиг этого человека. Однажды мне попали в руки его совершенно удивительные любовные письма. Это был человек, который знал страсть, радость, страх, любовь возвышенную и земную, который с благодарностью и любовью относился к самой жизни и к миру. Читая эти письма, я пел, и смеялся, и декламировал вместе с ним. А потом я дошел до письма, написанного 31 июля 1978 года, и погрузился в молчание.

«Я видел тысячи закатов: осенние, похожие на золотые монеты, зимние — белоснежные, как ледяные иголки... Я видел молодые луны, напоминавшие перья птенцов лебедя... Я чувствовал теплые и нежные, как дыхание возлюбленной, дуновения ветра. Этот ветер прилетал прямо с Южного полюса. Он стонал и жаловался, как потерявшийся ребенок... Я знал тишину: непередаваемую, каменную тишину глубокой пещеры, тишину, которая наступает после звучания великой музыки... Я слышал пение лягушек, такое же стройное и сложное, как звучание баховского органа. Я видел лес, освещенный миллионами изумрудных светлячков. Я слышал, как летучие мыши рвут паутину, как волки воют на зимнюю луну... Я видел, как мерцающие, подобно опалам, колибри окружают ярко-красные цветы. Я видел китов, черных, как деготь, резвящихся среди васильково-синего моря. Я лежал в воде, теплой, как молоко, нежной, как шелк, и вокруг меня резвились стаи дельфинов... И все это я сделал без тебя. Вот единственное, о чем я сожалею...»

Читая это письмо, я начал понимать, сначала не веря себе, а потом, испытывая некоторое стеснение, что голос, звучащий в моем мозгу, принадлежит не мне. Я так часто слушал изысканную, спокойную английскую речь Джеральда Даррелла на кассетах, по радио и телевидению, что мог с уверенностью сказать — я слышал именно его. Сомнений не оставалось. Голос, читавший это страстное любовное послание, принадлежал самому Дарреллу. Не только я постиг Джеральда Даррелла. Джеральд Даррелл постиг меня. Я вспомнил слова сэра Дэвида Эттенборо, которые он произнес на погребальной службе: «Джеральд Даррелл был волшебником».

И теперь вы держите в руках биографию Джеральда Даррелла — натуралиста, путешественника, рассказчика, юмориста, провидца, журналиста, прекрасного писателя, одного из лучших писателей XX века, пишущих о природе, замечательного собеседника, лидера современного мира, чемпиона животного царства, основателя и почетного директора Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы, спасителя исчезающих видов, защитника скромных, беззащитных и обреченных на смерть.

Не думаю, что будет преувеличением сказать, что Джеральд Даррелл был святым человеком — хотя и не лишенным определенных недостатков. Он вел святую жизнь, исполняя священную миссию — он спасал исчезающие виды животных, гибнущие по вине человека. Он был современным святым Франциском, но ему приходилось бороться со злом, которое святому Франциску не могло привидеться в самом страшном сне. И эта борьба убивала его. Мы можем сказать, что Джеральд Даррелл отдал свою жизнь ради спасения животного мира и мира живой природы, который он так страстно любил.

С самого начала моей работы мне оказывала поддержку и помощь в создании полного и неприкрашенного портрета этого замечательного человека, в честном рассказе о его жизни и о его работе Ли Даррелл, жена Джеральда. Я получил полную свободу действий. Портрет Джеральда Дар-

релла и рассказ о его жизни принадлежит мне, и только мне, — хотя создать его без помощи многих и многих людей я бы никогда не смог.

Мне было позволено ознакомиться с личным и профессиональным архивами Джеральда Даррелла, с документами организованного им Фонда охраны дикой природы, который теперь носит его имя. Я встречался со многими людьми, о которых Джеральд Даррелл писал в своих книгах.

Я хочу особенно поблагодарить доктора Ли Даррелл (почетного директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла), Джекки Даррелл, Маргарет Дункан (урожденную Даррелл), Джереми Маллинсона (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла), Джона Хартли (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла по международным связям), Саймона Хикса (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла по развитию) и Тони Олчерча (главного администратора Джерсийского зоопарка). Я также признателен Питеру Харрисону, который в перерывах между чтением лекций в Польше, России и в странах Персидского залива неустанно рассказывал мне о молодых годах Джеральда Даррелла, о Корфу и о людях, его населявших. Питер Харрисон оказал мне неоценимую помощь в работе над первым, черновым вариантом этой книги. Я благодарен также Джону и Вивьен Бартон за ценные замечания и советы, Энтони Смит за замечания относительно зоологии, сэру Дэвиду Эттенборо за полезную критику. Я бесконечно благодарен моему издателю Ричарду Джонсону и редактору Роберту Лэйси из издательства «Харпер Коллинз» за заботу и поддержку моего проекта. Спасибо моему агенту, Эндрю Хьюсону из агентства «Джон Джонсон», и агенту Джеральда Даррелла, Антее Мортон-Санер, из агентства «Кертис Браун».

Я благодарен агентству «Кертис Браун», представляющему интересы миссис Ли Даррелл, за разрешение привести в своей книге фрагменты из опубликованных и неопубликованных работ Джеральда Даррелла.

Выдержки из книги Джекки Даррелл «Звери в моей постели» приводятся с любезного разрешения автора. Цитаты из книги Джона Хьюза «Он и другие звери: Портрет Джеральда Даррелла» приводятся с разрешения автора и издателей.

Дуглас Боттинг 14 декабря 1998 года

ПРОЛОГ

Голубое королевство моря — это настоящая сокровищница, полная странных существ, которых так интересно собирать и за которыми так занимательно наблюдать маленькому мальчику. Сначала это занятие кажется мальчику не слишком увлекательным, потому что он может всего лишь бродить вдоль берега, как раненая морская птица, вынужденная удовольствоваться прибрежными мальками, а иной раз чем-то более аппетитными таинственным, что выбросило море. Но как только у мальчика появилась лодка, он открыл для себя новый мир, в котором возвышаются золотисто-красные каменные замки, где существуют глубокие бассейны и подводные пещеры, где, подобно сугробам, поднимаются дюны из белоснежного песка.

Отправляясь в длительные путешествия на своей лодке, мальчик всегда берет с собой пищу и воду, на случай кораблекрушения. Если он берет ее с собой всю команду, которая состоит из трех собак, совы и голубя, и до отказа нагружает лодку двумя дюжинами контейнеров с морской водой для собранных образцов, грести становится нелегко.

Однажды мальчик решил навестить небольшой заливчик, где обитали очень занятные создания. Как-то давно он поймал там морского конька, странную рыбу, напоминающую угря с выпуклыми глазами и толстыми губами, почти как у гиппопотама. Мальчику хотелось поймать еще несколько таких замечательных рыбок. Наступал период размножения, и он надеялся поселить их в своем аквариуме, чтобы наблюдать за захватывающим процессом ухаживания и спаривания.

После получаса ходьбы он подошел к заливу, окруженному серебристыми оливковыми деревьями и ракушечными кустами. Над спокойной водой разносился тяжелый мускусный аромат. Мальчик бросил якорь возле рифа, вооружился сачком и банкой с широким горлом и вошел в прозрачную воду, теплую, как в ванне.

Повсюду кипела жизнь — улитки, морские уточки, морские ежи крабы буквально кишели в воде. Мальчику нужно было сосредоточиться и не отвлекаться от своей задачи. Сначала он поймал замечательного самца, невероятно яркого, почти сверкающего в брачном наряде. К обеду мальчик уже добыл две зеленых морских звезды, каких он раньше никогда не видел.

Солнце пригревало все сильнее, жизнь обитателей моря замерла. Все попрятались под скалами, чтобы укрыться от полдневного жара. Мальчик выбрался из воды, уселся под оливами и с аппетитом принялся за бутерброды. Воздух был наполнен ароматом ракушечника. Повсюду раздавалось пение цикад. Покончив с бутербродами, мальчик загрузил лодку, свистнул собаке и принялся грести по направлению к дому, чтобы поскорее выпустить свою добычу в аквариум.

На следующее утро он обнаружил, что рыбки совершили свой брачный обряд на рассвете. На дне в специально положенном туда обломке глиняного горшка виднелись отложенные яйца. Какая из самок отложила яйца, мальчик не знал, но из самца вышел очень заботливый и отважный отец. Он яростно набрасывался на палец мальчика, когда тот пытался вытащить черепок, чтобы рассмотреть яйца получше.

Мальчику очень хотелось вывести маленьких морских коньков, но, по-видимому, аэрация воды в аквариуме оказалась недостаточной, и вывелось только два крохотных конька. Одного, к ужасу мальчика, тут же сожрала бесчувственная мамаша. Не желая быть свидетелем второго детоубийства, мальчик отсадил второго конька в банку и выпустил в заливчик, где были пойманы его родители. Мальчик надеялся, что маленький конек даст жизнь еще не одному десятку таких же очаровательных, ярких созданий.

Разведение морских коньков в неволе не увенчалось безусловным успехом. Но это был лишь первый шаг. В конце концов, ведь морским конькам не угрожает исчезновение. Море вокруг Корфу кишит ими. А у мальчика впереди еще много времени. Джеральду всего двенадцать лет. Перед ним еще вся жизнь, в которой будет много животных. Перед ним вечность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ПАРЕНЬ СУМАСШЕДШИЙ... ТАСКАЕТ В КАРМАНАХ УЛИТОК!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО В ДЖАМШЕДПУРЕ: ИНДИЯ 1925-1928

Джеральд Малкольм Даррелл родился в Джамшедпуре, в индийской провинции Бихар, 7 января 1925 года. Он был четвертым ребенком в семье Луизы Флоренс Даррелл (урожденной Дикси), тридцати восьми лет, и гражданского инженера Лоуренса Сэмюэля Даррелла, сорока лет.

Когда Джеральд стал старше, мать рассказала ему об обстоятельствах его появления на свет. На последних месяцах беременности Луиза Даррелл так увеличилась в размерах, что стыдилась выйти из дома. Если учесть ее крохотный рост, то новые объемы были просто чудовищными. Поведение жены встревожило мужа. Лоуренс Даррелл сказал однажды, что жена должна пересилить себя и пойти с ним в клуб, где собирались все представители местного английского общества. «Я не могу показаться в клубе в таком виде, — в отчаянии возражала Луиза. — Я похожа на слона!» Тогда муж предложил ей соорудить паланкин, в котором она могла добраться до клуба незамеченной. Это так обидело Луизу, что она два дня не разговаривала с мужем.

«Других женщин во время беременности тянуло на кокосы или другие необычные продукты, — писал Джеральд в своих неопубликованных мемуарах о детстве, проведенном в Индии. — Мою же мать страстно тянуло к шампанскому, которое она употребляла в огромных количествах вплоть до самого моего рождения. Именно этому факту я обязан тем, что могу выпить сколько угодно. А уж о шампанском и говорить не приходится».

Джеральд был самым крупным из детей. Вот почему его мать так «разрослась» во время беременности. Когда он вырос, то оказался выше не только матери, но и обоих своих братьев и сестры. Но роды прошли на удивление легко. «Я выскочил из нее, как выдра ныряет в воду», — писал Джеральд, вспоминая то, что рассказывала ему мать. Вся прислуга, а также те, кто работал с Лоуренсом, пришли поздравить сахиба и мэм-сахиб с прибавлением семейства. «Все индусы признавали, что я — необыкновенный ребенок. Я родился с серебряной ложкой во рту, и все в моей жизни должно было идти по моему желанию. Оглядываясь назад, я должен признать, что они были абсолютно правы».

Родители Джеральда, а также его дед с материнской стороны были англо-индийцами в старинном смысле этого слова (не евроазиатами, а британцами, родившимися в Индии). Они родились и выросли в этой стране. Отец Джеральда родился в Бенгалии 23 сентября 1884 года, а его мать — в Рурки 16 января 1886 года. Ее отец тоже родился в Рурки. Ему было шесть лет, когда в 1857 году разгорелся индийский мятеж.

Семья Джеральда мало знала о Британии, далекой, но священной родине. Глубина их связи с Индией, которую они всегда считали своим настоящим домом и родной землей, была настолько сильна, что когда, много лет спустя, мать Джеральда обратилась за получением британского паспорта, она заявила: «Я гражданка Индии». Хотя Джеральд прожил в Индии недолго, влияние этой страны на его личность оказалось весьма ощутимым. Он никогда не считал себя англичанином в отношении национальности, культуры и поведения. У его старших братьев и сестры это ощущение было еще более сильным. Лоуренсу Джорджу Дарреллу в момент рождения Джеральда было тринадцать лет. Он учился в Англии. Лесли Стюарту было семь лет, и он тоже оказался в Англии. И только пятилетняя Маргарет Изабель Мабель присутствовала при рождении своего младшего братишки.

Мать Джеральда происходила из ирландской протестантской семьи. Семейство Дикси вышло из города Корк, теперь расположенного в Ирландии. Наверное, именно благодаря ирландской крови два сына Луизы, Джеральд и Лоуренс, обладали хорошо подвешенным языком. Отец Луизы, Джордж Дикси, который умер еще до ее свадьбы, работал клерком и бухгалтером на строительстве канала в Рурки. Именно там Луиза Дикси познакомилась с Лоуренсом Сэмюэлем Дарреллом. Дарреллу было двадцать пять. Он был студентом. В ноябре 1910 года Луиза и Лоуренс поженились. Старший брат Джеральда, Лоуренс, так описывает индийские корни своей семьи: «Богобоязненное, бодрое, набожное наследие Мятежа... Моя бабушка сидела на веранде дома, держа на коленях заряженное ружье, в ожидании мятежников. Но стоило им завидеть ее, как они сворачивали в сторону. Таков об-

лик моей семьи... Я — один из людей, лишенных родины».

Луиза Даррелл была очаровательной женщиной, застенчивой, скромной, обладающей замечательным чувством юмора. Она полностью посвятила себя детям. Луиза была так поглощена своими детьми, что всегда стремилась пораньше уйти с любых вечеринок и приемов, чтобы убедиться, что они в безопасности и здоровы. Ее тревоги были небезосновательны. Вторая ее дочь Марджери Рут умерла от дифтерии в раннем детстве, а Лоуренс и Лесли постоянно чем-то болели. Муж обожал ее, но запрещал жене заниматься домашними делами, обычными для жены и матери. Она не должна была заниматься домом и семьей, для этого были индийские слуги. Луиза должна была вести себя так, как пристало мэм-сахиб.

Но, несмотря на то, что Луиза полностью подчинялась своему энергичному, патриархальному и соблюдающему все условности мужу и стремилась исполнить все его желания, она оставалась уникальной женщиной, независимой и сильной. Она во всем стремилась идти своим путем и отвергала многие ограничения, налагаемые на нее ее полом, что было естественно для того времени. Она выросла в Индии, поэтому обращала меньше внимания на свое положение, чем обычная мэм-сахиб, считающая время, проведенное в Индии, настоящей ссылкой. Будучи молодой женщиной, она пренебрегала условностями и была настоящей няней для своих детей и даже мыла полы в своем доме, что для белой женщины в Индии было просто неслыханно! Если ее муж по служебным делам отправлялся в поездку по стране, его молодая жена вместе со всеми детьми сопровождала его без малейшего слова жалобы. Когда же они возвращались в город или размещались на новой стройплощадке, она проводила долгие часы в жару и чаду кухни, постигая секреты приготовления карри. Из нее вышла отличная кулинарка. Любила она приложиться к бутылочке джина, хотя Лоуренс Сэмюэль строго следил, чтобы она не увлекалась. Именно от матери унаследовал Джеральд (и оба его брата) свой юмор и пристрастие к алкоголю. Отец же наградил сыновей яркими голубыми глазами и светлыми волосами, прямыми и спадающими на глаза. От него же Джеральд унаследовал и тучность, удивительную в довольно мелком семействе.

Миниатюрная, непрактичная, любопытная и порой странная Луиза выглядела настоящей жительницей Востока. Она и мыслила так же. Ее старший сын, Лоуренс, описывал мать как прирожденную буддистку. «Моя мать была невротичкой, — однажды заметил он. — Именно ей мы обязаны своей ирландской истеричностью и чувствительностью, с ней связанной. Ей нужно было бы упрекать себя за нас — я считаю, что ей следовало убежать от нас давным-давно». У Луизы был удивительный интерес ко всему сверхъестественному. Возможно, сказывались ее ирландские корни, возможно, это было влияние Индии, но она постоянно думала о привидениях и совершенно их не боялась. Однажды их дом располагался так, что буквально упирался в девственный лес. Индийская прислуга тряслась от страха. Индусы жаловались Луизе, что по ночам они слышат стоны и причитания одинокого духа. Тогда Луиза взяла фонарь и отправилась в лес ночью, совершенно одна. Слуги пытались ее остановить, но она была непреклонна. «Приди ко мне, приди ко мне», — взывала она в глубине индийских джунглей, желая встретиться с одиноким, отчаявшимся духом.

Мать всегда оказывала сильнейшее влияние на жизнь своих детей. «Я был счастливой поганкой, которой досталось все ее внимание, — вспоминал впоследствии Джеральд. — Она абсолютно отказалась от себя, полностью отдав свою жизнь детям». Но хотя Джеральд и был к матери ближе всех, ее любимчиком всегда оставался Лесли, возможно, потому, что он сильнее всех нуждался в ней. Луизу любили все — все, кроме ее старшего сына, Лоуренса. Лоуренс так и не простил матери того, что его отправили в Англию заканчивать образование, бросили его среди «дикарей».

Отец Джеральда, Лоуренс Сэмюэль Даррелл, строго говоря, Дарреллом и не был. Его происхождение тонет в глубинах викторианской эпохи. Первый муж бабушки Лоуренса Сэмюэля Махалы Тай, Вильям Даррелл, покончил жизнь самоубийством. Махала родила незаконного ребенка, чьим биологическим отцом был суффолкский фермер, Сэмюэль Стирн. Вскоре после рождения ребенка Махала вышла замуж за рабочего Генри Пейджа, который стал мальчику отчимом. От Пейджа Махала родила еще пятерых детей. Позже жизнь забросила незаконного ребенка — будущего деда Джеральда Даррелла — в Индию. В 1883 году он женился во второй раз, теперь на Доре Джонсон, дочери сержанта-майора бригады королевской кавалерии. Невесте был двадцать один год. В семье Дарреллов родилось восемь детей. Дед Даррелл служил в Китае во время подавления боксерского восстания, дослужился до чина майора и умер в Портсмуте в 1914 году. Однако он еще успел побывать добровольцем на Первой мировой войне. Ему было шестьдесят три года. Первым его ребенком от второй жены стал отец Джеральда Даррелла, Лоуренс Сэмюэль. С самого рождения ему приходилось преодолевать наследие незаконного происхождения своего отца, карабкавшегося по

социальной лестнице от деревенщины в класс офицеров.

Лоуренс Сэмюэль Даррелл, по воспоминаниям, был порядочным, но довольно отстраненным человеком. По роду своей работы он не мог принимать активного участия в воспитании детей. Ему приходилось колесить по всей британской Индии от Пенджаба и Гималаев до Бенгалии и джунглей Бирмы. Старший сын Лоуренса Сэмюэля вспоминает, что отец был серьезным, искренним человеком, абсолютно убежденным в том, что наука способна разрешить любые проблемы. Он не обладал богатым воображением, не имел хорошего образования. Он служил империи, но все же не мог полностью соблюдать все условности общества — он жил не как англичанин, а как англо-индеец. Лоуренс Сэмюэль вышел из своего клуба, когда члены клуба забаллотировали рекомендованного им доктора-индийца, закончившего Оксфорд. Этот врач спас жизнь его старшему сыну. Луиза полностью разделяла взгляды своего мужа на расовые проблемы.

Отец Джеральда отличался замечательными способностями. Он четко сознавал свои цели и очень скоро стал прекрасным инженером, строителем железных дорог, гражданским инженером из тех, кого воспевал Редьярд Киплинг. Это был строитель империи в лучшем смысле этого слова. Он посвятил себя созданию инфраструктуры современной, индустриальной Индии. Он строил шоссе, железные дороги, каналы и мосты, больницы, фабрики и школы. Лоуренс Сэмюэль колесил по пустыням, джунглям и горам, а семья следовала за ним, как цыганский табор. Инженер Даррелл всегда получал самые лучшие рекомендации от своего руководства. «Великолепный специалист, — гласил один из отзывов. — Очень энергичный и внимательный к мельчайшим деталям человек. Мистер Даррелл прекрасно руководит своими подчиненными, поскольку обладает тактом и даром убеждения».

К 1918 году Лоуренс Сэмюэль Даррелл уже был главным инженером строительства железной дороги от Дарджилинга к Гималаям, проходившей вдоль границы Индии и Тибета. Через два года он основал собственную компанию в молодом индустриальном городе Джамшедпуре. Этот город должен был стать городом-садом, но в те дни это был всего лишь пыльный, мелкий городишко. За четыре года, предшествующие рождению Джеральда, Лоуренс Сэмюэль сумел стать настоящим «жирным котом» Британской Индии. Он добился успеха и богатства, но работал он очень много. Большинство построек, осуществленных компанией Лоуренса Сэмюэля Даррелла в Джамшедпуре, стоят и по сей день. Это заводы и больницы, школы и фабрики. До сих пор стоит и Бельди, усадьба, где Джеральд Даррелл появился на свет и провел первые годы своей жизни. Бельди — это типичная усадьба, соответствовавшая статусу главного инженера Лоуренса Даррелла. По своему положению он считался ниже офицеров и выше торговцев. Дом не слишком большой, но комфортабельный. В больших комнатах довольно прохладно, бамбуковые занавесы защищают широкую веранду от палящих лучей солнца. Перед домом раскинулся большой сад с прекрасным газоном, по которому маленький Джерри сделал свои первые шаги.

Джеральд мало общался со своими братьями и сестрой в Индии. Его старший брат Лоуренс уже был отправлен в Англию, а Лесли, который вернулся в Индию, и Маргарет не особенно стремились играть с младенцем и развлекать его. Еще реже Джеральд общался с другими представителями семейства Дарреллов — с многочисленными тетусками и с громоздкой бабушкой Дорой, получившей прозвище Большой Бабушки за свои огромные размеры и решительный характер, способный подавить кого угодно. Большую часть времени Джеральд проводил в обществе своей индийской няни, айи. «В те дни дети видели своих родителей только тогда, когда те приходили на традиционный пятичасовой чай, — вспоминает Маргарет. — Наша жизнь определялась индийскими айями и католическими гувернантками. Джерри был ближе к своей няне, чем мы, старшие дети. Поэтому в нем сильнее чувствуется влияние Индии, чем Европы».

Впоследствии Джеральд утверждал, что помнит многое из происходившего в Джамшедпуре. Самым ярким воспоминанием стал для него первый поход в зоопарк. Впечатления ребенка были настолько сильны, что можно сказать, это событие и заложило основу страсти Джеральда Даррелла к животным и зоопаркам. Однако в детстве Даррелла в Джамшедпуре не было зоопарка. Он открылся только в наши дни. Но даже если бы там и был зоопарк, вряд ли Джеральд мог запомнить это — ведь ему было всего четырнадцать месяцев, когда вся семья, включая мать, отца, бабушку Дору и сестру Маргарет, покинула Джамшедпур и никогда больше туда не возвращалась. 11 марта 1926 года семейство Дарреллов отплыло из Бомбея в Англию. В апреле семья обосновалась в Лондоне.

В те времена было нормальным, что британцы, находящиеся на службе у раджи, каждые два года отправлялись в отпуск в Англию, но Дарреллы ехали на Альбион с определенной целью. Лоуренс Сэмюэль собирался купить в Лондоне дом либо с целью вложения денег, либо в качестве резиденции. Удачливый инженер, он сумел сколотить небольшое состояние. Лоуренс вложил часть

средств во фруктовое хозяйство в Тасмании, которое приобрел заочно. Ему было сорок два года, но его работа стала настоящим проклятием. Много лет спустя его будущая невестка Нэнси, жена его старшего сына Лоуренса, вспоминала: «Отец решил закончить работу, переехать в Англию и вести совсем иной образ жизни. Теперь он мечтал выйти на сцену и аккомпанировать Эвелин Лэй». Было ли это правдой (что кажется совершенно невероятным) или это было одной из шуток Лоуренса (что кажется вполне возможным), тем не менее отец решил на время бросить якорь и покинуть Индию, где усиливались тенденции к самоопределению, грозившие перерасти в настоящую войну. Так или иначе, Лоуренс Сэмюэль Даррелл приобрел большой дом по Аллейн Парк в Далвиче, неподалеку от школы, где учились Лоуренс и Лесли.

12 ноября 1926 года Большая Бабушка Дора отправилась в Бомбей на корабле «Равалпинди» после шести месяцев, проведенных в Англии. Спустя какое-то время за ней последовали Луиза, Лесли, Маргарет и Джеральд. На этот раз они поселились не в Джамшедпуре, а в Лахоре, где Лоуренс Сэмюэль заключил новый контракт на работу. Семья поселилась в новом доме на Дэвис-стрит. Именно с Лахором связаны все воспоминания Джеральда об индийском детстве. Однако воспоминания эти фрагментарны и обрывочны. Несомненно, они сформировались под влиянием рассказов матери и братьев.

С самого раннего детства Джеральд, как и его брат Лоуренс, обладал уникальной, почти фотографической памятью. В своих неопубликованных мемуарах он писал:

«Мои воспоминания того периода напоминают изящные виньетки, яркие, цветные картинки, наполненные звуками, вкусом и ароматами. Я помню ослепительные закаты, пронзительные крики павлинов, аромат кориандра и бананов, вкус риса различных сортов. Особенно запомнился мне вкус моего любимого завтрака, когда рис варили в буйволином молоке с сахаром. Я помню, что носил очаровательные костюмчики из туссора. Помню его восхитительный цвет — бледно-бледно-коричневый. Помню приятное ощущение шелковистости и шуршащий звук, который раздавался, когда моя индийская ая одевала меня по утрам. Помню, что ая отказывалась будить меня иначе, чем под звуки песен Гарри Лаудера с граммофонной пластинки. Если я не слышал этой музыки, то весь день был мрачным и недовольным, как бы няня меня ни развлекала. Граммофон был старым. Он хрипел так, словно в нем поселилась целая мышиная семья. Но тем не менее он был для меня настоящим чудом. Заслышав звуки музыки, я просыпался с улыбкой на лице, а моя ая вздыхала с облегчением».

Именно в Индии проявилось удивительное ощущение цвета, присущее Джеральду. Именно здесь мальчик столкнулся с иными формами жизни, которые оказали на него глубочайшее влияние. Это столкновение было мгновенным и случайным, но Джеральд запомнил его на всю жизнь. Он шел со своей аией по краю дорожки, вдоль которой тянулась неглубокая канава.

«В канаве я увидел двух огромных улиток. Я был ребенком, поэтому они показались мне огромными, хотя, скорее всего, они были не больше трех-четырех дюймов. Улитки были бледно-кофейного цвета с темными шоколадными полосками. Они медленно наползали друг на друга, словно в загадочном танце. Слизь, оставляемая ими, блестела, словно они только что выползли из воды. Улитки были прекрасны. Я подумал, что никогда в жизни не видел столь замечательных созданий. Заметив, что я поглощен улитками, ая потащила меня вперед и сказала, что я не должен трогать этих чудовищ, что они грязные и ужасные. Даже в таком нежном возрасте я не мог понять, как она может считать этих прекрасных созданий грязными. В своей жизни мне не раз доводилось общаться с людьми, которые считали животных грязными, отвратительными или опасными, хотя на самом деле это были совершенно замечательные создания природы».

Вскоре маленький Джеральд впервые посетил зоопарк, и жизнь его изменилась навсегда. Зоопарк располагался в Лахоре, а не в Джамшедпуре, как утверждал Даррелл в своих воспоминаниях. Впечатления от этого посещения у мальчика были громадными. Вот что вспоминает Джеральд о первом зоопарке в своей жизни:

«От клеток с тиграми и леопардами исходил густой аммиачный запах, со стороны обезьянника раздавались громкие крики и визг, мелкие птички мелодично щебетали повсюду. Все это покорило меня с первой же минуты. Помню очаровательные черные пятнышки на шкуре леопарда. Помню роскошного тигра, который напомнил мне волнующееся золотое море. Зоопарк был очень маленьким, количество клеток с животными сведено к минимуму. Похоже, их никогда не чистили. Если бы я увидел такой зоопарк сегодня, то немедленно потребовал бы его закрытия. Но для ребенка он стал магическим местом. Стоило мне побывать там всего один раз, как меня уже невозможно было оттуда утащить».

Мама вспоминает, что одним из первых слов, произнесенных маленьким Джеральдом, было

слово «зоопарк». Когда его спрашивали, куда он хочет пойти, он тут же отвечал: «В зоопарк!» Ответ ребенка был четким и недвусмысленным. Если же в зоопарк его не вели, мальчик начинал вопить так, что «его было слышно от вершины Эвереста до Бенгальского залива». Однажды Джеральд заболел и не мог отправиться в зоопарк. Тогда он решил устроить какое-то подобие заветного места дома. Вместе с камердинером Джоменом он смастерил из красной глины фигурки различных зверей — носорогов, львов, тигров и антилоп — и расставил их в своей комнате. Возможно, именно эта коллекция глиняных фигурок подтолкнула Джеральда к идее когда-нибудь устроить собственный настоящий зоопарк. Эта мысль не покидала его с того момента, как ему исполнилось шесть лет.

Любовь Джеральда к животным не ограничивалась только посещениями зоопарка. «Как-то раз дядя Джон, любимый мамин брат, великий *шикар* (охотник), живший в Ранчи и зарабатывавший на жизнь охотой на тигров-людоедов и бешеных слонов, в приступе помрачения рассудка прислал нам двух упитанных медвежат гималайского медведя. Их только что отняли от матери, но никто не пытался их приручить. У медвежат были длинные острые когти и очень острые белые зубы. Они постоянно ворчали от голода и раздражения. На время медвежат поселили в большой корзине на заднем Дворе нашего дома. Одному из слуг поручили присматривать за животными. Разумеется, мне ужасно нравилось иметь собственных медведей, хотя пахли они весьма специфически. К сожалению, в тот момент Маргарет достигла возраста, в котором дети горазды на разные шалости. Когда медвежий смотритель отлучился от клетки, отправившись за едой, она опрокинула корзину и бросилась в дом, крича: «Медведи убежали! Медведи убежали!» После двух дней пребывания медвежат в нашем доме нервы у мамы были на пределе. Она постоянно боялась, что медведи вырвутся из клетки и сожрут меня, когда я буду безмятежно играть на газоне. Поэтому медвежат загнали в клетку и отправили в местный зоопарк».

Золотые деньки детства Джеральда, проведенные в окружении многочисленных слуг, закончились трагедией, которая оказала влияние на жизнь всей семьи Дарреллов.

В начале 1928 года отец Джеральда серьезно заболел. Хотя точный диагноз так и не был поставлен, симптомы указывали на наличие опухоли мозга. Маргарет вспоминала, что отца постоянно мучили жестокие головные боли, он говорил с трудом, а его поведение пугало детей. Однажды она увидела, как отец пьет чернила из настольной чернильницы, словно это виски или чай. Друзья и родственники подумали, что больному пойдет на пользу прохлада холмистой местности. Семья покинула жаркий и пыльный Лахор и отправилась в Дэлхауси. Это местечко располагалось на высоте восьми тысяч футов на границе снежного покрова Гималаев. В Дэлхауси разместился небольшой английский госпиталь. Воздух Гималаев был свежим, порой даже морозным.

Лоуренса Сэмюэля разместили с максимальным комфортом, но его состояние продолжало ухудшаться. Луиза подолгу оставалась рядом с ним, а младшие дети находились под присмотром гувернантки-ирландки. Порой вся семья отправлялась на прогулку по ближним холмам, покрытым сосновыми лесами. Под ногами шуршала рыжая хвоя, повсюду кричали птицы, слышалось журчание лесных ручейков. Джеральд получил новые впечатления от мира живой природы. Ему даже позволили покататься на отцовском гнедом жеребце. Конечно, мальчика окружала целая толпа слуг на случай, если он упадет. И даже смерть жеребца (он упал в пропасть) не остудила страсти Джеральда к животным.

16 апреля 1928 года, когда Джеральду было три года и три месяца, его отец скончался от кровоизлияния в мозг. Он был похоронен на английском кладбище в Дэлхауси. Ни Джеральд, ни Маргарет на похоронах не присутствовали. Луиза была полностью разбита.

Семья ощущала, что преждевременная смерть Лоуренса Сэмюэля в возрасте сорока трех лет принесет всем массу проблем и тревог. Лоуренс добился успеха, строя железные дороги, но порой он решался на весьма рискованные предприятия. Однажды он подрядился строить дорогу за фиксированную сумму, а прибыв на место, обнаружил, что почва, по которой предстояло проложить дорогу, представляет собой сплошной камень. Элси, сестра Лоуренса, считала, что он сам довел себя до смерти своей работой. Она рассказывала, что Лоуренс заболел от того, что «провел целый день на палящем солнце, наблюдая за ответственным моментом в строительстве моста». Нэнси Даррелл, жена старшего сына Дарреллов, Лоуренса, говорила, что муж рассказывал ей о том, как ссорился его отец с индийскими партнерами по бизнесу. «Это были очень неприятные моменты, связанные с юридическими тонкостями. Отец все делал сам, у него не было адвокатов. Но это его очень тревожило. Не знаю, что точно там произошло, но отец буквально вышел из себя, с ним случился припадок. Очень скоро он умер».

В июле 1928 года было оглашено завещание Лоуренса Сэмюэля. Луиза, его жена, получила 246 217 рупий, что равнозначно 18 500 фунтам стерлингов по обменному курсу того времени. Если

перевести эти деньги по современному курсу, то состояние Луизы оценивалось бы в полмиллиона фунтов. В финансовом плане ей было не о чем беспокоиться, но она очень страдала из-за утраты любимого мужа и опоры семьи. Луиза чувствовала себя одинокой и беспомощной. Ее отчаяние было так велико, что она даже подумывала о самоубийстве, в чем призналась детям много лет спустя. И только мысль о маленьком Джерри, который целиком и полностью зависел от ее любви и заботы, остановила ее. Между матерью и сыном возникла удивительная близость, основанная на долге и любви. Это был настоящий подарок жизни.

«Когда умер мой отец, — вспоминал Джеральд, — мама была так же подготовлена к реальной жизни, как только что вылупившийся птенец. Папа был настоящим эдвардианским мужем и отцом. Он решал все деловые вопросы и полностью контролировал финансовую сторону нашей жизни. Моей матери не приходилось беспокоиться, где взять деньги. Она привыкла относиться к ним так, словно они растут на деревьях».

Самого Джеральда семейная трагедия почти не затронула.

«Я должен сознаться, что смерть отца почти не оказала воздействия на меня, так как он всегда был очень далек и отстранен. Я видел его пару раз в день не больше чем на полчаса. Он рассказывал мне сказку про трех медведей. Я знал, что он мой папочка, но мама и аяя были мне гораздо ближе. Когда он умер, моя аяя забрала меня с собой к своим друзьям. Маме предстояло начать новую жизнь. Сначала она хотела остаться в Индии, но затем прислушалась к советам членов английской колонии. У нее на руках осталось четверо несовершеннолетних детей, которым нужно было дать хорошее образование. Сделать это в Индии было невозможно. За образованием английские дети ехали «домой», в Англию. Мама продала дом вместе со всей обстановкой, мы сели на корабль и отправились «домой».

Мама с Маргарет и Джеральдом на поезде проехали пол-Индии и остановились у родственников в Бомбее, ожидая пассажирского лайнера, который должен был доставить их в Лондон. Джеральд покинул страну своего детства. Вернуться сюда ему удалось лишь спустя полвека седовласым и седобородым джентльменом. Как и большинство детей на пароходе, он отлично переносил качку, чего нельзя было сказать о взрослых. «Через два дня пути, — писал он в своих неопубликованных мемуарах, — разразился ужасный шторм. Огромные серо-зеленые волны обрушивались на корабль, все вокруг скрипело и дрожало. У женщин немедленно случился приступ морской болезни, причем поразила она и белых женщин, и индийских нянь. Очаровательные индуски из смуглых красавиц превратились в зеленых страдалниц. Судя по доносившимся отовсюду звукам, на корабле поселилось целое стадо лягушек, которые непрерывно квакали. В воздухе сильно пахло рвотой».

Экипажу пришлось взять на себя присмотр за дюжиной или более того детей, находившихся в том же возрасте, что и Джеральд. Дважды в день детей связывали длинной веревкой в цепочку, чтобы никто из них не упал за борт, и выводили на палубу подышать свежим воздухом, а потом снова отправляли вниз, играть в жмурки и салочки в душной столовой. У кого-то из членов экипажа был с собой кинопроектор и несколько мультфильмов про кота Феликса. Их бесконечно крутили, чтобы дети скоротали долгий путь до Адена и Суэца.

«Я был поражен, — вспоминал Джеральд. — Я знал про картинки, но представления не имел, что они могут двигаться. Конечно, Феликс был очень стилизованным, примитивным зверем, но его проделки приводили нас всех в восторг. Нам давали бумагу и карандаши, чтобы мы могли писать. Пока остальные учились писать, я пытался нарисовать Феликса. Этот кот стал моим героем. Я приходил в ярость оттого, что не могу его правильно нарисовать, хотя рисунок был очень простым. Когда же мне это наконец удалось, я пришел в еще большую ярость, потому что он не мог двигаться».

С чем бы ни сталкивался мальчик — с живой зверушкой, с нарисованным зверьком или персонажем из мультфильма, — его страсть и нежность к животным была настолько сильной, что, казалось, он впитал ее вместе с генами. И последующие годы не смогли остудить этой привязанности.

Долгое путешествие подошло к концу. Джеральд приехал в новый дом, в новую страну. Ему предстояло начать новую жизнь — без отца. Утрата главы семьи оказала глубокое воздействие на детей Дарреллов. Лишенные строгой отцовской руки, они выросли слишком своевольными, привыкшими все делать по-своему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«САМЫЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК ВО ВСЕЙ ШКОЛЕ»: АНГЛИЯ 1928-1935

Отныне домом семьи Дарреллов стал особняк по Аллейн-стрит в процветающем, зеленом пригороде Лондона Далвич. Это был довольно основательный дом, достойный семьи строителя империи. На трех этажах особняка располагались просторные комнаты. Дом окружал большой сад. Вместе с Луизой поселилась тетя Джеральда Пруденс. В доме постоянно жил камердинер, а для охраны от грабителей был заведен огромный мастиф. Чтобы маленький Джеральд не скучал, ему завели пару маленьких собачек. Но новый дом оказался большим, дорогим и страшным. Как-то вечером мама увидела призрак умершего мужа. Лоуренс сидел в кресле и курил сигарету — по крайней мере, так утверждал Джеральд.

В начале 1930 года, когда Джеральду было пять лет, семья перебралась в большую квартиру в доме 10 по Квинз-Корт в пригороде Лондона Норвуд. Это была пристройка к громадному, неуклюжему отелю «Квинз», построенная в викторианском стиле. Здесь жила кухня мамы, Фэн, а также множество бывших служащих индийской армейской и гражданской службы. Мама почувствовала себя здесь как дома. Семья Дарреллов расположилась в большой квартире странной конфигурации. Входить в нее следовало через отель, но имелась и боковая дверь, через которую можно было попасть в большой сад с газонами, огромными деревьями и прудом. «Квартира наша состояла из просторной столовой, которая служила нам гостиной, — вспоминал Джеральд. — В комнате напротив поселился Ларри. Рядом с его комнатой была маленькая комнатка, где я хранил свои игрушки. Следом шли миниатюрная ванная и кухня, а затем мамина спальня. Если лечь на постель в ее спальне, можно было увидеть всю квартиру вплоть до входной двери».

Мамина склонность к сверхъестественному не проходила даже в трезвой Англии. Теперь ее посещали сразу три привидения, причем одно она видела, а два других слышала. Первое привидение было женщиной. Она появилась у маминой постели, когда та очнулась от послеобеденного сна. Женщина улыбнулась маме, а затем медленно растаяла в воздухе. Через несколько недель она снова явилась. На этот раз ее увидели кухни Джеральда, Молли и Филлис. Девочки вбежали в кухню с криками: «Тетя, тетя, в твоей комнате какая-то странная леди!»

Второе привидение убеждало маму засунуть голову в газовую печь, а третье материализовалось в комнате Ларри, когда тот развлекался, играя в джазовой группе где-то в городе. Это привидение сумело сдвинуть огромный стол, спроектированный еще отцом Ларри. Шум от этого, по воспоминаниям Джеральда, был невероятный. Той ночью мама лежала в постели и курила, дожидаясь возвращения старшего сына. Она услышала шум передвигаемого стола. «Мама крепко взяла меня за руку, — вспоминал Джеральд, — и мы пошли по нашей длинной квартире, прислушиваясь к шуму, который то становился сильнее, то утихал. Но когда мы открыли дверь в комнату Ларри, там никого не было».

В саду отеля «Квинз» Джеральд впервые попытался ловить птичек, посыпая им хвосты солью. Именно здесь мальчик столкнулся с более чувственной стороной жизни. Он познакомился с прелестной молодой женщиной, которую звали Табита. «У нее были огромные, соблазнительные карие глаза, — вспоминал Джеральд, — темно-коричневые, как созревшие каштаны, широкая улыбка, каштановые вьющиеся волосы и прелестная челка». Табита часто присматривала за маленьким Джеральдом, забирая его в свою маленькую квартирку, когда маме нужно было отлучиться по делам. У Табиты был кот по имени Катберт и две золотые рыбки, которых звали мистер Джеикинс и Клара Батт, а также множество друзей-джентльменов. Джентльмены приходили и уходили, проводя некоторое время в спальне Табиты. Они вели деловые переговоры, как объясняла Табита своему маленькому другу.

«Мне нравилось проводить время с Табитой, — писал Джеральд Даррелл в своих неопубликованных мемуарах. — Я очень любил эту женщину. Она была очень нежной и веселой. Ее улыбка просто лучилась любовью. А как восхитительно она пахла! Это было для меня очень важно, потому что от мамы тоже всегда замечательно пахло. Табита была не только очень веселой и доброй, но и невероятно смешной. У нее был хрипящий граммофон и несколько пластинок Гарри Лаудера и Джека Бьюкенена. Мы сдвигали мебель, и Табита учила меня танцевать чарльстон и вальс. Порой мы кружились так неистово, что в конце концов, обессиленные, падали на диван. Табита хохотала, а я хихикал. Табита научила меня нескольким песенкам. Но потом кто-то рассказал маме об истинных занятиях моей подружки, и наши встречи прекратились. Прелестные карие глаза и восхитительный аромат Табиты исчезли из моей жизни. Мне было очень грустно оттого, что я не могу больше танцевать вальсы и чарльстоны, не могу распевать глупые песенки с этой замечательной девушкой».

Оглядываясь назад, Джеральд удивлялся, как его мать могла быть такой чопорной. «В конце

концов, — признавал он, — у нее на руках остались дети, рано развившиеся в сексуальном отношении и продвигавшие в жизнь собственные интересы с энергией динамомашины. Такие скороспелые птенцы должны были лишить маму ее викторианских предрассудков и привить ей более современный взгляд на жизнь. Когда мне был двадцать один год, я приехал домой на уик-энд с подружкой. На столе я нашел мамину записку, которая гласила: «Милый, я приготовила для вас две отдельные постели и одну двуспальную, так как ты не сообщил мне, спите ли вы вместе или порознь. Простыни свежие, а в столовой ты найдешь джин».

Именно в отеле «Квинз» мама познакомилась с семьей Браун — типично английским провинциальным семейством, недавно вернувшимся из Соединенных Штатов. Семья состояла из бабушки Ричардсон, ее дочери миссис Браун и ее младшей внучки, Дороти. Брауны занимали почти такую же квартиру, как и Дарреллы. Матери быстро подружились. Особенно их сблизило то, что обе вернулись из-за границы на чужую для них родину. Дороти Браун было одиннадцать лет, когда она впервые увидела пятилетнего Джеральда. «Он был настоящим непоседой, — вспоминала Дороти. — Уже тогда он с ума сходил от животных. Когда наша кошка приносила котят, он всегда торчал под нашей дверью, умоляя разрешить ему посмотреть. Он всегда был маменькиным сыночком. Джеральд безумно любил свою мать. Он был абсолютно убежден, что мама не может ни в чем ошибаться».

Как и Луиза Даррелл, Брауны подыскивали себе дом. В конце концов они нашли себе подходящее жилище в Борнмуте, небольшом курортном городке на южном побережье Англии, где коротали дни бывшие офицеры и благовоспитанные леди, проживавшие свои скромные пенсии. В Борнмуте было теплее и менее дождливо, чем в других городах Англии, а красота окружающих пейзажей просто завораживала. Мама решила последовать примеру друзей и тоже перебраться в Борнмут. В начале 1931 года Дарреллы стали гордыми обладателями виллы Берридж-Хаус на Спер-Хилл. Мама наняла камердинера, экономку и двух слуг. С этого дня началась тесная связь Дарреллов с Борнмутом, которая длится и по сей день.

Берридж-Хаус был огромной викторианской усадьбой, раскинувшейся на четырех акрах земли. Дом окружали рощи и сады. На просторном газоне могли играть в теннис сразу две пары, а цветочный бордюр, по воспоминаниям Джеральда, был «шире, чем Нил». «Мама посадила практически все существующие в мире растения, — пишет он в своих неопубликованных мемуарах, — за исключением разве что мандрагоры». Когда маму спрашивали, не великоват ли дом для вдовствующей леди с шестилетним мальчиком (Маргарет училась в Малверне, Лесли — в Далвиче, а Ларри — у репетитора), она всегда отвечала, что ей нужны комнаты для друзей ее детей. Маленькому Джеральду этот дом напоминал гигантский кукольный домик, с огромным количеством спален, ванных комнат и мансард. В доме была огромная гостиная, столовая и кухня, а также грандиозный балльный зал с паркетным полом. В дождливые дни Джеральд играл в этом балльном зале. Здесь он мог шуметь и кричать сколько угодно, не боясь потревожить никого из взрослых.

В честь переезда мама купила Джеральду кокер-спаниеля. Это была его первая собственная собака. Ее доставили домой в специальной коробке. Когда Джеральд открыл коробку, оттуда выскочило восхитительное существо — «собака, мягкая и пушистая, с шерстью цвета спелой кукурузы, с большими карими глазами и умиротворяющей мордочкой». Джеральд назвал Щенка Саймоном. С первого момента их знакомства собака стала самым близким другом маленького Джеральда.

Однако у мамы такого друга не было. Одиночество стало тяготить ее. «Жизнь в огромном, гулком, пустом доме с маленьким мальчиком стала тягостно действовать на мамину нервную систему», — писал Джеральд в своих мемуарах. Днем она постоянно что-то готовила, учила Джерри готовить, ухаживала за садом, но потом наступал вечер, и вместе с ним приходило одиночество. «Она была одинока, — писал Джеральд, — и она пыталась заглушить боль, причиненную ей смертью моего отца, при помощи горячительных напитков. Мама прикладывалась к бутылке все чаще и чаще».

Маме становилось легче, когда Джеральд спал рядом с ней. «По вечерам я принимал ванну, а потом прямо в пижаме забирался в мамину постель и тщательно сдувал с простыни все пылинки, чтобы нам было приятно спать. Затем появлялась мама, я прижимался к ее теплому телу, вдыхал ее аромат и засыпал, чтобы проснуться с ощущением полного счастья». Мать и сын были так близки друг другу, как только могут быть близки живые существа.

В конце концов ситуация стала критической. «С мамой произошло то, — вспоминал Джеральд, — что в те дни называлось «нервным срывом». И тогда в мою жизнь вошла мисс Берроуз». Мисс Берроуз была первой и единственной английской гувернанткой Джеральда. «На ее лице постоянно было написано разочарование в жизни, — вспоминал Джеральд, — и это

разочарование отражалось в ее глазах, серых и острых, как две щепки». Мисс Берроуз никогда прежде не занималась с маленькими мальчиками. Почему-то она очень боялась, что Джеральда могут похитить. Ребенка держали под замком, словно он был особо опасным преступником. «Меня запирали в кухне, в гостиной и в столовой. Но самым ужасным было то, что мисс Берроуз запрещала мне брать Саймона в мою спальню. Она говорила, что на собаке масса опасных бактерий. Мисс Берроуз запирала меня на ночь. К утру мой мочевой пузырь был настолько переполнен, что я не мог удержаться, чтобы не намочить постель. Я поднимал уголок ковра, чтобы хоть как-то соблюсти приличия».

Кулинарные способности мисс Берроуз оставляли, как бы потактичнее сказать, желать лучшего. Джеральд вспоминал, что она была единственным человеком в его жизни, кто клал саго в ту бурду, которую она называла супом, после чего это блюдо более всего напоминало лягушачью икру. Когда погода была плохой, мальчику позволялось играть в бальном зале, где они с Саймоном изобретали собственные игры. Мальчик и собака полностью понимали друг друга, как только могут понимать друг друга хозяин и его пес.

«Иногда Саймон становился диким львом, — вспоминал Джеральд, — а я изображал одинокого христианина на арене. И когда я готовился задушить его, он вел себя совсем не как лев. Он лизал меня бархатистым, влажным языком и всячески выказывал мне свою приязнь. А потом я сам превращался в собаку и маршировал по бальному залу вслед за Саймоном на четвереньках. Я сопел так же, как он, я скреб пол так же, как он. Я становился настоящей собакой, как мой маленький приятель».

На самом деле, Саймон был страшным трусом. Он бежал от газонокосилки, как от огня. Трусость не раз спасала ему жизнь, однако, по иронии судьбы, именно из-за трусости он и погиб. Испугавшись звука мотоцикла, на котором отъезжал от дома трубочист, он бросился бежать, выбежал на дорогу и попал под колеса автомобиля. Джеральд вспоминал, что Саймон умер практически мгновенно.

После смерти собаки Джеральд стал так же одинок, как и его мать, вернувшаяся к тому времени из больницы и на время избавившаяся от пагубного пристрастия. Мама решила, что сыну пора дать образование и больше общаться с другими детьми. Ниже по холму располагался детский сад под названием «Березки». Детским садом заведовала крупная пожилая женщина, которую все звали Тетя. Также там работала стремительная, добрая, интеллигентная женщина, мисс Сквайр. Дети прозвали ее Сквик. Джеральд вспоминал «Березки» с нежностью. Закончить курс он смог только здесь.

Джеральду нравилось в «Березках», потому что и Тетя, и мисс Сквайр умели обращаться с маленькими детьми и учить их. Каждое утро он набирал полные карманы улиток, слизняков, ухверток и других не слишком привлекательных созданий и показывал их мисс Сквайр, порой в спичечных коробках, порой просто на ладони. Так формировался его первый зоопарк. «Парень сумасшедший! — возмущался старший брат Джеральда Лоуренс. — Таскает улиток в карманах!!!»

«Разве они не красивые?» — спрашивал маленький Джеральд у мисс Сквайр.

«Конечно, милый, они очень красивы, — соглашалась учительница. — Но я думаю, им будет лучше в саду».

Заметив, что и остальные дети с интересом относятся к увлечению Джеральда, мисс Сквайр купила аквариум и поселила в нем нескольких золотых рыбок и прудовых улиток, чтобы дети могли наблюдать за жизнью этих созданий прямо в детском саду. Примерно в это время Джеральд, которому как раз исполнилось шесть лет, заявил матери, что хочет устроить собственный зоопарк. У него была коллекция игрушечных фигурок зверей, отлитых из свинца — верблюд, пингвин, слон, два тигра, — собранная еще в годы жизни в отеле «Квинз». Но на этот раз он говорил о собрании настоящих животных, описывал, кого именно он поселит в своем зоопарке, какие клетки сделает для своих зверей и в каком доме он будет жить вместе со своей мамочкой.

В 1932 году мама купила новый дом по Уимборн-Роуд, который она назвала «Дикси-Лодж» в честь своей семьи. Этот дом тоже был довольно большим, хотя и уступал предыдущей резиденции Дарреллов. Окружавший его сад был гораздо меньше, поэтому за ним было легче ухаживать. Да и обходилось новое жилище гораздо дешевле. По мнению Джеральда, новый дом был гораздо лучше. В саду росло множество деревьев, по которым можно было лазить и на которых селились удивительные насекомые. В этом доме Джеральд был совершенно счастлив. За ним присматривала строгая, но очень доброжелательная швейцарка Лотти.

Когда же Джеральду исполнилось восемь лет, разразилась новая катастрофа.

«Мама сделала нечто настолько ужасное, что я лишился дара речи. Она отдала меня в местную школу. Не в прелестный детский сад, наподобие «Березок», где можно было лепить из пластилина фигурки и рисовать, а в настоящую школу. Школа Вичвуд была обычной школой, в которой детей учили алгебре и истории — и другим предметам, которые стали для меня настоящей пыткой, как, например, физкультуре. Мой интерес к учебе и спортивные достижения были нулевыми. Учителя считали меня — и не без основания — настоящим тупицей».

Футбол и крикет казались Джеральду скучными, гимнастика и плавание были для него настоящим мучением, поскольку он никогда не увлекался физическими упражнениями. Единственным предметом, который заинтересовал мальчика, была естественная история. Но ей уделялось всего полтора часа в неделю. «Эти уроки вела преподавательница физкультуры, мисс Аллард, — вспоминал Джеральд, — высокая светловолосая леди с выпуклыми голубыми глазами. Как только она почувствовала мой искренний интерес к естественной истории, то изменила свое отношение ко мне и стала моей любимой учительницей».

Джеральд ненавидел школу так сильно, что Луизе пришлось забрать его оттуда. «Мать отвозила Джеральда в школу по утрам, — вспоминает один из друзей семьи Дарреллов. — И это было нелегко. Она тащила его, а он упирался и кричал. В конце концов, его приходилось оставлять дома, потому что у него поднималась температура. Вызванный доктор сказал, что это очень плохо для ребенка и что его можно обучать на дому». И действительно, местный врач поставил Джеральду диагноз так называемой «школьной болезни». У него обнаружилось психосоматическое заболевание, которое не позволяло ему учиться в обыкновенной школе.

После того как семья Дарреллов переехала в Дикси-Лодж, Лоуренс, который, как Лесли и Маргарет, жил отдельно, подружился с Аланом Томасом, помощником менеджера крупного борнмутского книжного магазина. Алан был ровесником Лоуренса и разделял литературные и интеллектуальные интересы своего нового друга. Очень высокий, худой, бородатый, похожий на паука, Алан жил в Боскомбе, поблизости от Борнмута. Скоро он познакомился со всей семьей Дарреллов и стал братом и другом всех членов семьи. Незадолго до того как Джеральд покинул так не нравящуюся ему школу Вичвуд, директор этой школы пришел в магазин, где работал Алан.

«В вашей школе учится брат моего друга», — сказал Алан.

«Да? — удивился директор школы. — И кто же это?»

«Даррелл, Джеральд Даррелл», — ответил Алан.

«Самый невежественный ребенок во всей школе!» — отрезал директор и в возмущении покинул магазин.

Джеральд продолжал бороться с трудностями. Но в один прекрасный день его несправедливо обвинили в каком-то проступке, за что он был наказан директором школы. Мама забрала запуганного мальчика из школы, и на этом формальное образование Джеральда завершилось. Ему было всего девять лет.

Чтобы помочь Джеральду побыстрее справиться с травмой, мама решила купить ему подарок. Они на трамвае отправились в центр Борнмута, где располагался зоомагазин. Джеральду предстояло самому выбрать себе собаку. Он вспоминал:

«В витрине я увидел множество кудрявых черных щенков. Я долго стоял, выбирая, какого из них купить. Наконец я остановил свой выбор на самом маленьком, которого совсем затерроризировали его более крупные собратья. Мы купили его за символическую сумму в десять шиллингов. Я принес его домой и назвал Роджером. Роджер был одним из самых разумных, смелых и добрых собак, какие только у меня были. Он быстро вырос и стал напоминать небольшого эрдельтерьера с пушистой шерстью, которая бы больше пристала пуделю. Роджер был очень умным. Он быстро выучил несколько трюков и великолепно умирал за короля и отчизну».

Роджеру было суждено прославиться и, в некотором роде, обрести бессмертие.

Избавившись от невыносимого груза формального образования, Джеральд вернулся к своему привычному, веселому времяпрепровождению. Он исследовал сад, лазил по деревьям, играл с собакой, набивал карманы улитками и слизняками и мучил всех своими проделками. Дороти Браун вспоминает, что именно Джеральд засунул вонючие бомбы в ящик для угля, когда Дарреллы пришли к Браунам на Рождество. Мама правила своим домом мягкой рукой. «В их доме могли накормить каждого, — вспоминает Дороти. — Она радостно принимала любого друга своих детей. «Сколько человек придет сегодня вечером?» — спрашивала она и находила место за столом для каждого, и для молодых, и для старых. Мама была очень маленькой, но обладала огромным сердцем. Она была очень дружелюбной, могла поговорить с каждым, а готовила она совершенно замечательно!»

Восхитительные ароматы, распространявшиеся с маминой кухни, бесконечное разнообразие

вкуснейших блюд, которые она подавала к обеду, энтузиазм, веселье и способности замечательной рассказчицы доставляли удовольствие всем собиравшимся за ее столом. Эти качества оказали огромное влияние на младшего сына Луизы. Став взрослым, Джеральд превратился в настоящего гурмана и великолепного повара. Свои кулинарные навыки Луиза унаследовала от матери. Многому она научилась у своих индийских кухарок, поскольку, несмотря на неодобрение мужа, проводила на кухне очень много времени. Вернувшись в Англию, она привезла с собой все поваренные книги и заметки, сделанные в годы жизни в Индии. Некоторые из любимых рецептов Луизы — английские, англо-индийские и индийские — были записаны в красивом викторианском блокноте ее матерью: «чапати», «тофу», «Пирог», «молочный пунш», «немецкие булочки», «еврейский маринад» (сливы, перец чили, финики, манго и зеленый имбирь). Многие записи сделаны ее собственной рукой и отражают уже ее вкусы — «цветная капуста по-афгански», «индийские отбивные», «цыпленок, жаренный по-американски», «голландский яблочный пудинг», «индийский сливовый пирог», «русские сладости», «пирог на каждый день», «спиральные носочки» (загадочное название!) и «детская вязаная шапочка» (еще одна неожиданность!). Но индийские блюда всегда были ее любимыми. Не утратила мама интереса и к алкоголю: вино из одуванчиков, вино из изюма, имбирное вино (для которого требовалось шесть бутылок рома) и вино из маргариток (четыре кварты цветков маргаритки, дрожжи, лимоны, манго и сахар).

Неудивительно, что Алан Томас вскоре стал проводить все вечера и выходные дни с семьей Дарреллов. Он быстро понял, что это незаурядное семейство:

«Я никогда не видел такой безоговорочной щедрости и гостеприимства. Никто из друзей этой семьи не сможет отрицать, что их общество украшало жизнь всех вокруг. Все шесть членов семьи Дарреллов были замечательны сами по себе, а во взаимодействии друг с другом они были еще лучше, чем в отдельности. Раскаты раблезианского хохота, чисто английское остроумие, песни Ларри под аккомпанемент гитары или пианино, яростные споры и оживленные беседы затягивались далеко за полночь. Я чувствовал, что моя жизнь обрела новое измерение».

Лоуренс вспоминает, что именно тогда Маргарет взбунтовалась и отказалась возвращаться в школу, а Лесли «вполголоса напевал, любовно перебирая свою коллекцию ружей». Из Джеральда уже в те дни выросал выдающийся натуралист. Все ванны в доме были забиты его тритонами и гольвастиками, а также им подобными созданиями.

«Хотя было трудно сказать, что миссис Даррелл управляла жизнью семьи, — вспоминает Алан, — однако только благодаря ее мягкосердечию, ее забавному, безграничному терпению эта семья оставалась семьей. Она умела смягчать даже самые яростные вспышки ирландского темперамента, я помню, как Джерри возмущался тем, что Ларри, собравшись помыться, вытащил затычку из ванны, где было полным-полно всякой живности. Захлебываясь от невыразимой ярости, подыскивая самое оскорбительное слово в своем словаре, Джерри выкрикнул: «Ты, ты... ты... Ты — ПИСАТЕЛЬ!»

Но Джеральд во многом опирался на бескорыстную и искреннюю поддержку старшего брата: «Когда мне было шесть или семь лет, а Ларри был еще неизвестным писателем, борющимся за признание, он постоянно советовал мне начать писать. Опираясь на его советы, я написал несколько стихотворений, и Ларри с глубоким уважением отнесся к моим виршам, словно они вышли из-под пера Т.С. Элиота. Он всегда бросал свои занятия, чтобы перепечатать мои стихи. Именно на его машинке я впервые увидел свое имя в напечатанном виде».

Незадолго до смерти, когда в живых осталось меньше половины семьи, Джеральд любовно и честно описал свое бурное детство. Дрожащей рукой на желтой бумажной салфетке из ресторана он написал: «Моя семья — это омлет из ярости и смеха, приправленный диковинной любовью, сплав глупости и любви».

Примерно в то же время, когда мама купила Дикси-Лодж, Лоуренс познакомился с Нэнси Майерс, изучавшей искусство в Слейде. Нэнси была немного моложе Ларри. Она очень напоминала Грету Гарбо — высокая, стройная, светловолосая, голубоглазая. Лоуренсу исполнилось двадцать, он вел богемную жизнь в Лондоне — играл на пианино в ночном клубе, писал стихи, работал над своим первым романом и увлеченно читал, став завсегдатаем читального зала Британской библиотеки. «Мое так называемое воспитание было довольно бурным, — вспоминал он. — Я постоянно нарушал спокойствие. Я кутил и распутничал в Лондоне. Я встретил Нэнси, и она была почти такой же. Мы с ней заключили нелепый союз». Вскоре Лоуренс с Нэнси сняли комнату на Гилфорд-стрит возле Расселл-сквер. «Мы много пили и почти умирали. Мы вместе бегали в фотостудию. Это было ужасно. Мы сочиняли надписи для плакатов, создавали короткие рассказы, подрабатывали журналистикой — но мы не собирались продаваться церковникам. Я написал дешевый роман.

Продал его — и ситуация изменилась. Я обрел стабильную профессию. Искусство ради зарабатывания денег».

Наконец Лоуренс решил, что Нэнси пора пройти крещение огнем, и познакомил ее со своей семьей. Много лет спустя Нэнси так вспоминала об этом знакомстве:

«Мы взяли машину на уик-энд. Мне очень хотелось познакомиться с этой семьей, потому что Ларри все драматизировал — сумасшедшая мать, ужасные дети, мать-пьяница, пустила на ветер все их состояние, продала все... ужасная, глупая, сумасбродная женщина. Я считала, что все это звучит очень увлекательно, и безумно хотела познакомиться с его семьей.

Дом не отличался особыми архитектурными изысками, но комнаты были просторными и довольно удобными, если можно считать беспорядок удобным. В гостиной стояло несколько простых стульев и диван, полы были покрыты коврами, повсюду валялись разные вещи. Беспорядок царил страшный. Но я помню, что мне понравился этот дом — понравился царящий в нем бедлам, понравились люди, которые жили ради жизни, а не ради порядка в доме. Вы сразу же чувствовали, что эти люди не придерживаются сковывающих их условностей, как все остальные. Они ели в любое время, они кричали друг на друга, не задумываясь. Никто никем не командовал.

Я впервые попала в настоящую семью — в веселую семью. Я впервые смогла сказать, что мне нравится. В этом доме никому не запрещали высказываться. Это стало для меня настоящим открытием. Мне было непривычно слышать, как они свободно обзывают друг друга и отругиваются до последнего. Это было прекрасно! Я сразу же влюбилась в семью Ларри.

В то время Джерри было шесть или семь лет. Он был очень стройным, деликатным, очаровательным мальчиком, напоминавшим Кристофера Робина. Джерри был слишком чувствителен, чтобы ходить в школу. Уже тогда ощущалась напряженность в отношениях между Ларри и Лесли. Ларри безжалостно издевался над братом. Лесли не отличался остроумием, и Ларри мог в любой момент выставить его на посмеище. Ларри пользовался каждым удобным случаем, чтобы посмеяться над Лесли, и тот очень переживал.

Однако мой первый визит закончился катастрофой. В первое же утро Ларри пришел в мою комнату и лег со мной в постель. Затем пришел Джерри и тоже забрался в мою постель. Мы оказались под одеялом втроем, что оказалось не по нраву маме. Она вошла ко мне и сказала, что никогда в жизни не видела ничего более отвратительного. «Разве можно себя так вести! — кричала она. — Убирайтесь, немедленно убирайтесь из моего дома, вы оба! Даю вам пять минут на сборы! Я не позволю развращать Джерри!» Когда мама хотела, она могла быть настоящей трагической актрисой.

Я была смущена и расстроена, но Ларри успокоил меня: «Глупая женщина, она уже все забыла! Поехали. Пройдет день — и она будет рада снова видеть нас. Все это женские глупости. Не будь дурочкой, мама...»

Вот так нас выставили из дома. Но уже следующим вечером или вскорости после этого нас снова пригласили, и мама согласилась закрыть глаза на то, чем мы с Ларри занимались. Она была очень внимательна ко мне. Я ощущала себя гусем среди уток — все вокруг были такими маленькими, а я оказалась тощей верзилой. Но они не могли относиться ко мне лучше. С первого же момента мама стала моей лучшей подругой. Она подумала, что у меня болезненный вид и стала поить меня сливками, кормить бутербродами с маслом и жирным сыром. Она восхитительно готовила, по большей части предпочитая индийские блюда, карри и жаркое...

Мне безумно нравилась атмосфера в этом доме. Мама в то время пила много джина. Она ложилась тогда же, когда и Джерри. Джерри просто не мог заснуть без нее — он боялся оставаться в одиночестве, как мне кажется. Мама брала свою бутылку и отправлялась спать. Заметив это, мы тоже стали ложиться с бутылкой джина. Мама спала в большой двуспальной кровати. У нее был огромный серебряный поднос для чая, серебряные чайники и другие принадлежности. Мы коротали вечера на ее постели за джином, чаем и разговорами, а Джерри спал в своей кровати в той же комнате. Думаю, он мог спать в любом шуме. Все это было очень интересно».

Хотя друзья восхищались Дарреллами, родственники — тетушки и бабушки — не одобряли такую простоту нравов. Они обвиняли маму в некомпетентности и экстравагантности, особенно когда дело касалось денег. Мама не помогала своей кухне Фэн, а уж детей своих воспитывала, по мнению родственников, совершенно отвратительно. Она не умела управлять ими, они вели дикую, недисциплинированную жизнь, дом велся из рук вон плохо — и все это происходило в консервативном Борнмуте! Особенно много беспокойства доставлял Лесли. Молли Бриггс, дочь тети Джеральда, Элси, вспоминала:

«Лесли с ума сводил тетю Лу. Он оставался в постели до полудня и сутулился. Он ничем не

занимался, ничего не замечал. Мы не слишком его любили. Порой он снисходил до того, чтобы поиграть с нами, но никогда нельзя было быть уверенным, что он выкинет в следующую минуту. Он мог вспылить без малейшего повода. Джерри и Лесли сводили тетю Лу с ума, они были совершенно неуправляемыми. Но Джерри был очаровательным маленьким мальчиком и большим весельчаком. Он забирался на дерево, где у него было собственное убежище. Мы не могли залезть за ним. Он играл с веретеницами, ласкал их, брал в руки. Мы выросли на Цейлоне и боялись змей. Мы терпеть не могли любимцев Джерри и никогда к ним не прикасались. Помню, как мы с Джерри учились кататься на велосипеде на полузатопленном газоне, окруженном вересковыми зарослями. Мы страшно шумели, хохотали, когда падали, а случалось это очень часто. Ларри, который что-то сочинял, высовывался из окна и кричал: «Прекратите этот ужасный шум!»

«Любопытно, хотя никто из нас этого тогда не понимал, но мама позволяла нам жить, — вспоминал Джеральд. — Она беспокоилась о нас, она давала нам советы (когда мы спрашивали у нее советов). И советы ее всегда заканчивались словами: «Но в любом случае, милый, ты должен поступать так, как считаешь нужным». Это было своеобразное внушение, своего рода наставничество. Она открывала нам новый взгляд на проблему, который позволял нам открыть что-то новое. Мы могли справиться с проблемой или нет, но это новое намертво поселялось в наших душах. Мне никогда не читали нравоучений, меня никогда не ругали».

Лоуренс и Нэнси прожили вместе почти год, снимая коттедж в Локсвуде, графство Сассекс, вместе со своими друзьями, Джорджем и Пэм Вилкинсон. Здесь Лоуренс написал свой первый роман, который был опубликован в 1935 году. В конце 1934 года Вилкинсоны решили эмигрировать и переехали на греческий остров Корфу. Климат в Греции был прекрасным, курс обмена очень выгодным, а жизнь легкой и дешевой. Лоуренс и Нэнси отправились в Дикси-Лодж. Время от времени приходили письма от Джорджа Вилкинсона, где тот описывал идиллическую жизнь, которую они ведут на своем прекрасном, зеленом и пока не испорченном острове. В голове Лоуренса начал созревать план. Сначала он решил отправиться на Корфу вдвоем с Нэнси. Греческий остров казался ему идеальным местом для молодого, подающего надежды писателя и молодой, подающей надежды художницы. К тому же оба они увлекались археологией и искусством Древней Греции. Лоуренса ничто не удерживало в Англии. Родился он не на Альбионе, у него не было английских корней, английский образ жизни — «английский образ смерти», как он его называл, — его совершенно не привлекал. Он возненавидел Англию с самого первого дня, когда одиннадцатилетним мальчиком ступил на английскую землю, покинув родную Индию, чтобы получить образование «дома». «Остров пудингов» — вот как называл он чужую для себя Британию. «Этот подлый, потрепанный, маленький остров, — говорил он друзьям, — выворачивает меня наизнанку. Он пытается истребить все уникальное и индивидуальное во мне». Сырой климат стал еще одной причиной для переезда. «Алан, — говорил Лоуренс Алану Томпсону после получения очередного письма от Джорджа Вилкинсона, в котором тот описывал апельсиновые рощи, раскинувшиеся вокруг его виллы, — в Англии все, кого ты знаешь, простужены!» Хотя идея перебраться в Грецию принадлежала Лоуренсу, вскоре она овладела умами всех членов семьи.

Пока мама была жива, Джеральд утверждал, что идея массового переселения под живительные лучи греческого солнца целиком принадлежала его старшему брату. Вот как он описывает хмурый августовский день под свинцово-серым небом: «Резкий ветер задул июль, как свечу, и над землей повисло свинцовое августовское небо. Бесконечно хлестал мелкий колючий дождь, вздуваясь при порывах ветра темной серой волной. Купальни на пляжах Борнмута обращали свои слепые деревянные лица к зелено-серому пенистому морю, а оно с яростью кидалось на береговой бетонный вал. Чайки в смятении улетали в глубь берега и потом с жалобными стонами носились по городу на своих упругих крыльях. Такая погода специально рассчитана на то, чтобы изводить людей».

Вся семья собралась в Дикси-Лодж — не слишком веселая перспектива провести день. У Джеральда из-за сырой погоды обострился катар, он прерывисто дышал открытым ртом. У Лесли болели и кровоточили уши. Маргарет вся покрылась прыщами. Мама простудилась, и к тому же у нее обострился ревматизм. Только Ларри был полон сил и энергии. В тот день его раздражение дошло до крайности, и он возопил: «Кто заставляет нас жить в этом чертовом климате? Посмотри на улицу! Посмотри на нас... Надо что-то делать. Я не могу создавать бессмертную прозу в такой унылой атмосфере, где пахнет мятой и эвкалиптовой настойкой... Почему бы нам не собраться и не отправиться в Грецию?»

После смерти мамы Джеральд по-иному описал те мотивы, которые подтолкнули семью к переезду в Грецию. Мама нашла себе в Дикси-Лодж спутницу и компаньонку в лице Лотти,

швейцарской няни Джеральда. Но вскоре муж Лотти серьезно заболел, по-видимому, раком, и Лотти была вынуждена оставить работу, чтобы ухаживать за ним. «И мы вернулись к прежнему состоянию, — пишет Джеральд в своих неопубликованных мемуарах. — Долгими вечерами у мамы не было другого общества, кроме моего, а мне было всего девять лет. Одиночество все сильнее подталкивало маму к бутылке. Ларри, осознавая опасность, решил, что нужно предпринять какие-то шаги. Он сказал маме, что нужно собираться и отправляться к Джорджу на Корфу. Мама, как обычно, возражала.

«Что мне делать с домом?» — спрашивала она.

«Продай его, пока он еще в приличном состоянии, — посоветовал ей Ларри. — Я думаю, что переезд пойдет нам всем на пользу».

У самого Ларри была еще одна, весьма убедительная причина для эмиграции, о которой он писал Джорджу Вилкинсону на Корфу. «Дни стоят настолько дождливые и туманные, что мы буквально забыли о солнце. Моя мать полностью запутала свои финансовые дела и решила ото всего убежать. Она слишком пуглива, чтобы наслаждаться красотами Средиземноморья в одиночку, поэтому она хочет, чтобы в Грецию отвезли ее мы. Она хочет поселиться на Корфу. Если ей понравится, она обязательно купит дом...»

Похоже, что все три причины — выпивка, деньги и солнце — сыграли определенную роль в принятии окончательного решения. Но маму не пришлось долго убеждать. Лоуренс писал, что она терпеть не может отказывать, да и к тому же ее ничто не удерживало в Англии. Эта семья покинула родную для себя Индию и еще не успела пустить глубокие корни на Острове Надежды и Славы. «Это была романтическая идея и важное решение, — замечала Маргарет. — Я должна была вернуться в школу, но я сказала: «Я ни за что туда не вернусь!» Мама, не любящая скандалов, согласилась с моим решением».

Итак, решение было принято. В путь отправилась вся семья — Ларри с Нэнси, мама, Лесли (которому в те дни исполнилось восемнадцать), Маргарет (пятнадцать) и Джеральд (десять). Сообщая Джорджу Вилкинсону о своем намерении перебраться на Корфу, Ларри поинтересовался, есть ли на острове школа для Джерри. Несколько встревоженный Джордж ответил: «Что ты имеешь в виду под словами «приедем»? Сколько вас?» Но в Грецию должны были отправиться или все, или никто. Дом был выставлен на продажу, вся обстановка упакована и отправлена на Корфу.

Джеральда больше всего беспокоила судьба домашних животных — ведь они принадлежали именно ему. Белых мышей он подарил сыну булочника, канарейку отдал соседу. Спаниеля Плуту взял доктор Макдональд, семейный врач Дарреллов, а черепаха Билли отправилась к Лотти в Брайтон. Спустя двадцать семь лет, когда Джеральд уже добился признания, она написала ему, спрашивая, не хочет ли он, чтобы она вернула черепаху, приписав: «Ты всегда любил животных, даже самых мелких. Я была уверена, что ты обязательно вырастешь добрым человеком». С семьей отправлялся только Роджер. Ему оформили специальный собачий паспорт с большой красной печатью.

Лоуренс и Нэнси должны были отправиться в путь в начале 1935 года. Незадолго до отъезда они решили тайно пожениться. Новость следовало сохранить в секрете от родителей Нэнси, которые не одобрили бы брак их красавицы дочери с буйным писателем. Свадьба состоялась 22 января в борнмутской регистрационной палате. Алан Томас был свидетелем и поклялся сохранить тайну. Церемония сопровождалась некоторой неразберихой. Алан и Нэнси были очень высокими, а Лоуренс маленьким. Регистратор чуть было не поженил совсем не ту пару, даже не осознав этого. «Чтобы избежать случайностей, — вспоминал Алан, — мы нашли пару карликов, выступавших на местной ярмарке, и попросили их быть свидетелями, но хозяин отказался отпустить таких ценных артистов».

2 марта 1935 года Лоуренс и Нэнси сели на корабль в Тилбери и отплыли в Неаполь, который должен был стать их первой остановкой на пути к Корфу. Через неделю тронулась в путь и вся остальная семья. 6 марта они зарегистрировались в отеле «Рассел» в Лондоне, откуда на следующий день Лесли послал открытку Алану Томпсону: «Если повезет, то уже сегодня вечером мы сядем на корабль. P.S. Запиши адрес — мы ведь постоянно переезжаем. Номер 12/6 и так далее!!!»

В опубликованной греческой эпопее Джеральд так описал путешествие семьи, что могло показаться, что они пересекли Францию, Швейцарию и Италию. На самом же деле мама, Лесли, Маргарет, Джеральд и Роджер отправились из Тилбери на японском грузовом судне в каютах второго класса в Неаполь. Единственным из Дарреллов, кто писал письма с дороги, оказался Лесли. Его открытки и письма и стали свидетельством этого события в истории семьи. 8 марта он писал Алану Томасу: «Теперь у меня есть собственная каюта. Люди, путешествующие вторым классом, очень милы и веселы. Корабль немного качает, но все Дарреллы в порядке».

Два дня спустя, уже из Бискайского залива, Лесли посылает новую открытку: «Утром разразилась настоящая снежная буря, и нам пришлось собраться на верхней палубе возле спасательных шлюпок и провести с этой ***** собакой несколько занятий. Господи, ну и задачка нам выдалась! Собака носится вокруг, снег залепляет глаза, ветер дует, как в аду... Ну и поездочка! Похоже, никто не знает, как спускать спасательные шлюпки, так что нам всем приходится положиться на милость бога (если он есть, конечно). Не уверен, что нам удастся снова увидеть берега старой, доброй Англии!»

15 марта корабль миновал Гибралтар. «Никто из Дарреллов от морской болезни не страдает, даже ***** собака», — сообщал Лесли. Корабль остановился в Марселе, следующей остановкой должен был стать Неаполь. Там семья пересела на поезд, следующий до Бриндизи, и на пароме переправилась на Корфу, проделав 130 миль по Ионическому морю.

Паром отплывал ночью. «Крохотный кораблик отчалил от берега Италии, — вспоминал Джеральд об этом путешествии. — Море было залито лунным светом, а мы спали в своих крохотных каютах, не сознавая, что где-то на этой водной глади пролегает невидимая черта. Мы пересекли ее и очутились в ярком, залитом солнцем мире Греции. Постепенно ощущение перемен, происходивших в нашей жизни, утихло. Мы встретили восход на палубе. Какое-то время остров казался маленькой, шоколадно-коричневой полоской на горизонте, окутанной туманом.

Потом солнце вдруг сразу выплыло из-за горизонта, и все небо залилось ровной голубой лазурью, как глаза у сойки. Море вспыхнуло на миг всеми своими мельчайшими волночками, принимая темный, пурпуровый оттенок с зелеными бликами, туман мягкими струйками быстро поднялся вверх, и перед нами открылся остров. Горы его как будто спали под сомкнутым бурным одеялом, в складках зеленели оливковые рощи. Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи. Мы обогнули северный мыс, гладкий крутой обрыв с вымытыми в нем пещерами. Темные волны несли туда белую пену от нашего кильватера и потом, у самых отверстий, начинали со свистом крутиться среди скал. За мысом горы отступили, их сменила чуть покатая равнина с серебристой зеленью олив. Кое-где к небу указующим перстом поднимался темный кипарис. Вода в мелких заливах была ясного голубого Цвета, а с берега даже сквозь шум паровых двигателей до нас доносился торжествующий звон цикад».

Десятилетия спустя, старый и больной, находящийся на грани смерти Джеральд Даррелл снова вспомнил тот волшебный пейзаж, который навсегда изменил его жизнь. И вспомнил его с болью, присущей всем нам, когда мы вспоминаем об утраченной юности. «Мы словно вернулись в рай, — прошептал он. — Приплыв на Корфу, мы будто родились заново».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЙСКИЕ ВРАТА: КОРФУ 1935-1936

Через несколько часов после прибытия на Корфу Дарреллы сошли на берег и отправились в город. Процессия состояла из Джеральда, вооруженного сачком для ловли бабочек и держащего в руках банку, битком набитую гусеницами, и мамы, «имевшей вид захваченного в плен беспокойного маленького миссионера» и пытавшейся удержать на поводке крупную собаку, отчаянно стремящуюся к ближайшему фонарному столбу. Две повозки, в одну из которых погрузились члены семьи, а в другую сложили багаж, отправились в путь по узким, залитым солнцем улочкам элегантной, маленькой столицы острова. Очень скоро семья Дарреллов сделала свою первую остановку на Корфу. Они выбрали «Швейцарский пансионат», располагавшийся неподалеку от центральной площади Платиа. Здесь их уже поджидали Ларри и Нэнси. «Сегодня семья наконец-то сползла на берег, — писал Лоуренс Алану Томасу, — и сразу же застала нас в постели, так что... Описать красоту этого образцового места просто невозможно, я до сих пор не верю своим глазам».

На следующее утро мама и все остальные члены семьи отправились на поиски дома. В сопровождении агента из гостиницы они объехали огромное множество домов самых разнообразных видов и размеров. Но маме не понравился ни один из них, поскольку все они обладали одним весьма существенным недостатком — в них не было ванны. Поэтому семья продолжала жить в «Швейцарском пансионате». 29 марта Лесли написал Алану с просьбой выслать ему газеты и журналы — «Дейли миррор» и другие газеты для Лоуренса, пару детских журналов для Джерри, журналы по шитью и домоводству для мамы, а также несколько журналов, посвященных оружию, для него самого. Мама приписала к письму постскрипту, в котором жаловалась на то, что Корфу не

оправдал ее ожиданий.

«Мы по-прежнему остаемся в отеле, но надеемся вскоре переехать. Не верьте ни одному слову, что вам будут говорить об этом вонючем острове. Природа вокруг восхитительна, не могу не признать. Но вот город... Пожалуй, будет разумнее не говорить о нем вообще. Однако, если вы соберетесь приехать, мы всегда найдем для вас местечко. Вы можете спать с Лесли или с Джерри, но вряд ли нам удастся найти на Корфу что-нибудь подходящее».

У мамы были все основания находиться в подавленном настроении. Все были не в духе. Они очутились в чужой стране, языка которой не знали и обычаи которой были для них незнакомы. Неудивительно, что все были встревожены, подавлены и постоянно ворчали друг на друга. Хуже всего было то, что лондонский банк до сих пор не перевел в Грецию ни фунта, поэтому семья сидела без гроша в кармане. К тому же багаж Лоуренса и Нэнси не прибыл, и молодожены оказались без одежды и книг. Дарреллы снимали душные комнаты в «Швейцарском пансионате» в долг. Маргарет, или Марго, как ее стали называть на Корфу, чувствовала себя отвратительно и постоянно плакала, а Джерри подвывал ей в унисон. Надежды питались только красотой природы и восхитительным теплым морем.

В первые же дни пребывания на Корфу Джеральд овладел новым навыком, который кардинальным образом изменил его отношение к этому острову. Он научился плавать. В то недолгое время, что он провел в школе, уроки плавания не дали ему ничего, кроме безумного страха перед водой. Но стоило ему очутиться на острове, как все изменилось.

Джеральд писал в своих неопубликованных мемуарах:

«Мы с мамой в сопровождении отчаянно лающего Роджера отправлялись в маленькую скалистую бухточку, расположенную под старинным венецианским фортом, возвышавшимся над городом. Именно здесь я открыл для себя, какой восхитительной и волшебной может быть вода. Сначала я заходил в воду по колено, потом вода поднималась до подмышек, и вот я уже плыл по этой теплой, шелковистой, голубой глади. Мои губы ощущали соленый вкус морской воды. Вода была теплой и ласковой, мои страхи исчезли, словно их никогда и не бывало. Очень скоро я стал заплывать так далеко, что встревоженная мама принималась носиться взад и вперед по берегу, как обезумевший кулик, призывая меня немедленно вернуться в безопасные воды».

Пока остальные члены семьи томились в пыльном городе, Лоуренс и Нэнси нашли для себя небольшой домик на холме, неподалеку от виллы Агазини, где жили их друзья Вилкинсоны. Этот дом располагался возле Перамы, на южном побережье острова. С холма они могли видеть бескрайние морские просторы, а к дому вела узкая проселочная дорога. Вскоре после переезда Лоуренс писал Алану Томасу:

«По-моему, я уже писал тебе о том, как здесь удивительно красиво, на нашем холме, или нет? Ну так можешь умножить мои восторги на четыре. Сегодня мы поднялись с восходом и завтракали в лучах восходящего солнца. Мы поставили стол на террасе, откуда видно море. Рыбачьи лодки проплывали взад и вперед. Албанский берег сегодня был затянут дымкой. Днем жара лишает всяких сил. Повсюду кишат пчелы, ящерицы и черепахи... Господь создал этот остров!»

За этим письмом последовало новое. Мама все еще продолжала подыскивать для себя дом. Лоуренс снова написал Алану, поскольку никак не мог сдержать восторгов по поводу собственного приобретения:

«Ты не представляешь, сколько запахов и звуков окружает меня в нашем доме. Вот, к примеру, я сижу в доме. Окно. Свет. Серая голубизна. Два небольших кипариса гнутся под порывами сирокко. Они острые и веселые, как груди девушки. На море слабое волнение, волны набегают на берег, который изгибается к Лефкимо. Я вижу единственную лодку. По дороге... едут крестьяне на ослах. Восторги, проклятья, скрип колес, яркие пятна цвета, шарфы и экзотические наряды. На севере ничего. Впереди Эпир и Албания, укутанная сливочно-белой дымкой. На юге туманы. Там скрываются другие острова, но сейчас я не могу их видеть».

Тем временем мама решила арендовать автомобиль, чтобы они могли съездить в Пераму, посмотреть дом, который предложил им владелец «Швейцарского пансионата». И вот в этот момент Дарреллы встретились с человеком, который изменил их жизнь на острове раз и навсегда. Семейство Дарреллов отправилось на стоянку такси, располагавшуюся на главной площади. Толпа крикливых таксистов, говоривших только по-гречески, набросилась на невинных англичан, словно коршуны на добычу. И тут раздался глубокий, сочный, низкий голос, «какой мог бы быть у вулкана», который по-английски или почти по-английски произнес:

«Эй! Почему вы не брать с собой кого-нибудь, кто говорить на вашем языке?»

«Обернувшись, мы увидели древний «Додж», припаркованный у обочины, — вспоминает

Джеральд. — За рулем сидел маленький, плотный человек с огромными руками и широким, обветренным лицом. На нем была кепка, лихо сдвинутая на бок.

«Эти ублюдки облапошат собственную мать, — прорычал этот человек. — Куда вы хотите поехать?»

Вот так семейство Дарреллов впервые встретилось со Спиро Хакьяопулосом. На острове его звали Спиро-американцем, потому что он восемь лет провел в Америке. Он работал в Чикаго и скопил достаточно денег, чтобы вернуться домой. Спиро был колоритной личностью с сердцем из чистого золота. Очень скоро он стал проводником, философом и другом в самом высоком смысле этого слова. Джеральд называл Спиро «грузным, нескладным ангелом с дубленой кожей... громадной загорелой горгульей»; Лоуренсу Спиро больше всего напоминал «здоровенную бочку оливкового масла».

«Ванны? — переспросил Спиро. — Вы хотите ванны? Я знаю виллу, где есть ванны!»

Усевшись в «Додж», семейство отправилось в долгую поездку по лабиринту пыльных греческих улочек. Затем машина выехала на белую проселочную дорогу, петлявшую между виноградников и оливковых рощ.

«Вы англичане? — спросил Спиро. Обращаясь к пассажирам, он поворачивался к ним всем телом, отчего машина начинала метаться по дороге от одной обочины к другой. — Так я и думал... Англичане всегда хотят ванны... Я люблю англичан... Честное слово, если бы я не был грек, я бы хотел быть англичанин».

Похоже, Спиро был англофилом до мозга костей.

«Честное слово, миссисы Дарреллы, — сообщил он маме чуть позже, — если вы вскрыть меня, то найти внутри Юнион Джек».

Машина выехала на берег моря, затем дорога стала подниматься по холму. Внезапно Спиро ударил по тормозам, и машина остановилась, подняв облако белой пыли.

«Вот, — сказал Спиро, указывая вперед своим коротким, толстым пальцем. — Вот дом с ванны, как вы хотели».

Перед ними стоял маленький, квадратный одноэтажный домик, землянично-розового цвета. Отсюда до дома Ларри можно было дойти пешком. Домик расположился в небольшом садике, границы которого были отмечены небольшими стройными кипарисами. Склоны холма покрывали оливковые деревья, раскиданные живописными рощицами. Небольшой балкон был увит цветущей бугенвиллеей. Ставни на окнах кто-то выкрасил зеленой краской, но она давно выгорела и потрескалась от солнца. «Горячий воздух был напоен ароматами сотен увядающих цветов, — вспоминал Джеральд. — Повсюду нежно и тонко пели разнообразные насекомые. Как только мы увидели этот дом, нам сразу же захотелось в нем поселиться — вилла словно поджидала, когда же мы наконец приедем. Мы поняли, что обрели свой дом».

На следующий же день весь багаж перевезли в дом на холме. Ставни распахнулись, полы были вымыты, белье проветрено, кровати застелены. На кухне запылал очаг, кастрюли и сковородки выстроились на полках. Дом постепенно приобретал совсем жилой вид. Все свое время Джеральд проводил в саду. Это был удивительный сад. Лепестки, облетающие с увядающих цветов, образовывали звездочки, полумесяцы, треугольники и круги. Садик стал для Джеральда настоящим открытием, «волшебной страной, где в цветочной чаще суежилась такая живность, какой я еще никогда не встречал». Никогда еще он не видел такого изобилия природы. Под каждым камнем Джеральд находил по двадцать различных созданий, на каждом растении сидело еще двадцать совершенно новых: божьи коровки, пчелы-плотники, яркие бражники, гигантские муравьи, паучки-крабы, которые умели менять окраску, словно хамелеоны. Завороженный богатством жизни за порогом дома, Джерри бродил по саду в совершеннейшем изумлении, а потом часами наблюдал за существованием загадочных созданий. «Пока мы не поселились в нашем первом доме, — позднее вспоминал Джеральд, — мы не понимали, что попали в рай... Я чувствовал себя так, словно со скал Борнмута меня перенесли на небеса. Наконец-то я ощутил себя по-настоящему дома».

Итак, семья наконец обрела дом. Спиро принял на себя все заботы по устройству бестолковых англичан. Он яростно спорил по поводу каждой покупки. Именно Спиро сумел навести порядок в вопросе пропавших маминых денег. А таможенные чиновники, задержавшие багаж семьи, вернули все чемоданы и ящики с извинениями. Спиро, с «громовым голосом и вечно нахмуренными бровями», сообщал Дарреллам все, что они должны были знать относительно жизни на острове. Он стремился удовлетворять их самые мелкие желания. Маму Спиро буквально боготворил, повсюду ее сопровождал, словно ангел-хранитель. Однажды Лесли сказал ему: «Знаешь, она ведь совсем не хорошая мать!» Спиро был в ужасе. Он немедленно выступил на мамину защиту. «Не говорить так!

— ревел Спиро. — Если бы я имел такую мать, я бы каждое утро опускаться на колени и целовать ее ноги!»

Все члены семьи Дарреллов приспосабливались к новой жизни сообразно своим привычкам и вкусам. Марго устроилась на Корфу быстрее всех. Маленькая, светловолосая, веселая, в крохотном купальнике, она, к восхищению всех местных парней, часами загорала в оливковых рощах. Молодые греки возникали словно по мановению волшебной палочки, даже если она отправлялась в самое уединенное место. По крайней мере, так утверждал Джеральд в своей великолепной книге, посвященной дням, проведенным на Корфу, «Моя семья и другие звери». Он написал ее двадцать лет спустя и порой не придерживался строгой хронологии событий. Марго же вспоминала о греческом путешествии иначе. «Джеральд выставил меня полной идиоткой, которая только и думала, что о парнях, — жаловалась она много лет спустя. — Джерри никогда не понимал меня, никогда не хотел заглянуть в глубь моей души. Оглядываясь назад, я вижу романтическую, чувствительную девушку, которая стремилась постичь дух Греции. Я единственная сумела понять подлинную натуру Корфу».

Акклиматизация Лесли оказалась весьма шумной. Как только багаж прибыл, он распаковал свои ружья и пистолеты, вычистил их, смазал и зарядил, а потом принялся стрелять по консервным байкам из окна своей спальни. Мама целые дни проводила на кухне, помешивая что-то в кипящих на плите кастрюльках. Дом был наполнен ароматами трав и чеснока. «Мы с мамой Даррелл увлеклись готовкой, — вспоминала Нэнси. — Она любила готовить невероятно острые блюда, которые было почти невозможно есть. Мы заготавливали банки с различными чатни, томатной пастой, кабачковой икрой. Вообще в нашем рационе было множество местных овощей, включая такие экзотические плоды, как плоды опунции».

Лоуренс же, по воспоминаниям Джеральда, был «самим провидением создан для того, чтобы нестись по жизни, словно маленький светловолосый огонек, разбрасывающий вокруг себя искры идей, а затем сворачивающийся в чисто кошачьем равнодушии и снимающий с себя всякую ответственность за последствия». Читая «Мою семью и других зверей», можно подумать, что Лоуренс жил вместе со всей семьей, однако они с Нэнси снимали собственный дом почти все время, проведенное семьей Дарреллов на Корфу. Хотя Лоуренс любил публично заявлять, что он не встречался со своей семьей в Греции, кроме как на Рождество, на самом деле они с Нэнси проводили много времени в мамином доме. Пока они жили возле Перамы, это было несложно. Затем, когда семья переехала на северное побережье, видеться стало сложнее. Нэнси хорошо запомнила свои контакты с семьей Дарреллов.

«Ларри постоянно терзал Лесли. Он говорил, что тот дурак, что он бесцельно тратит свою жизнь. Ему доставляло удовольствие унижать младшего брата. У Лесли было три или четыре пистолета. Когда Ларри доводил его до крайности, Лесли хватался за пистолет и угрожал, что сейчас его пристрелит. Думаю, он вполне был способен это совершить. Иногда Лесли принимал мою сторону. Он хватал пистолет и тогда, когда мы с Ларри ссорились. Бедный старина Лесли, он бродил по полям с полевой полицией — очень неинтересными людьми с ружьями наперевес: У него была повреждена барабанная перепонка, поэтому он не мог плавать и развлекаться, как мы все. Не слишком веселое времяпрепровождение для девятнадцатилетнего парня».

В землянично-розовом доме было всего три спальни, поэтому, хотя Джеральду и не приходилось больше сворачиваться клубочком в материнской кровати, он по-прежнему жил вместе с ней в одной комнате. В уголке для него была поставлена кушетка. Лоуренсу досталась роль отца. Разница в возрасте была такова, что Джерри видел в старшем брате скорее отца, чем брата. Он все знал и умел, его авторитет в семье был непререкаем. Такой человек вполне мог заменить мальчику недостающего отца.

Постепенно семья привыкла к тому, что не может общаться почти ни с кем, кроме Спиро. Греческий язык довольно сложен для изучения. Дарреллам пришлось потрудиться, чтобы хоть как-то им овладеть. Младшие члены семьи сумели все же справиться с этой задачей — не изучая грамматику и не заучивая новые слова, а просто общаясь с крестьянами из соседних деревень. Греческий язык они помнили всю свою жизнь. «Понемногу я научился понимать их разговор, — вспоминал Джеральд. — Сначала мое ухо стало выделять из общего неясного потока отдельные звуки, потом эти звуки приобрели вдруг значение, и я начал медленно, с запинками выговаривать их сам».

Корфу был самым красивым из всех средиземноморских островов, а во времена Даррелла он оставался практически не затронутым современной цивилизацией. Корфу расположен в одной из самых красивых областей Греции. За свою историю он часто переходил из рук в руки — его захватывали венецианцы, французы, англичане. Завоеватели оказали сильное влияние на образ жизни местного населения. Венецианцы стали аристократией острова. Именно они построили столицу

острова и самые изысканные виллы. Англичане же, которых изгнали с Корфу в 1864 году, познакомили островитян с имбирным пивом, почтовой службой и крикетом. Дарреллам в этом отношении повезло — корфиоты всегда относились к англичанам с глубоким уважением. Греки считали каждого англичанина лордом и воплощением самых высоких человеческих добродетелей. Джеральда местные крестьяне прозвали «маленьким английским лордом». Ему были рады в каждом доме.

Но, как и любой невинный Эдем, остров имел и свою оборотную сторону. «Крестьяне оказались неисправимыми ворами и лжецами, — писал Ло-уренс вскоре после переезда в Пераму. — Но они полностью компенсировали эти недостатки своей восхитительной манерой вилять задом при ходьбе. Это объясняется тем, что им постоянно приходится переносить тяжести на голове». Вскоре Лоуренс переменял свое отношение к корфиотам. Дарреллы подружились со многими жителями острова. Но все же мир греческого острова оставался им чужд. Позже Джеральд писал:

«Корфу был замечательным местом, странным и немного сумасшедшим. Когда продавец в магазине с присущим всем корфиотам шармом говорил, что приготовит для вас все, что нужно завтра, он погружался в мир, который поставил бы в тупик самого Эйнштейна. Слово «завтра» могло означать все, что угодно, — полтора часа, две недели, два месяца или вообще никогда. Слово «завтра» никогда не имело нормального значения. Оно могло превратиться во вчера, в прошлый месяц или в следующий год. Мы были Алисами, попавшими в страну чудес».

В те дни Греция не пользовалась такой популярностью, как в наши дни. Она считалась слишком далекой и грубой страной. Туристы, отправлявшиеся за границу, предпочитали Италию. Греция же оставалась дикой страной, не соответствовавшей запросам рафинированных европейцев. Иностранец, поселившийся в этой стране, сталкивался с массой практических проблем. Не составлял исключения в этом отношении и Корфу.

До изобретения ДДТ, как писал Лоуренс, «Корфу был одной огромной блохой — одной ужасающей волосатой отвратительной блохой, — а также несколькими клопами, тоже слоновьих размеров». Он жаловался, что жизнь на острове почти так же примитивна, как в Африке, что крутом кишат насекомые, распространена малярия, летняя жара почти невыносима, а почва камениста. Обычная греческая деревня мало изменилась со средних веков. Медицина была совершенно неизвестна. Если кто-то заболел, то его лечили народными средствами — массажем, припарками, травяными настоями — или отправляли к костоправу. Хотя в городах и были квалифицированные медики, но обратиться к греческому врачу, по воспоминаниям Джеральда, было равнозначно «пересечению Ниагарского водопада в бочке». Дороги на острове были плохими, на три дюйма покрытыми белой пылью. На северное побережье было сложно добраться даже летом, а зимой эти дороги полностью размывало. В отдаленные части острова добирались на пассажирских рыбацких лодках, но зимой, когда море штормило, эти лодки переставали ходить.

Поскольку Дарреллы поселились неподалеку от города, их жизнь была более или менее устроенной. Фруктов и овощей — картофеля, кукурузы, моркови, помидоров, зеленого перца и баклажанов — было невероятно много, и продавались они за чисто символическую цену. Каждый день можно было купить свежую рыбу. Но на острове просто не существовало сливочного масла, а молоко было только козьим. Тощие костлявые цыплята не привлекали взгляд, что такое говядина, островитяне не знали, хотя в изобилии была прекрасная баранина и порой свинина. Из консервов на Корфу можно было найти только горошек и томатную пасту, а хлеб был тяжелым, серым, мокрым и кислым. На острове не было газа, электричества и угля. Очаги топили древесным углем, поэтому, чтобы вскипятить чайник, требовалось не меньше двадцати минут. Белье гладили тяжелыми черными утюгами на древесном угле. В качестве источников света использовались масляные лампы. Они наполняли комнату специфическим запахом. Для обогрева помещений использовались масляные печки, а также камин. Для торжественных случаев приобретались большие церковные свечи, которые устанавливали на веранде и в саду. Для освещения стола использовали сушеные мандарины, которые заполняли маслом и куда опускали маленькие фитили. На Корфу не было холодильников, но для мамы Спиро устроил ледник, куда он каждый день привозил лед из города. В отсутствие холодильника его роль исполнял глубокий колодец, куда опускали продукты в специальной корзине. Часть продуктов хранилась в пещере на берегу, где тоже было довольно прохладно. «Иногда было так жарко, — вспоминал Лоуренс, — что мы выносили обеденный стол на берег и устанавливали его так, чтобы сидеть в воде. Если вода доходила до пояса, то становилось вполне комфортно. Море было настолько чистым и спокойным, что по ночам не колебались даже свечи. А луна была невероятно огромной и оранжевой!»

Но все свои недостатки Корфу с избытком компенсировал необычайными достоинствами. Арендная плата была очень низкой. Дарреллы платили всего два фунта в месяц за большой дом на берегу. Пища также доставалась практически даром. «На Корфу продается отличное местное вино, — писал Лоуренс Алану Томпсону. — На вкус и на вид оно больше всего напоминает замороженную кровь. Вино стоит 6 драхм за бутылку. Чего еще можно желать? В Англии за такие деньги не купишь даже бутылки лошадиной мочи. Вчера мы по-королевски пообедали красной кефалью — пища подлинных эпикурейцев! — и стоил наш обед всего 20 драхм». Одежда на острове также не отличалась изысканностью. Джерри большую часть времени проводил в шортах. Он отпустил длинные волосы, поскольку терпеть не мог ходить к местному парикмахеру. Когда воздыхатель подарил Марго большую шелковую шаль, которую та не собиралась носить, Джеральд выпросил у нее этот подарок и стал носить его вместо плаща во время прогулок на деревенском пони. Шаль была разукрашена золотыми, зелеными, красными и фиолетовыми цветами, а по краям шла длинная красная бахрома. «Я представлял себя настоящим рыцарем, — вспоминал Джеральд, — когда в своем наряде мчался по холмам».

Жизнь на острове была довольно спартанской. В доме были деревянные полы, которые раз в неделю мыли и чистили песком. Каждое утро прислуга вывешивала простыни на улицу, чтобы проветрить. Обстановка в доме была простой, деревенской и совершенно греческой. Мама украсила дом экзотическими индийскими предметами, которые она привезла из Англии. На окнах красовались темно-синие занавеси с огромными павлинами, в гостиной расположились круглые медные столики с затейливым чеканным орнаментом и изящно изогнутыми ножками, пепельницы украшали драконы и павлины.

Жизнь семейства Дарреллов на Корфу была простой, неспешной, спокойной и уравновешенной. Остров был прекрасен, не испорчен цивилизацией — настоящий земной рай, окруженный кристально-чистым морем. Джеральд был совершенно счастлив.

«Мало-помалу остров незаметно, но властно подчинял нас своим чарам. Каждый день нес в себе такое спокойствие, такую отрешенность от времени, что хотелось удержать его навсегда. Но потом ночь опять сбрасывала свои темные покровы, и нас ждал новый день, блестящий и яркий, как детская переводная картинка и с тем же впечатлением нереальности. В те дни я вел странную тройную жизнь. Я существовал одновременно в трех мирах. Один мир принадлежал моей семье, второй — эксцентричным друзьям, а третий — местным крестьянам. По всем трем мирам я проходил незамеченным, но внимательным наблюдателем».

Для Джеральда Корфу был своеобразным средиземноморским Конго, населенным аборигенами и кишасим животными и насекомыми. Любая прогулка по острову превращалась в увлекательное приключение, любой шаг в сторону от привычного пути таил в себе что-то новое, неожиданное и невероятно интересное.

Семья решила пробыть в Греции полгода, а затем решить, стоит ли оставаться на Корфу. Это время стало для Джеральда временем полной свободы, нескончаемым праздником — ни уроков, ни обязанностей, ни домашней работы. Только прогулки по острову, только знакомство с земным раем, только новые открытия, поджидавшие его, стоило ему только отойти от землянично-розового дома.

Каждое утро спальню Джеральда заливали лучи восходящего солнца, а затем доносился аромат растапливаемого очага на кухне. Раздавалось кудахтанье кур, лай собак, звон овечьих колокольчиков. После завтрака под мандариновыми деревьями, состоявшего из кофе, тостов и яиц, Джеральд натягивал сапоги — мама купила ему резиновые сапоги и поначалу требовала, чтобы он обязательно их надевал, она еще помнила опасных индийских змей — и отправлялся на прогулку по утренней прохладе. В руках мальчик держал сачок, его карманы были полны пустых спичечных коробков, а за ним неся лохматый черный Роджер — верный друг и спутник во всех путешествиях Джеральда.

Для жителей деревень, расположенных в радиусе шести миль от землянично-розового дома, Джеральд был чем-то вроде местной газеты или программы новостей. В те дни местные крестьяне редко виделись друг с другом, разве что пару раз в год на сельских праздниках. Такой неутомимый путешественник, каким был Джеральд, разносил новости от деревни к деревне. Он сообщал, что Мария умерла, а у Спиро погиб урожай картофеля (речь шла о том Спиро, который держал слепого осла, а не о Спиро-американце). «По! По! По! — в ужасе восклицали крестьяне. — И теперь ему придется зимовать без картошки?! Храни его святой Спиридон!»

Джеральд быстро перезнакомился с местными крестьянами, и многие из них стали его настоящими друзьями. К числу его друзей относился веселый деревенский простак, дружелюбный, но немного заторможенный юноша с круглым, как блин, лицом, постоянно ходивший в котелке с

обрезанными полями. Очень любил Джеральд веселую и толстую Агати. Агати уже перевалило за семьдесят, но ее волосы по-прежнему оставались блестящими и черными. Она пряла шерсть на ступеньках своего дома и напевала пронзительные народные песни, чаще всего свою любимую, «Миндальное дерево». Еще одним другом Джеральда был старый беззубый пастух Яни с крючковатым носом и огромными бандитскими усами. Яни угощал десятилетнего Джеральда оливками, инжиром и местным красным вином, разведенным до бледно-розового цвета.

Но самым удивительным и притягательным человеком для Джеральда был Человек с Золотыми Бронзовками, странствующий коробейник, отличавшийся уникальной эксцентричностью. Когда Джеральд впервые увидел его во время своих странствий, он играл на пастушьей свирели. Наряд Человека с Золотыми Бронзовками поразил мальчика. На нем была бесформенная потрепанная шляпа, за ленту которой были заткнуты самые разнообразные перья — совиные, удоковые, зимородковые, петушинные и лебединые. Из карманов пиджака торчали гребешки, воздушные шарики и цветные образки святых. На спине он нес бамбуковые клетки с голубями и цыплятами, несколько загадочных мешков и большой пучок свежего зеленого лука. «Одной рукой он держал свирель, а в другой сжимал пучок нитей, к каждой из которых была привязана золотая бронзовка, размером с миндальный орех. Сверкая на солнце, золотисто-зеленые жуки летали вокруг шляпы и отчаянно гудели, стараясь сорваться с ниток, крепко обхватывающих их тельца». Жуки, как показал жестами человек (он был не просто странным, а немым), деревенским ребятишкам заменяли игрушечные самолеты.

Мешок Человека с Золотыми Бронзовками был набит черепахами. Особенно понравилась Джеральду одна из них, с более яркими, чем у ее товарок, глазами и обладающая, как показалось мальчику, уникальным чувством юмора. Джеральд назвал черепашку Ахиллесом. «Разумеется, такой прекрасной черепахи я еще никогда не видел. По-моему, она стояла раза в два дороже, чем я за нее заплатил. Я погладил черепаху пальцем по чешуйчатой головке, осторожно положил в карман и, прежде чем спуститься с пригорка, оглянулся. Человек с Золотыми Бронзовками стоял на том же самом месте, но теперь он танцевал что-то вроде джиги, раскачивался, прыгал, подыгрывая себе на свирели, а на дороге, у его ног, копошились маленькие черепахи».

У Человека с Золотыми Бронзовками Джеральд приобрел нескольких зверушек, которые поселились в землянично-розовом доме, — жабу, ласточку с поврежденным крылом и всех его золотых бронзовок, которые летали по всему дому, падали на постели и врезались в людей, как маленькие изумруды. Самым беспокойным жильцом оказался молодой голубь, который наотрез отказывался летать и предпочитал спать в изножье постели Марго. Птица была настолько некрасивой и толстой, что Ларри прозвал ее Квазимодо. Именно Ларри заметил, что при звуках музыки голубь начинает кружиться вокруг граммофона в некоем подобии вальса, а при звуках марша Саузы гордо вытягивался во весь рост и раздувал грудь. В один прекрасный день Квазимодо поразил всех тем, что снес яйцо. Характер вздорной голубихи становился все невыносимей, она позабыла о граммофоне и внезапно научилась летать. Она вылетела из дома и поселилась на соседнем дереве, устроив свою жизнь с крупным голубем весьма мужественного вида.

Джеральд быстро постигал секреты природы Корфу. Но мама решила, что ему нужно получить образование. За это неблагодарное дело взялся Джордж Вилкинсон. Каждое утро он приходил в дом Дарреллов, длинный, нескладный, бородатый очкарик, в шортах и сандалиях, держащий под мышкой стопку книг из собственной небольшой библиотеки. Для обучения десятилетнего Джеральда Джордж выбрал «Энциклопедию» Пирса и книги Уайльда и Гиббона. «Джерри делал все, чтобы только увильнуть от занятий, — вспоминала Нэнси. — Уроки казались ему страшно скучными, а из Джорджа вышел неважный преподаватель». Привлечь внимание ученика Джорджу удавалось только тогда, когда он заговаривал о животных и природе в связи с каким-нибудь изучаемым предметом от истории («Господи боже мой, живой ягуар!» — воскликнул Колумб, впервые ступив на землю Америки) до математики («Если две гусеницы за неделю съедают восемь листьев, сколько времени потребуется четырем гусеницам, чтобы съесть то же количество листьев?»). Именно Джордж убедил Джеральда вести дневник наблюдений за живой природой, куда мальчик тщательно записывал все, что он видел и чем занимался каждый день. К сожалению, эти толстые разлинованные в голубую линейку тетради были впоследствии потеряны.

Джеральд не любил сидеть дома, но на улице он совершенно преображался. Ему было все равно, где гулять, — по ухоженному газону или по болоту, кишашему змеями. Поняв это, Джордж разработал для своего ученика план занятий на природе. Они отправлялись в оливковые рощи или спускались на небольшой пляж у подножия холма Пондиконисси (Мышиный остров). Здесь учитель с учеником сосредоточенно обсуждали, какую историческую роль сыграла коллекция птичьих яиц

Нельсона в исходе Трафальгарской битвы, лениво плавая по тихому заливику. Но больше всего Джеральда увлекала флора и фауна морского дна — темные водоросли-ламинарии, крабы-отшельники, голотурии, лениво перекачивающиеся по песку, втягивающие в себя воду с одного конца и выпускающие ее с другого. «Море, как теплое шелковистое одеяло, окутывало мое тело, — писал Джеральд, — и легонько покачивало его. Волн не было, только слабое, убаюкивающее меня подводное движение, пульс моря».

Джордж Вилкинсон был выдающимся романистом, но его уроки английского настолько утомляли Джеральда, что однажды мальчик предложил написать собственный роман. В то время Лоуренс как раз работал над своим вторым романом, «Черная книга». Произведение Джеральда называлось «Друг зверей» и было написано с массой грамматических ошибок, ужасным почерком, неуверенной рукой. Сюжет заключался в описании приключений человека, каким Джеральду суждено было стать впоследствии.

«Долеко-долеко, в самом сердце африканских джунглей живет малинкий белый человек. Самое удивительное в нем то, что он дружит со всеми зверями в округе. Сейчас он пьет только травы и симинами, хотя совершенно их не любит. Чтобы не голодать, он взял лук и стрелы и подстрелил какую-то птицу. Он не любит убеждать своих друзей, но он настолько ослабел, что с трудом мог ходить!»

Любимым животным этого человека был большой серый павиан, которого он назвал Сотине. Этот павиан был очень умный. Когда хозяин сказал ему: «Сотине, мне нужна большая палка, чтобы я мог сделать лук», он отправился в джунгли и принес бамбук для лука и стрел. Павиан принес бамбук и палажил перед белым человеком, и стал ожидать благодарности. Не стоит и говорить, что хозяин был ему крайне признателен... »

И так далее в том же духе. Вполне в духе экспериментальной прозы молодой писатель смело переходит с третьего лица на первое, и дальнейшие приключения Друга зверей описывались уже не от лица рассказчика, а от лица самого героя повествования.

«Аднажды, когда я бродил вокруг своего дома в Африке, на мое плечо легла Тежелая Валасатая Рука. Она зашвырнула меня в самое сердце джунглей. Я лител и лител, и наконец упал (нильзя сказать, чтобы на очень мягкую поверхность). Очнувшись, я увидел большого серого бабуина. «Господи боже мой, — проворчал я, — какого хрена ты меня сюда притащил?» Я заметил, что бабуин реагирует на мои слова. Он подошел ко мне и снова схватил своей Большой Валасатой Рукой...»

В то же время Джеральд увлекся и написанием стихов. Сначала в этих произведениях сочеталась простота содержания и грамматики, но искренняя любовь к живой природе придала виршам Джерри подлинную содержательность.

Яркая пчела парит над миром насекомых,
Она летит в лучах света,
У нее бьется сердечко и пульсируют вены,
И эта крылатая красotka стремительно падает вниз,
Садится на цветок, раздвигает лепестки
И жадно пьет нектар.
А пыльца прилипает к ее красно-желтым крылышкам.
Голод утолен, и пчела улетает домой
И уносит с собой частицу живого цветка.

Очень скоро в соседней оливковой роще Джеральд обнаружил таинственные, затянутые паутиной дверцы. Эти кружочки были не больше монеты в один шиллинг, но они полностью изменили жизнь Джеральда. Озадаченный таким странным явлением, мальчик отправился на виллу Джорджа Вилкинсона, чтобы посоветоваться со своим учителем. Джордж был дома не один. «Около него на стуле сидел человек, которого я сначала принял за брата Джорджа, так как у него тоже была борода, — вспоминал Джеральд. — Однако, в отличие от Джорджа, он был безукоризненно одет: костюм из серой фланели, жилетка, белоснежная рубашка, со вкусом подобранный, хотя и мрачноватый галстук и большие крепкие башмаки, начищенные до блеска.

«Джерри, это доктор Теодор Стефанидес, — сказал Джордж. — Он знает почти все, о чем ты только можешь спросить, он сам тебе расскажет. Так же, как и ты, он помешан на природе. Теодор, это Джерри Даррелл».

Джеральд рассказал Теодору о странных тайниках, обнаруженных им в оливковой роще.

Доктор Стефанидес внимательно его слушал, а затем предложил отправиться на место, чтобы увидеть этот феномен собственными глазами. Это было несложно, так как оливковая роща располагалась как раз на пути Теодора домой.

«По дороге я украдкой разглядывал Теодора. У него был прямой, хорошей формы нос, насмешливые губы, скрытые пепельной бородой, а из-под ровных, довольно пушистых бровей на мир глядели пронизательные глаза, смягченные веселым огоньком и добрыми морщинками в уголках. Теодор шел бодрым шагом, что-то напевая про себя».

Теодор с первого же взгляда понял, что перед ним норки земляных пауков, ловушки, в которые пауки ловят зазевавшуюся добычу. Тайна была разрешена. Доктор Стефанидес пожал Джеральду руку и собрался уходить. «Он повернулся и, размахивая тростью, зашагал вниз по склону. Я глядел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом побрел к себе домой... Теодор привел меня в смущение и в то же время вызвал восторг. Он был единственным взрослым из всех, кого я знал, кто разделял мой интерес к зоологии. Я был очень польщен тем, что он обращался и разговаривал со мной так, будто мы были одного возраста. Теодор обращался со мной, как с равным не только по возрасту, но и по знаниям».

Джеральд не думал, что увидит этого человека вновь, но, по-видимому, его интерес, серьезность и наблюдательность произвели на Теодора впечатление. Два дня спустя Лесли вернулся из города и принес небольшой сверток для Джеральда. Внутри свертка обнаружились маленькая коробочка и письмо.

«Дорогой Джерри Даррелл,

после нашей недавней беседы я подумал, что тебе для исследования местной природы неплохо было бы иметь какой-нибудь увеличительный прибор. Поэтому я решил послать этот карманный микроскоп в надежде, что он тебе пригодится. У него, конечно, не очень сильное увеличение, но ты увидишь, что для работы в поле оно достаточно.

Желаю тебе всего хорошего, искренне твой *Тео Стефанидес*.

P. S. Если в четверг ты ничем не занят и захочешь прийти ко мне на чашку чая, я смогу показать тебе кое-какие препараты».

Доктор Тео Стефанидес открыл Джеральду незнакомый и удивительный мир, в котором мирно соседствовали поэт Затопеч и камердинер последнего греческого короля, микроскопические малиновые клещи и одноглазые циклопы, необычайное богатство черепаховых холмов, озеро лилий и фосфоресцирующее лиловое море. Прогулки с Теодором изменили Джеральда. Он усвоил язык и манеру поведения греческих крестьян, полюбил их музыку и сказки, научился пить их вино, петь их песни, избавился от тонкого налета «английскости». По сути дела, Джеральд никогда не был настоящим англичанином, и этот недостаток, в сочетании с отсутствием формального образования, причинил ему много неприятностей в последующие годы.

Когда Джеральд познакомился с Теодором Стефанидесом, тому исполнилось сорок. Хотя семья Стефанидесов происходила из Фессалонии, Тео (как и Джеральд) родился в Индии, благодаря чему владел английским языком так же хорошо, как и греческим. В Бомбее семья Стефанидесов говорила только по-английски. Вернулись они на Корфу в 1907 году, когда Тео исполнилось одиннадцать. В этом возрасте он впервые начал изучать греческий язык. Во время Первой мировой войны он служил в греческой армии в Македонии, а когда шла война с Турцией, оказался в Малой Азии. После окончания войны Тео отправился в Париж, чтобы изучать медицину. Затем он вернулся на Корфу. В 1929 году Тео Стефанидес открыл первый на острове рентгеновский кабинет. Вскоре он женился на Мэри Александер, внучке бывшего британского консула на Корфу. Хотя Тео был доктором, он не преуспел. По большей части, он лечил бесплатно. Почти всю свою жизнь он и его жена прожили в одном и том же маленьком арендованном домике.

Тео отличался удивительной цельностью и вежливостью. Он одинаково уважительно относился к старикам и к детям, к друзьям и к совершенно посторонним людям. Он был очень застенчив и позволял себе расслабиться только в обществе самых близких людей. Но Теодор обладал удивительным чувством юмора. Он любил хорошую шутку, даже самую глупую, и мог хохотать над ней от всего сердца. Он любил греческие танцы и порой сам танцевал *kalamatianos*. В свободное время он излазил весь остров вдоль и поперек. Там, где были дороги, он путешествовал на автомобиле, а туда, куда машина не могла проехать, отправлялся пешком. Всю дорогу он что-то напевал себе под нос. Прогуливаясь с Джеральдом, Теодор распевал дурацкую песенку, которую он очень любил.

Жил себе старик в Иерусалиме,

Глори аллилуйя, И — еро — джерум,
И носил он шляпу, и был настоящим франтом,
Глори аллилуйя, И — еро — джерум,
Скинермер ринки дудл дам, скинермер ринки дудл дам,
Глори аллилуйя, И — еро — джерум...

«Это был удивительный мотив, — вспоминал Джеральд, — который придавал новые силы утомленным ногам. Приятный баритон Теодора и мой дрожащий дискант далеко разносились под кронами сумрачных деревьев».

Тео имел собственный взгляд на проблемы экологии. Он намного опередил свое время, особенно для Греции. Семена, зароненные Тео Стефанидесом в душу Джеральда, дали свои входы в последующие годы. Когда Тео отправлялся за город, он всегда рассеивал семена деревьев из окна автомобиля в надежде на то, что хотя бы несколько из них прорастет. Он всегда выбирал время, чтобы научить крестьян бороться с эрозией почвы и убедить их не пасти коз повсеместно, чтобы не уничтожать растительность. Хороший врач, он многое сделал для развития здравоохранения на Корфу. Он убеждал крестьян заселять водоемы особым видом пескарей, которые уничтожали бы личинки малярийных комаров.

Для Джеральда общение с Теодором стало курсом Оксфорда или Гарварда без промежуточных школ и колледжей. Тео был живой, говорящей энциклопедией, откуда можно было почерпнуть самые разнообразные, точные и детальные сведения. Он родился до эпохи узкой специализации и знал кое-что, а порой и очень много, обо всем. В течение дня он давал маленькому Джеральду знания по антропологии, этнографии, музыковедению, космологии, экологии, биологии, паразитологии, биохимии, медицине, истории и по множеству других наук. «У меня было мало книг, которые могли бы дать ответы на мои вопросы, — писал Джеральд. — И Тео стал для меня чем-то вроде ходячей, бородатой энциклопедии».

Тео обладал уникальной способностью коллекционировать в своей памяти отдельные, не связанные между собой факты. Он был настоящим эрудитом, умевшим связать события прошлого и настоящего, увидеть цельную картину, научно достоверную, но порой парящую в облаках фантазии. «Школьные уроки биологии были для меня закрытой книгой, — во взрослом возрасте признавался Джеральд своему приятелю, — а во время прогулок с Теодором мы говорили с ним обо всем: от жизни на Марсе до особенностей микроскопического жучка. Я знал, что все это части единого целого. Я понимал взаимосвязь всего в природе».

Тео Стефанидес сумел преодолеть железный занавес, отделяющий науку от искусства. Он был не только биологом и врачом, но и поэтом. Друзья считали Тео выдающимся греческим поэтом. «Если бы я обладал даром волшебника, — однажды заметил Джеральд, — я бы сделал каждому ребенку на земле два подарка: беззаботное детство, какое было у меня на острове Корфу, и дружбу с Теодором Стефанидесом». Под руководством Тео Джеральд стал настоящим натуралистом в том смысле этого слова, какой в него вкладывали в девятнадцатом веке. Он не походил на прямолинейных современных зоологов, выходивших из британских университетов, хотя и всегда указывал в качестве профессии именно зоологию. Тео учил Джеральда не только тому, как живут и развиваются биологические организмы, но и объяснял ему роль человека в экологической системе. Он считал, что жизнь на планете должна существовать и развиваться без вмешательства человека. Человечество, по мнению Теодора, являлось всеведущим и смиренным — и доминировать среди этих качеств должно было именно смирение.

«Немногим молодым натуралистам посчастливилось сделать первые шаги под руководством такого всеведущего, доброжелательного и веселого греческого бога, — вспоминал Джеральд. — Теодор обладал самыми лучшими качествами натуралиста викторианской эпохи. Его интерес к миру был безграничен. Он умел оживить любую тему собственными наблюдениями и размышлениями. Широта его интересов доказывается тем фактом, что в его честь называли микроскопическое морское ракообразное и кратер на Луне».

В период с 1935 по 1939 год Тео и Мэри Стефанидес раз в неделю навещали семейство Дарреллов. Они приходили после обеда и оставались до ужина. Свою маленькую дочку Александрию они обычно оставляли дома с няней-француженкой. Девочка часто болела, и к тому же Тео не хотел делить внимание Джеральда ни с кем другим. Джеральд стал для Тео Стефанидеса настоящим сыном. Джеральду крупно повезло, что он встретил такого одаренного наставника в очень ответственный период своей жизни, Теодору повезло не меньше. Не каждый учитель встречает ученика, который полностью разделял бы его воззрения на жизнь и научные интересы. Помимо безграничной энергии и

энтузиазма, неутолимой жажды знаний — уникальной в столь юном мальчике, как замечал Тео, — Джеральд проявлял задатки настоящего натуралиста. Для начала, он обладал удивительным терпением. Он мог часами сидеть на дереве, не двигаясь, и наблюдать за каким-нибудь крохотным созданием. Даже Нэнси заметила это его качество: «Джеральд обладал невероятным терпением даже в столь юном возрасте. Он делал из травы специальные силки для ловли ящериц и часами просиживал возле норки, чтобы поймать юркое существо. А когда ящерица высовывалась, он ловко набрасывал на нее петлю».

Тео привлекало в Джеральде отсутствие высокомерия по отношению к животным, свойственное многим людям. Мальчик инстинктивно чувствовал, что животные равны человеку вне зависимости от того, насколько они малы, уродливы или невзрачны. Животные были его друзьями и компаньонами — часто единственными, потому что он был практически лишен общения со сверстниками. Животные чувствовали это и относились к Джеральду точно так же. И проявлялось это не только на Корфу, но и на протяжении всей жизни великого натуралиста.

Именно тогда Джеральд пришел к выводу о том, что существует фундаментальный моральный закон, согласно которому все виды имеют право на существование. И это в то время, когда человечество не испытывало моральных обязательств по отношению к другим живым существам! Джеральду было сложно изучать биологию так, как это было принято в то время. Он не мог убивать и рассекать животных, чтобы постичь их образ жизни и классификацию. «Я хочу жить рядом с живыми существами, — заявил он гораздо позже, — а не запикивать их в бутылку со спиртом!» Джеральд постепенно превращался в зоолога-бихевиориста (или этолога). Биология для него была изучением живых существ — порой даже слишком живых, на взгляд других членов его семьи.

Наступила первая зима, холодная и очень сырая. Ларри и Нэнси перебрались на другое побережье острова, в Калами, небольшую деревушку на северо-западе Корфу. Там они купили одноэтажный побеленный домик — Белый дом. Новое жилище Ларри стояло на самом берегу, всего в паре миль от берегов Албании. Зимние дожди на Корфу по своей интенсивности приближаются к тропическим. Море с яростью набрасывалось на прибрежные скалы. Единственным источником тепла в доме были вечно пылающие жаровни, которые ставили в центр комнаты.

На Рождество к Дарреллам приехал девятнадцатилетний Алекс Эммет, школьный приятель Лесли. Мама даже ради гостя не рассталась с любимой бутылкой джина. Джерри остался полностью поглощенным своими пауками и уроками биологии с Тео Стефанидесом. А Лесли бесцельно слонялся по острову со своим ружьем. Не будь Тео, замечал Алекс, Джеральд с легкостью мог бы превратиться в такого же бездельника, как Лесли.

Приехав на Рождество, Эммет пробыл с Дарреллами до весны. Весна на острове оказалась удивительной. Джерри восторженно наблюдал за пробуждением природы: «Остров покрылся цветами, заблагоухал, заиграл светлой зеленью. Кипарисы... стояли теперь прямые и гладкие, под легким плащом из зеленовато-белых шишечек. Всюду цвели восковые желтые крокусы, кучками выбивались среди корней деревьев, сбегали по откосам речных берегов. Под кустами миртов гиацинты набирали свои похожие на фуксиновые леденцы бутоны, а по дубовым рощам разлилась синеватая дымка буйно цветущих ирисов. ...Да уж, это была весна так весна: весь остров дрожал и гудел от ее шагов, все живое откликалось на ее приход. Это узнавалось по сиянию цветочных лепестков, по яркости птичьих перьев, по блеску в темных, влажных глазах деревенских девушек».

Семья реагировала на приход весны по-разному. Лесли отправился стрелять горлиц. Лоуренс купил гитару, здоровенную бочку крепкого красного вина и принялся распевать меланхолические елизаветинские любовные романсы. Марго поправилась, стала часто купаться и увлеклась красивым, но смертельно скучным молодым турком — не самый лучший выбор для греческого острова.

Экскурсии Джеральда по острову стали более увлекательными и дальними, когда семья перебралась в другой дом. Это произошло летом 1936 года. Джеральд вспоминал, что инициатором переезда стал Ларри. Он пригласил нескольких друзей — поэта Затопеча (его настоящее имя было Зариан), трех художников — Жонкиль, Дюрана и Майкла, и совершенно лысого Мелани, графиню де Торро. И Ларри хотел, чтобы всех этих гостей мама разместила в землянично-розовом доме. Но в Розовой вилле с трудом размещались даже члены семьи. Что уж было говорить о каких-то гостях! Мама со свойственной ей изощренной логикой решила, что легче всего решить проблему, переехав в более просторный дом. В любом случае, ванна землянично-розового дома не заслуживала своего гордого названия. Это был простой умывальник и примитивный туалет, где было невозможно даже повернуться.

Новый дом, который Джеральд окрестил Нарциссово-желтой виллой, оказался высоким,

просторным венецианским особняком. Его называли вилла Анемоянни, по фамилии владельцев. Он располагался на холме у моря в деревушке Соториотисса, неподалеку от Кондокали к северу от столицы острова. С веранды можно было наблюдать за тем, как раз в неделю к острову подплывает большой корабль, перевозящий почту. Дом пустовал уже три года. Зеленые ставни и бледно-желтые стены потрескались. Повсюду росли одичавшие оливковые, лимонные и апельсиновые деревья. Джеральд вспоминал:

«Все здесь наводило на грустные мысли о прошлом: дом с облупленными, потрескавшимися стенами, огромные гулкие комнаты, веранды, засыпанные прошлогодними листьями и так густо заплетенные виноградом, что в нижнем этаже постоянно держались зеленые сумерки... Зброшенный дом постепенно ветшал, и все вокруг приходило в запустение на этом холме, обращенном к сияющему морю и к темным изрезанным горам Албании».

Новый дом для семьи нашел все тот же Спиро, и он же организовал переезд. Длинная вереница тяжело нагруженных повозок потянулась по проселочным дорогам, поднимая облака белой пыли. Но даже после того, как перевезли все вещи, дом все равно оставался пустым и гулким. Повсюду стояла древняя мебель, которая рассыпалась, стоило лишь коснуться ее рукой (или бедром). Дом оказался достаточно большим, и Джеральду выделили собственную комнату на первом этаже. Он назвал ее студией, а остальные члены семьи беспардонно прозвали обиталище Джерри «Клоповником». Клоповник стал первым рабочим кабинетом Джеральда. Вот что он писал о своей комнате:

«В комнате приятно пахло эфиром и метиловым спиртом. Здесь я хранил книги по биологии, дневники, микроскоп, различные инструменты, сачки, сумки для образцов и другие ценные предметы. В больших деревянных ящиках, разделенных на ячейки, я разместил свою коллекцию птичьих яиц, жуков, бабочек и стрекоз. На полках рядами выстроились бутылки с метиловым спиртом, в которых хранились другие мои сокровища — цыпленок с четырьмя ножками, разнообразные ящерицы и змеи, головастики в различных степенях развития, маленький осьминог, три бурых крысенка (подарок от Роджера) и крохотная черепашка, которая не сумела пережить зиму. Стены были скромно, но со вкусом украшены сланцевой плиткой с окаменевшими останками рыбы, моей собственной фотографией, где я пожимал руку шимпанзе, и чучелом летучей мыши. Я набил чучело самостоятельно, без посторонней помощи, и очень гордился результатом».

Для Джеральда зима была скрашена регулярными уроками биологии с Тео Стефанидесом. Каждый четверг Джерри отправлялся в город к своему учителю. Комната Тео была набита книгами, блокнотами, рентгеновскими пластинами, банками и бутылками, где копошились речные и морские обитатели. В небо уставился довольно мощный телескоп, а на столе возле микроскопа валялись различные инструменты и предметные стекла. Джеральд часами мог рассматривать ротовые части крысиной блохи, яичные сумки самки циклопа или прядильный орган садового паука. Когда погода улучшалась, они отправлялись на природу. Тео приходил в Нарциссово-желтый дом пешком. Он всегда брал с собой жену, а порой и Алексию, которую на такси привозил Спиро. Тео с Джерри отправлялись исследовать окружающую природу. Учитель и ученик шли плечом к плечу, громко распевая народные песни.

Как-то раз компанию им составил Алан Томас, приехавший на Корфу навестить друзей. По воспоминаниям Алана, на Тео был элегантный белый костюм и шляпа, составившая бы честь царственной особе. Джерри носился вокруг, буквально пританцовывая от возбуждения. И Джерри, и Тео несли сумки с различными принадлежностями. «Я повернулся к Ларри, — вспоминал Томас, — и сказал: «Как замечательно, что у Джерри есть Теодор!» И Ларри ответил: «Да, Теодор для Джерри настоящий герой!» Джерри обычно брал с собой бутылку лимонада и коробку с бутербродами или бисквитами, а также целую кучу разных сачков, сумок, коробок и бутылок для образцов. Теодор так вспоминал об этих экскурсиях: «Мы с Джерри предпочитали исследовать живые создания и сводили соби́рание образцов к минимуму».

Исследуя природу окрестностей, Джерри и Тео проявляли недюжинную сосредоточенность. Они не оставляли неперевернутым ни одного камня, заглядывали под все палки и в каждую лужу. «Каждый прудок, каждая канава с водой были для нас словно неисследованные джунгли, битком набитые зверьем, — вспоминал Джеральд. — Крохотные циклопы, водяные блохи, зеленые и кораллово-розовые, парили среди подводных зарослей, будто птицы, а по илистому дну крались тигры прудов: пиявки и личинки стрекоз. Всякое дуплистое дерево, если в нем оказывалась лужица воды, где обитали личинки комаров, подвергалась самому тщательному исследованию, всякий замшелый камень переворачивался, а трухлявое бревно разламывалось». По возвращении Тео с Джерри совершали набег на мамину кухню и запасались суповыми тарелками и чайными ложками. С помощью этих инструментов они разбирали свои трофеи и рассортировывали их по банкам и

бутылкам, где водяным созданиям предстояло жить. Тео вспоминал, что им удалось собрать весьма представительную коллекцию водяной живности.

Вскоре Джеральд стал совершать длительные прогулки вокруг Нарциссово-желтого дома самостоятельно. Мама настаивала, чтобы он надевал яркие пуловеры, благодаря чему она всегда видела, где он находится. В миртовых рощах неподалеку от дома маленькие черепашки пробудились от зимней спячки. Джеральд целыми часами наблюдал за их брачными играми под лучами жаркого солнца. «Настоящий сексуальный акт, — записал он в своем дневнике, — был самым неловким и странным действием, какое мне только доводилось видеть. Самец крайне неуклюже и неловко пытался взгромоздиться на панцирь самки. Он раскачивался и был готов в любой момент сорваться. За ним было больно наблюдать. Желание помочь несчастному созданию переполняло меня». Не менее интригующей для двенадцатилетнего натуралиста оказалась сексуальная жизнь богомолов. Мальчик в ужасе наблюдал за тем, как удовлетворенная самка медленно нацеливается на голову самца, в то время как он старается оплодотворить ее, даже оставшись без головы: великолепная демонстрация двух основных целей жизни — питание ради выживания отдельной особи и совокупление ради выживания рода, — совмещенных в едином процессе.

Порой по ночам Джеральд отправлялся на охоту за летучими мышами. Это был удивительный мир, погруженный в молчание и залитый лунным светом, где царили обитатели ночи — шакалы, лисы, белки, сони и козодои. Они бесшумно пролетали по ночному небу, словно привидения. Однажды Джеральду удалось поймать маленького совенка сплюшки. Мальчик принес его домой и назвал Улиссом. Улисс обладал сильным характером и не позволял собой помыкать. Когда он вырос, то стал свободно перемещаться по Клоповнику. По ночам он летал в саду, а вечерами сопровождал Джеральда в его прогулках, уцепившись за шерсть на спине Роджера.

Теперь Джеральд стал собирать более крупных представителей животного мира. Его комната становилась мала для домашнего зоопарка, и обитатели Клоповника расплозились и разлетались по всему дому, что приводило к различным недоразумениям. Остальные члены семьи не разделяли увлечения Джеральда и резонно возражали, когда обнаруживали в своих комнатах скорпионов или ящериц. Однажды дом заполнили огромные москиты. Никто не понимал, откуда они взялись, пока Тео не обнаружил, что Джеральд натащил полный аквариум крупных личинок *Theobaldia longiareolata*, самых крупных москитов на острове, которых он принял за головастиков. Но худшее было еще впереди.

Джеральду всегда нравились черные скорпионы, несчастные создания, пользующиеся дурной репутацией. Пастух Яни объяснял мальчику, что от яда скорпиона можно умереть, особенно если тот заберется вам в ухо, пока вы спите. Так умер молодой пастух, приятель Яни, и смерть его была легкой. Джеральд не испытывал страха перед опасными созданиями. Когда он обнаружил, что на стене, окружавшей сад Нарциссово-желтого дома, живут целые стаи черных скорпионов, то только обрадовался. «У этих странных малюток плоское овальное тельце, — писал Джеральд, — аккуратные изогнутые ножки и огромные, словно крабы, вздутые клешни с сочленениями, как на скафандре. Хвост их, похожий на нитку коричневых бусин, заканчивается жалом вроде шипа розы». По ночам Джерри выходил в сад с факелом и наблюдал за восхитительными брачными танцами скорпионов. «Сцепив клешни, они тянулись вверх и нежно обвивали друг друга хвостами». «Я проникся большой любовью к скорпионам, — писал Джеральд. — Они казались мне очень милыми и скромными созданиями с восхитительным, в общем-то, характером». Правда, если забыть об их каннибализме.

Однажды Джеральд нашел на стене крупную самку скорпиона. На ее спине копошилось множество мелких скорпиончиков. Радостный Джерри посадил мать с семейством в пустой спичечный коробок, намереваясь вырастить скорпионов в Клоповнике, где бы он мог наблюдать за их развитием. К несчастью, как только он вошел в дом, его позвали обедать. Джерри положил коробку на камин и присоединился к остальным членам семьи. Обед прошел великолепно, а затем Лоуренс поднялся и подошел к камину, чтобы закурить. И вот тут-то его ожидал словно специально приготовленный коробок спичек.

Джерри с интересом следил за тем, как Лоуренс открывает коробок. Скорпиониха мгновенно выскочила из короба и побежала по руке Ларри. Маленькие скорпиончики по-прежнему восседали у нее на спине. Лоуренс закричал от ужаса и инстинктивно махнул рукой. Скорпиониха очутилась на столе, рассыпая вокруг себя своих малюток. Безобразие продолжалось. Лугарекция уронила тарелку, Роджер начал бешено лаять, Лесли опрокинул стул, а Марго вылила на скорпиониху стакан воды, но промахнулась и попала в маму.

«Опять этот проклятый мальчишка!» — проревел Ларри, пытаясь перекрыть царящий в столовой шум. Роджер решил, что во всем виновата Лукреция, и цапнул ее за лодыжку.

«Это все он! — продолжал орать Ларри. — Он нас всех прикончит. Посмотрите на стол... Там по колено скорпионов...»

Вскоре скорпионы попрятались под тарелки и салфетки, и все немного успокоились.

«Этот чертов мальчишка, — продолжал жаловаться Ларри, — каждый спичечный коробок в доме таит опасность!»

Во время другого не менее впечатляющего инцидента пострадавшей стороной оказался Лесли. Жарким сентябрьским днем Джерри решил, что его водяным змеям слишком душно в их аквариуме. Он принес рептилий в дом и выпустил в ванну, налив туда холодной воды. Вскоре с охоты вернулся Лесли и решил принять ванну, чтобы немного освежиться. В тот же момент из ванны донесся душераздирающий вопль, и на веранду выскочил совершенно голый Лесли.

«Джерри! — орал он с покрасневшим от гнева лицом. — Где этот чертов мальчишка?»

«Успокойся, дорогой, — рассеянно сказала мама. — Что случилось?»

«Змеи, — прошипел Лесли, — вот что случилось... Этот чертов мальчишка напихал полную ванну чертовых змей, вот что случилось... Отвратительные твари толще нашего шланга... Удивительно, что они меня не укусили!»

Джеральд вытащил змей из ванны, посадил их в большую кастрюлю и вернулся к столу как раз в тот момент, когда Ларри рассказывал гостям: «Наш дом — это смертельная ловушка. Любой укромный уголок или трещина кишмя кишат опасным зверьем, которое только и поджидает, чтобы наброситься. Как я сумел уцелеть, ума не приложу...»

Однажды Джерри и Тео вернулись домой с банкой, полной медицинских пиявок, каждая из которых достигала трех дюймов в длину. В озере Скотини, единственном пресном озере на Корфу, и по сей день водится множество этих ужасающих созданий. По какому-то недоразумению банка опрокинулась, и пиявки расползлись по дому. Ночью Лоуренс в ужасе проснулся оттого, что все простыни были залиты кровью. Ужасное создание сосало его кровь. Это было воплощением самых страшных кошмаров Ларри, апофеозом проделок Джерри.

Лоуренс по-разному оценивал младшего брата. Когда тот копался со своими многоножками, скорпионами или жабами, уважение старшего брата падало до нуля. Но потом он слышал, как мальчик насвистывает Восьмую симфонию Бетховена, что вызывало в нем безграничное изумление. Но даже по прошествии многих лет Лоуренс не изменил своего отношения к занятиям Джеральда. «В детстве он был совершенно невыносим, — говорил Лоуренс своим друзьям много лет спустя. — Ужасная заноза в заднице! В своей книге он выставил себя и самым худшим, и самым лучшим образом. До сих пор не могу забыть эти спичечные коробки, полные скорпионов. Я не мог спокойно присесть в этом доме. А мама постоянно защищала его — стоило произнести лишь слово критики, как она вскидывалась, словно медведица. А тем временем в супе копошились жуки! Нет, он был просто невыносим! Его нужно было как следует выпороть».

Хотя остальные члены семьи не разделяли увлечения Джеральда странными созданиями, Тео всемерно поддерживал своего ученика. Общение с Тео было для Джерри словно папское благословение. Позже Джеральд вспоминал, как они с Теодором отправились исследовать местные водоемы, которые как раз наполнились дождевой водой.

«Я искал черепашку-террапина, жабу, лягушку или змею, чтобы пополнить свой зоопарк, а Тео, вооруженный сачком с бутылкой, выискивал более мелких животных, порой даже невидимых глазом.

«Ага! — воскликнул он, вытаскивая сачок из воды и поднося бутылку к глазам. — Вот это... Гм... Очень интересно. Я не видел ничего подобного с того времени, когда жил в Эпире...»

«Взгляни, Тео», — сказал я, протягивая ему маленького змееныша.

«Гм... э-э-э...да... — ответил Теодор. — Очень славная».

Услышать, что взрослый человек говорит о змее «очень славная», было для меня подобно райской музыке».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ САД БОГОВ: КОРФУ 1937-1939

Вот так совершенно счастливый мальчик жил на своем райском острове, а формальное образование проходило мимо. Время от времени мама решала, что ребенку нужно чему-то учиться, и отправляла его на уроки французского языка к бельгийскому консулу, еще одному колоритному обитателю Корфу. Консул жил на верхнем этаже высокого, неустойчивого здания в центре еврейского квартала столицы острова. Это был экзотичный и колоритный район с узкими улицами,

где было полно лошадей, орущих торговцев, нагруженных ослов, квохчущих куриц и голодных, одичавших котов. Консул был милым маленьким человеком с золотыми зубами и удивительной трехконечной бородкой. Он всегда был одет соответственно своему официальному статусу, носил шелковые галстуки, блестящую шляпу и гетры.

Французскому языку Джеральд так и не научился, но скуку этих уроков скрашивало удивительное увлечение преподавателя. Выяснилось, что консул, как и Лесли, страстный охотник. Порой во время урока он вскакивал из кресла хватал пневматическое ружье прицеливался и стрелял из окна. Сначала Джеральд считал, что консул исполняет ритуал кровной мести, хотя то, что никто не стрелял в ответ, его несколько удивляло. К тому же после каждого выстрела консул утирал слезы и говорил: «Ах, бедная крошка...» В конце концов Джерри понял, что консул, страстно любивший кошек, отстреливал самых тощих и больных животных. «Я не могу накормить их всех, — говорил он. — Поэтому я стремлюсь осчастливить хоть нескольких из них, убивая их. Им так лучше, но мне так грустно...» И он снова хватал ружье и стрелял по другой кошке.

Бельгийский консул оказался не лучше остальных учителей Джеральда. Ему не удалось зажечь в мальчике искру интереса к обучению. Только под влиянием Ларри и Тео Стефанидеса Джеральд сумел научиться хотя бы чему-нибудь. «Ларри обладал уникальной способностью заставить человека поверить в себя, — писал Джеральд о своем старшем брате. — Всю жизнь он подбадривал меня настойчивее кого-либо другого. Если я и добился хоть какого-то успеха, всем этим я обязан только ему». Сразу же после переезда на Корфу Лоуренс начал заниматься литературным образованием младшего брата. Именно под его эклектичным, но вдохновенным руководством Джеральд познакомился с миром литературы и начал писать. Живой, постоянно ищущий ум Лоуренса увлекал мальчика.

«Мой брат Ларри был для меня настоящим богом, — вспоминал Джеральд. — И я пытался ему подражать. Ларри приглашал к себе интересных людей вроде Генри Миллера. К тому же я мог пользоваться его богатой библиотекой». Ларри давал Джеральду книги, кратко объясняя, какой интерес они представляют. Если слова брата увлекали мальчика, он принимался за чтение. «Господи, каким же я был всеядным! Я читал все: от Дарвина до полной версии «Любовника леди Чаттерлей». Я восхищался книгами В. Г. Хадсона, Джилберта Уайта и бэйтсовым «Натуралистом на Амазонке». Я верю, что все дети должны расти в окружении книг и животных», — писал Джеральд. Именно Лоуренс подарил младшему брату экземпляр классических трудов Анри Фабра «Жизнь насекомых: наблюдения натуралиста» и «Жизнь и любовь насекомых». На страницах этих книг жили осы, пчелы, муравьи, комары, пауки и скорпионы. Эти книги открыли для Джеральда Корфу. Он продолжал любить их всю жизнь, благодаря ясности и простоте, с какой они были написаны. Эти книги давали пищу для воображения. Даррелл писал:

«Если бы кто-нибудь подарил мне способность превращать в золото все, к чему я ни прикоснусь, я и то не был бы ему так благодарен. С того момента Фабр стал моим личным другом. Он раскрыл передо мной множество загадок, которые меня окружали, показал мне чудеса и объяснил, как они происходят. Благодаря его уникальным книгам я превращался в осу-охотницу, парализованного паука, цикаду, неуклюжего, громоздкого жука-скарабея и во многих других необыкновенных созданий».

По иронии судьбы, именно ленивый, не увлекающийся литературой, живущий в мире ружей и пистолетов брат Лесли открыл Джеральду его призвание. Он принес в дом экземпляр приключенческого журнала «Широкий мир», где с продолжением печатались рассказы о приключениях американского зоолога Айвена Сандерсона об экспедициях за животными Перси Слейдена, о диких джунглях Камеруна. Истории Сандерсона заронили в душу мальчика зерно, которому суждено было прорасти в далеком будущем. Джеральд дал себе клятву, что однажды он сумеет совместить свою любовь к животным и страсть к приключениям. Он решил отправиться в Африку за животными. И привезти этих животных в Европу он намеревался живыми, а не застреленными и не удушенными в силках, как это сделал Перси Слейден.

Лоуренс подарил Джеральду не просто напечатанные книги. Он подарил ему язык, уникальный чистейший язык, богатый метафорами и сравнениями. Прогресс, достигнутый Джеральдом на пути от его первых робких литературных опытов до настоящих бестселлеров, стал возможен только благодаря влиянию старшего брата. За один год Джеральд стал взрослым, и произошло это летом 1936 года, когда Джерри было всего одиннадцать лет. В своем следующем стихотворении «Смерть», написанном под явным влиянием Лоуренса, Джеральд писал:

На кургане мальчик лежал,

У подножия текла река;
Лиловые ирисы стояли вокруг него,
Словно стараясь укрыть его от ока смерти,
Которая всегда захватывает человека врасплох
И не дает ему собраться с духом.
Рододендроны склонились украдкой.
Глядя, как мальчик считает овец.
О, ужас!
Мальчик мертв,
Но смерти он не увидел.

Прогресс Джеральда был невероятен. Стихотворение потрясло Лоуренса, и он отослал его в Америку, своему другу Генри Миллеру, сообщив, что автором этого стихотворения является его младший брат. «Он сам написал это стихотворение, — писал Лоуренс, — и я ему завидую». Позже Лоуренс поместил «Смерть» в американском литературном журнале «Бастер», выходившем в Париже. В этом журнале сотрудничали Миллер, Альфред Перлес и Уильям Сароян.

Вскоре мама нашла для Джеральда нового учителя, призванного заменить Джорджа Вилкинсона, вернувшегося в Пераму. Это место занял двадцатидвухлетний Пэт Эванс, еще один приятель Лоуренса. «Пэт был высоким, красивым молодым человеком, — вспоминал Джеральд, — только что окончившим Оксфорд». Эванс серьезно подошел к вопросу образования своего ученика. Джеральд же считал, что усилия нового учителя заслуживают лучшего применения. Но беспокоиться ему было не о чем. Очень скоро волшебный остров оказал на вновь прибывшего свое чарующее действие, и все разговоры о дробях и прилагательных прекратились, уступив место более ориентированным на природу занятиям, таким, как плавание в лодке по морю за приятной беседой о теплых океанских течениях и о происхождении прибрежных пород. Эванс глубоко интересовался естественной историей и биологией. Он старался передать свой интерес ученику, не напрягая и не пугая его сложными сведениями. «Они просто бродили вокруг и рассматривали жуков», — вспоминала Марго.

Джеральд убедил Пэта Эванса позволить ему написать книгу. Это должно было стать его домашней работой по английскому языку. Очень скоро мальчик увлекся описанием «увлекательного кругосветного путешествия со своей семьей ради ловли диких зверей». Лоуренс назвал это произведение «великим романом о флоре и фауне нашего мира». В одной из глав этого произведения рассказывалось о том, как на маму набросился ягуар, а в другой Ларри задыхался в смертельных объятиях гигантской анаконды. К сожалению, рукопись безвозвратно погибла. Когда семья Дарреллов окончательно решила покинуть остров, Джерри спрятал свое творение в жестяной банке и забыл его в доме. Он полагал, что нацисты жестоко истребили его произведение во время войны.

Один из фрагментов раннего творения Джеральда сохранился. Это стихотворение в прозе «В театре». Лоуренс опубликовал его в «Бастере» — и это была первая публикация Джеральда Даррелла. Было совершенно ясно, что Джеральд обладает присущим его старшему брату живым, конкретным воображением, чутьем на сравнения и метафоры, составляющими основу поэтического видения мира. Свои образы мальчик почерпнул из дикой жизни Корфу.

«Они положили его на носилки, белые и прочные, каждый стежок на которых напоминал о больнице. Они положили его на холодный каменный стол. Он был в пижаме, его лицо напоминало каракатицу. Студент суетился, кто-то тяжело и хрипло кашлял. Доктор мельком взглянул на новенькую сестру: она была бледна, как мрамор, и отчаянно теребила в руках голубой кружевной платок.

Скальпель тихо прошуршал, рассекая ткани. Показались внутренности, напоминавшие клубок весенних червей. Руки доктора двигались со скоростью атакующей кобры. Он резал, раздвигал, исследовал. Наконец в скорпионьем зажиме пинцета показалось что-то розовато-серое, напоминавшее сосиску. А затем зашивать — игла погружается в мягкую глубину и выходит снова по другую сторону бездны. Края раны соединяются, кожа стягивается, словно магнитом. Носилки прогибаются под неожиданной тяжестью».

Впервые прочитав творения своего одиннадцатилетнего братца, Лоуренс решил, что на самом деле это стихотворение в прозе написал Пэт Эванс. Но Эванс категорически все отрицал. «Неужели ты думаешь, — сказал он Лоуренсу, — что если бы я мог так писать, то стал бы тратить свое время на частные уроки?»

Но Пэт Эванс сыграл определенную роль в литературном образовании Джеральда. Позже

Джерри написал письмо Алану Томасу и приложил к нему свое самое свежее поэтическое творение.

«Посылаю тебе свой последний опус. Мы с Пэтом каждую неделю пишем стихи. Это моя первая домашняя работа. Называется «Ночной клуб».

Любезничают, кокетничают со смертью. Тоска.
Спой мне что-нибудь бесполое, как растение,
Бессмертное, как платина, циничное, как любовь.
Меня охватила тоска, мой танец бессмыслен.
Вокруг сплошная пустота.
Танцуют дактили, саксофонист и пони,
Рыдают саксофоны...
Кругом содом, кокетство и тоска.
Мне нравятся тоскливые звуки саксофона.
Любовь должна торжествовать — даже трахаясь в гардеробе,
Когда никому нет дела, осталась ли еще любовь, которая должна
Торжествовать.

Я тебя очень люблю. Нэнси рисует для тебя картинку. Зачем?

Джерри Даррелл».

Мог ли одиннадцатилетний мальчик с невинной любовью к паукам и морским конькам написать это отчаянное, напряженное и изысканное стихотворение? Удивителен не только выбор темы, но и экзистенциальное настроение, лексикон, сила воображения, стремление шокировать. Здесь явно чувствуется влияние Ларри-поэта, не говоря уже о Ларри-романисте, бескомпромиссном писателе-анархисте, который как раз в то время заканчивал свой первый серьезный роман — «Черную книгу». Может быть, это стихотворение написал Ларри? Если же нет, то это явное подражание старшему брату, изысканный бред, обладающий неким подобием смысла.

Позже Джеральд написал стихотворение «Африканский диалог». С помощью Лоуренса оно было опубликовано летом 1939 года. В последнем четверостишии юный автор суммирует метафизический смысл всего произведения:

Она вошла в дом и зажгла свечу. Свеча зарыдала: «Я убита, убита». Пламя сказало: «Я тебя убиваю». Служанка ответила: «Это правда, правда. Теперь я вижу твою белую кровь».

Тем временем семейная жизнь Дарреллов все больше и больше превращалась в сумбур и неразбериху. «Мы так распустились, — писал Ларри Алану Томасу, — что Лесли спокойно может пукнуть за столом, а мы ходим почти весь день нагишом и постоянно мокнем в море». Нэнси считала, что мама не может справиться с семьей. «Даже Джерри пошло бы на пользу немного порядка, — жаловалась она. — Я имею в виду, что он растет, не имея ни малейшего представления о дисциплине». Нэнси и Ларри отдыхали душой в тишине и покое своего белого рыбацкого домика в Калами, подальше от шумной семьи. «Десять миль к югу, — писал Ларри Томасу, — и все семейные неурядицы и вопли остаются позади».

Со временем Дарреллы пристроили к своему дому большой балкон, с которого можно было любоваться морем и холмами на закате. И для Джеральда, и для остальных членов семьи Корфу приобретал особое значение.

«Покой этих вечеров на нашем балконе, когда еще не зажжены лампы, не сравним ни с чем, — писал Лоуренс. — Покой небес снисходил на зеркальную гладь залива... Это было как тишина, которую ощущаешь на китайских акварелях». Они сидели на балконе, и море постепенно сливалось с небом, а где-то далеко в холмах невидимый пастух начинал наигрывать на флейте.

«Над заливом раздавались тихие, льдистые звуки флейты... Сидя на балконе, окутанные приятным теплым воздухом, мы слушали молча. Поднималась луна — не та белая, яркая луна, которую можно увидеть в Египте, а луна греческая, теплая и дружелюбная... Мы босиком шли через темные комнаты, ощущая под ногами прохладный пол, а затем спускались на скалы. В полном молчании мы входили в воду и осторожно, чтобы не нарушить тишину плеском, плавали по серебряной глади. Мы не разговаривали. Потому что любой звук в этой тишине прозвучал бы фальшиво. Мы плавали, пока не уставали, а затем поднимались на белые скалы, заворачивались в полотенца и ели виноград».

«Это земля Гомера, — с восторгом писал Лоуренс Алану Томасу. — В ста ярдах от нас приставал корабль Улисса...» Питалась семья Дарреллов весьма оригинально. «Хлеб и сыр, и греческое шампанское... инжир и виноград, когда они есть... Но все недостатки с лихвой компенсируются самым лучшим купанием в мире и удивительной красотой — ОСТРОВАМИ!»

Совершенно ясно было, что рано или поздно, ежедневно наблюдая за ослепительной красотой моря, семья должна была оказаться в воде. Основным вдохновителем морских купаний стал Лесли. До приезда на Корфу он хотел поступить в торговый флот, но врач решил, что его здоровье недостаточно крепко. На Корфу Лесли построил маленькую лодку, назвал ее «Морская корова» и стал выходить в море, сначала на веслах, а потом с помощью небольшого мотора. Чаще всего он плавал в одиночку, но порой брал и других членов семьи.

«Ты должен нас увидеть, — писал Лесли в одном из писем домой. — Целая толпа придурков в море. Ты бы от души посмеялся.

Однажды к нам присоединились Ларри и Нэн. Я сказал, что отвезу всех домой — маму, Пэта, Джерри, Ларри, Нэн и себя самого. Мы запустили мотор и вышли в довольно бурное море. Пэт улегся на палубу и вцепился в нее изо всех сил. Мама, Ларри, Нэн и Джерри перегнулись через борта — далеко им до настоящих моряков! Парус намок, все промокли. Это продолжалось довольно долго. Ситуация ухудшалась. Внезапно лодка сделала элегантный поворот, и на нас обрушились тонны морской воды. Это переполнило чашу маминого терпения, и мы вынуждены были вернуться, Ларри, Нэн, Пэт и я выпили немного виски. Когда наша одежда просохла, они отправились домой на машине».

Порой, когда погода благоприятствовала, Лоуренс и Нэнси на лодке отправлялись в Албанию и устраивали там полуночные пикники. Затем они возвращались домой, с удовольствием вспоминая о фантазмагорическом путешествии. Вскоре Лоуренс купил собственную лодку, черную с коричневым двадцатидвухфутовую яхту. Он назвал ее «Ван Норден» — «моя мечта, мой черный дьявол». На ней Лоуренс с Нэнси совершали прогулки к близлежащим островам. Лесли за три фунта приобрел еще одну лодку, вскоре получившую гордое название «Бутл Толстогузый», которую они с Пэтом Эвансом подарили Джеральду на день рождения. Джеральд вспоминал, что по своему строению эта лодка являла собой удивительный пример в истории морского судостроения. «Бутл Тостогузый» имел семь футов в длину, плоское дно и почти круглую форму. Внутри он был выкрашен зеленой и белой краской, а по бокам шли черные, белые и оранжевые полосы. Лесли соорудил замечательно длинную мачту из кипариса и предложил торжественно водрузить ее и отправиться в небольшое путешествие по заливу, раскинувшемуся перед домом. Но все пошло наперекосяк. Как только мачта была установлена, «Бутл Толстогузый» «со скоростью, удивительной для его комплекции», перевернулся, увлекая за собой Пэта Эванса.

Через некоторое время Лесли скорректировал свои расчеты и наконец сумел сделать мачту требуемой длины. Эта длина составляла всего три Фута. Мачта не могла нести парус, так что «Бутл» остался гребной лодкой, скользившей по зеркальной глади воды «с ленивой грацией целлулоидной утки». Свое первое путешествие на собственной лодке Джеральд совершил на рассвете. Солнце уже поднялось, дул легкий ветерок. Мальчик оттолкнулся от берега и стал грести, время от времени заходя в небольшие заливчики и приставая к маленьким островкам архипелага, где морская жизнь буквально кипела. «Какая радость иметь собственную лодку! — писал Джеральд. — Хотя потом я все время плавал на «Бутле» и пережил немало приключений, но с этой первой поездкой ничто сравниться не могло».

Джеральд пробрался на нос и улегся там рядом с Роджером, пока лодка неспешно дрейфовала вдоль берега. Мальчик принялся рассматривать морское дно сквозь кристально-чистую морскую воду. «На серебристых песчаных прогалинах гроздьями висели приоткрытые раковины моллюсков-разинек. ...Рядом с моллюсками обитали серпулиды — венчики красивых пушистых лепестков на конце длинной толстой трубки сероватого цвета. Всегда подвижные золотисто-оранжевые и голубые лепестки казались удивительно не на месте на конце этих толстых обрубков — прямо орхидея на ножке гриба. ...Из углублений на вас таращились и махали плавниками надутые морские собачки. ...Кругом лепились пухлые, глянцевиные актинии, щупальца их исполняли какой-то чувственный восточный танец, пытаясь схватить проплывавших мимо прозрачных, как стекло, креветок. ...На поверхности рифов встречались толстые зеленые крабы, машущие клешнями как бы в дружеском приветствии, а внизу, на покрытом водорослями дне, — крабы-пауки с их необычным колючим панцирем и длинными тонкими ногами. Каждый из этих крабов носит на себе водоросли, губки, иногда актинию. Везде на рифах, среди скоплений водорослей и на песчаном дне двигались сотни

раковин-волчков, искусно расписанных полосками и пятнами синего, серебряного, серого и алого цвета». Солнце склонялось к закату, и Джеральд собрался домой. Все банки и бутылки были заполнены всевозможными трофеями. «Солнце уже пряталось за стволами олив и на море лежали золотые и серебряные полосы, когда круглая корма «Бутла» легонько толкнулась в пристань. Голодный, усталый, умирающий от жажды, с вихрем разнообразных впечатлений в голове, я медленно взбирался вверх по склону...»

Порой летом, во время полнолуния вся семья отправлялась на ночные купания. По ночам морская вода немного остывала и дарила желанную прохладу. На воду спускали «Морскую корову» и отплывали на ней в удобное место. Вода фосфоресцировала в лунном свете. Как-то раз, когда Джеральд отплыл на приличное расстояние и от берега и от лодки, он очутился в стае дельфинов, которые шумно вздыхали, пищали, всплывали и вновь погружались, выпрыгивали вверх и шумно плюхались в воду. Какое-то время мальчик плавал среди них, наслаждаясь присутствием этих удивительных созданий. Но вдруг дельфины, словно подчиняясь неслышному приказу, повернулись и устремились к далеким берегам Албании. «Я высунулся из воды и смотрел, как они плывут вдоль светлой лунной дорожки, то выныривая на поверхность, то с блаженным вздохом снова уходя под воду, теплую, как парное молоко, — вспоминал Джеральд. — За ними тянулся след из крупных, дрожащих пузырей пены, которые вспыхивали, | точно маленькие луны, прежде чем исчезнуть в волнах».

Вскоре семья открыла для себя и иные прелести ночного Корфу — свечение моря и обилие светлячков на оливковых деревьях, растущих вдоль берега. Эти явления наблюдать было легче в новолуние. В ту ночь, когда мама отправилась на морское купание в собственноручно изготовленном купальном костюме, дельфины, светлячки и свечение моря поразили воображение всех членов семьи Дарреллов. Вот что пишет об этом Джеральд:

«Никогда нам не приходилось видеть такого огромного скопления светлячков. Они носились среди деревьев, ползали по траве, кустам и стволам, кружились у нас над головой и зелеными угольками сыпались на подстилки. Потом сверкающие потоки светлячков поплыли над заливом, мелькая почти у самой воды, и как раз в это время, словно по сигналу, появились дельфины. Они входили в залив ровной цепочкой, ритмично раскачиваясь и выставляя из воды свои точно натертые фосфором спины... вверху светлячки, внизу озаренные светом дельфины — это было поистине фантастическое зрелище. Мы видели даже светящиеся следы под водой, у самого дна, где дельфины выводили огненные узоры, а когда они подпрыгивали высоко в воздух, с них градом сыпались сверкающие изумрудные капли, и уже нельзя было разобрать, светлячки перед вами или фосфоресцирующая вода. Почти целый час любовались мы этим ослепительным представлением, а потом светлячки стали возвращаться к берегу и постепенно рассеиваться. Вскоре и дельфины потянулись цепочкой в открытое море, оставляя за собой огненную дорожку, которая искрилась и сверкала и наконец медленно гасла, будто тлеющая ветка, брошенная в залив».

Моторная лодка давала Дарреллам замечательную возможность путешествовать вдоль острова, чего раньше они сделать не могли. Первым это оценил Лесли. Теперь он мог отправиться на охоту в дикую северную часть острова. Иногда он брал с собой Лоуренса и Нэнси, так как его путь пролегал мимо Калами (эта деревушка лежала к северу от Кондокали). «Неделю или две тому назад, — писал Лоуренс Алану Томасу, — мы с Нэнси и Лесли отправились поохотиться на мертвое, заболоченное озеро на севере. Это настоящие тропики. Толстый слой ила покрывал дороги. Он пузырился от горячих болотных газов. Повсюду торчали корни деревьев. Кое-где ил сверкал изумрудным блеском от усевшихся на него стрекоз и москитов. Озеро называется Антиниотисса (враг юности)».

Со временем Лоуренс превратился почти в такого же страстного охотника, как и Лесли. Удивительно, что Джеральд сумел сохранить свою любовь к животному миру — ведь он вырос в обществе двух старших братьев, только и мечтавших, чтобы перестрелять всю живность на несколько миль вокруг. Но ему это удалось, несмотря на то, что он честно носил за Лесли его охотничьи сумки, а порой даже принимал участие в охоте на голубей. Лесли стрелял и по голодным, одичавшим собакам, которые увязывались за семьей во время пикников.

Лоуренс относился к миру живой природы с полнейшим безразличием. Единственным, что его заинтересовало, было ночное представление со светлячками. А путешествие с Лесли на озеро пробудило в нем охотничий инстинкт. «Я с ума схожу от стрельбы, — писал он Алану Томасу. — Стрелять цапель я не могу, но вот утки — это совсем другое дело. Утки для меня — это летающая ветчина, снабженная клаксоном. Я не воспринимаю их как живых существ. А принести подстреленную утку домой — это ни с чем не сравнимое ощущение гордости. БУМ. Словно

стеклянный стакан разбился где-то вдалеке. Я могу настрелять сотню уток без малейшего угрызения совести». Утки для Лоуренса были почти тем же, что и осьминоги, на которых он научился охотиться по греческому способу с помощью палки с крючком — «нечто грязное и отвратительное».

После нескольких охотничьих вылазок на север острова Лоуренс начал менять свое мнение о Лесли. «Клянусь, ты бы не узнал Лесли, — писал он Алану Томасу летом 1936 года. — Он стал удивительно цельной и сильной натурой, он может поддерживать разговор почти как доктор Джонсон. Когда он идет с двумя ружьями и еще с одним за спиной, так и кажется, что вот сейчас он начнет палить направо и налево». Лесли воображал себя крутым парнем в крутом мире, лучшим стрелком на острове. Он ходил повсюду «грязный, небритый и распространял вокруг себя запах ружейного масла и крови».

Дарреллы приобрели фотоаппарат «Кодак» и занялись фотографией. Они снимали друг друга и восхитительные виды острова. Чаще всего снимал Лесли, у него открылся настоящий дар фотографа. Но замечал он не только красоту окружающей природы, но и красоту женщин. На снимке Марии, служанки в доме Дарреллов, он написал: «Мария, наша служанка (веселая милашка)».

Ближе к осени 1936 года мама решила отказаться от услуг Пэта Эванса. Как утверждал Джеральд, это произошло потому, что Пэт влюбился в Марго, и Марго ответила ему взаимностью. Так Джеральд лишился самого верного помощника и товарища по литературным занятиям и изучению естественной истории. Изгнанный из рая, безутешный Эванс отправился на материк. Он так и остался в Греции. Во время войны он стал национальным героем, сражаясь за свою родину за линией фронта. Эванс был английским разведчиком в оккупированной нацистами Македонии. Застенчивый и неуверенный в себе Эванс, по словам Марго, «был очень, очень привлекательным». Маргарет глубоко влюбилась в него. Известие об его отъезде потрясло ее. Она заперлась на чердаке и предавалась неумеренному обжорству. «В этот период Марго находилась в отвратительном настроении, — вспоминала Нэнси. — Она очень сильно располнела. Я хочу сказать, что она стала по-настоящему жирной. Марго стыдилась своей внешности и не хотела выходить из комнаты — она даже не спускалась к обеду». Проблемы с весом были вызваны не обжорством и не разбитым сердцем. Позже медицинское обследование показало, что у нее возникло эндокринное заболевание, из-за которого она прибавляла по фунту в день.

Вскоре Джеральду нашли нового учителя. Это был польский эмигрант, в жилах которого текла французская и английская кровь, Краевски. Джеральд в своих книгах называет его Кралевски. Это был похожий на гнома горбун, главным увлечением которого были, по утверждению Джеральда, зяблики и другие птицы. Он держал их на верхнем этаже своего полуразрушенного дома, примостившегося на окраине города. Краевски жил здесь вместе со своей старой, похожей на ведьму, матерью («старой, больной королевой»).

Уроки Краевски были смертельно старомодны и скучны — история превращалась в бесконечную череду дат, а география — в список городов. Для мальчика было огромным облегчением узнать, что у его наставника есть другое увлечение. Краевски был настоящим фантастом. Он жил в воображаемом мире, где жизнь его состояла из удивительных приключений — кораблекрушение на пути к Мурманску, нападение разбойников в сирийской пустыне, удивительная храбрость на секретной службе во время Первой мировой войны, инцидент в Гайд-парке, когда хрупкий горбун сумел задушить разъяренного бульдога голыми руками. И все эти подвиги совершались во имя таинственной Леди. С этого времени уроки стали более приятным времяпрепровождением для Джеральда. Краевски очень много сделал для развития воображения и навыков рассказчика у своего ученика. К сожалению, знаний эти занятия Джеральду не прибавили.

«Как и все на Корфу, — вспоминал Джеральд, — мое обучение складывалось необычно, но счастливо. Я никогда не забуду эту бесконечную череду удивительных профессоров, которые не научили меня ничему полезному, что помогло бы мне добиться успеха в жизни, но дали мне настоящее богатство. Они научили меня жизни». И они показали мальчику не только жизнь, но и свободу, наслаждение, восхитительную красоту и чувственность Корфу.

Джеральд вырос. В январе 1937 года он отметил свой двенадцатый день рождения. В честь этого события был устроен прием. Джерри разослал всем гостям приглашения, украшенные автопортретом и написанные в стихах. Удивительно, что на этих открытках Джеральд изобразил себя с пышной бородой, довольно плотным человеком, почти таким, каким он стал гораздо позже.

Одним из приглашенных был преподобный Джеффри Карр, капеллан Церкви Святой Троицы, которую посещали все члены английской общины на Корфу. Джеффри был близким другом Тео Стефанидеса и его семилетней дочери Алексии.

Карр вспоминал, что вечеринка удалась на славу. Приглашены были Тео и Спиро, и

бельгийский консул, и множество друзей семьи Дарреллов. Лесли, Тео и камердинер последнего короля Греции танцевали «Каламатианос», звери вели себя безобразно, в том числе и вновь прибывшие (на день рождения Джерри подарили двух щенков, которых окрестили Вьюн и Пачкун — и не без оснований). С потолка спускался большой самодельный абажур, собственноручно изготовленный Марго из красной бумаги. Он был наполнен конфетти, мелкими игрушками, сладостями и угощением для крестьянских детишек, которые были голодны не меньше, чем дикие собаки. В самый торжественный момент Тео метким выстрелом из ружья времен Первой шаровой войны, принадлежавшего Лесли, перебил веревку, и абажур рухнул на пол, к восторгу всех собравшихся. Дети мгновенно бросились подбирать подарки, разлетевшиеся во все стороны.

Лесли и Лоуренс отлично развели окрестности озера Антиниотисса в северной части острова. Вскоре за ними последовали и другие члены семьи. «Это продолговатое мелкое озеро, окруженное густой гривой тростника и камышей, — вспоминая Джеральд. — Оно имеет около мили в длину и отделяется с одной стороны от моря широкий пологий дюной из замечательного белого песка». Наилучшим временем для посещения Антиниотиссы был сезон цветения песчаных лилий. Эти роскошные растения выпускали толстые зеленые листья и ароматные белые цветы. Вся дюна, по словам Джеральда, превращалась в «сверкающий белизной глетчер». И вот, как-то раз теплым летним днем, вся семья, включая Тео и Спиро, отправилась на озеро Антиниотисса. Все погрузились на «Морскую корову» и «Бутла Толстогузого». Когда двигатель умолк, обе лодки бесшумно заскользили к берегу. Аромат лилий плыл навстречу путешественникам — «тяжелый, пряный запах, очищенный аромат лета, теплое благоухание, заставлявшее вас все время глубоко вдыхать воздух и задерживать его в груди».

Выгрузив снаряжение для пикника среди лилий, все разбрелись в стороны. Лесли принялся за охоту, Марго стала загорать, мама удалилась на прогулку с собаками, вооружившись ведерком и совком. Спиро, «похожий в своих трусах на смуглого волосатого доисторического человека», стал ловить рыбу с помощью остроги. Джеральд и Тео отправились на озеро, прихватив с собой бутылки и банки для мелких трофеев. «Райское место, — бормотал Ларри. — Я хотел бы лежать здесь вечно. Через столетия я, конечно, забальзамируюсь от постоянного вдыхания этого аромата». Через какое-то время все собрались к ланчу, затем принялись пить чай. После чая Джеральд и Тео снова отправились за ценными образцами местной фауны. День клонился к закату. Спиро разложил костер и принялся жарить на вертеле пойманную им рыбу. Скоро совсем стемнело — на берег опустилась магическая темнота, трещал костер, во все стороны летели искры. Джеральд знал, что он попал в уникальное место, и старался впитать в себя всю красоту волшебного озера.

«Над горами поднялась луна и превратила лилии в серебро. Только там, где на них падали дрожащие отсветы костра, они вспыхивали розовым пламенем. По светлому морю бежали легкие волночки и, коснувшись берега, с облегчением вздыхали. На деревьях начинали ухать совы, а в густой тени зажигались и гасли нефритовые огоньки светлячков.

Зевая и потягиваясь, мы перетаскивали наконец свои вещи в лодки, добрались на веслах до устья залива и, ожидая, пока Лесли заведет мотор, оглянулись на Антиниотиссу. Лилии сияли, как снежное поле под луной, а темный задник из олив был усеян смутными огнями светлячков. Костер, затоптанный нами перед отъездом, светился гранатовым пятном у края покрытой цветами дюны».

В конце 1937 года мама, Марго, Лесли и Джеральд перебрались в новый дом. Третье жилище семьи было меньше и симпатичнее громадной, гулкой виллы в Кондокали. Это был элегантный особняк в георгианском стиле, построенный в 1824 году в деревушке Кризеда. В то время островом правили англичане, и в этом доме жил губернатор британского протектората Ионических островов. Новый дом стоял на холме, неподалеку от землянично-розового дома. Его называли Белоснежным домом. Широкая, заплетенная виноградом веранда выходила в маленький, запущенный садик, осененный огромной магнолией. По краю садика росли традиционные оливы и кипарисы. Лоуренс и Нэнси иногда приезжали погостить на несколько дней, когда им становилось скучно в Калами. Лоуренс писал: «Порой даже рай наскучивает. Хочется немного ада. К тому же это полезно для моей работы — общение с семьей не позволяет моему мозгу застаиваться. Джерри любой дом превратит в настоящий ад».

С задней стороны дома открывался восхитительный вид на холмы и долины, поля и оливковые рощи. Для Джеральда это был прекрасный мир — мир, обещавший бесконечные вылазки на природу и знакомство с различными созданиями, большими и малыми — от гигантских жаб и птенцов сороки до гекконов и богомоллов. Парадным входом вилла была обращена к морю и длинной,

мелкой заводи, почти полностью отделенной от моря. Заводь называлась озером Хакьяопуло. У ее дальнего конца располагалась полоса прорезанных каналами полей, которую Джерри прозвал Шахматными полями. Когда-то венецианцы прорыли сеть ирригационных каналов, чтобы спустить соленую воду из заводи в соляные чаны. Теперь же эти каналы стали настоящим раем для морской живности и для гнездования морских птиц. Со стороны моря лабиринт каналов окружали песчаные берега, где любили жить птицы — бекасы, пегие кулики, чернозобики и крачки. А в песке на отмели всегда можно было найти устриц, сердцевидок и наловить креветок. Со стороны же острова каждый квадратик земли был тщательно обработан и засажен виноградом, инжиром, кукурузой, дынями и овощами. Это были охотничьи угодья Джерри. Здесь он мог раздобыть для себя и морскую птицу, и водяную змею, и черепашку-террапина. Здесь Джеральд пытался поймать большую, очень старую черепаху, которую он назвал Старым Шлепом, здесь он раздобыл своего любимца — морскую чайку Алеко, Лоуренс называл его «чертовым альбатросом». Алеко ему подарил арестант, осужденный за убийство своей жены. Этого арестанта отпустили из местной тюрьмы, чтобы он мог провести выходные дома.

Корфу стал для Джеральда подлинной сельской Аркадией. В те времена там не было аэропорта, не было широких, оживленных дорог у подножия холмов, не было отелей и мини-маркетов, почта не было машин. На Мышином острове в келье жил монах-отшельник, а рядом с его кельей стояло несколько рыбацких хижин (теперь разрушенных). Иногда Джерри и Марго отправлялись на пляж у подножия холма и переплывали на Мышиный остров. Здесь Джерри разыскивал для себя интересных животных, а Марго загорала в своем весьма откровенном купальнике. Старый монах спускался и, потрясая кулаками, вопил симпатичной англичанке: «Ты белая ведьма!» Склонность европейцев к загоранию в почти обнаженном виде шокировала благочестивых греков.

Вскоре после тринадцатого дня рождения Джерри греческая идиллия была нарушена. Тео Стефанидес, друг и учитель Джеральда, собрался покинуть Корфу, чтобы приступить к работе в противомалаярийном союзе, организованном на Кипре фондом Рокфеллера. Его отъезд означал завершение утопического существования семьи Дарреллов.

Лесли зачастил в ближайшую деревушку. Он целыми днями пьянствовал с крестьянами, как только представлялась такая возможность. Ларри и Нэнси занимались ремонтом своего дома в Калами, но этого им было явно мало. Молодожены, оставшиеся наедине друг с другом в заброшенной северной деревушке, постоянно ссорились, порой весьма серьезно. Летом 1936 года Нэнси забеременела. Тео помог ей сделать аборт, и это событие сказалось на моральном климате семьи далеко не лучшим образом. Мама, узнав об этом, пришла в ужас. Семейное единство начинало рушиться. Лоуренса уединенность и заброшенность его островного рая начинала тяготить. Когда на Корфу по его приглашению приехали две молоденькие балерины, он спал на пляже с ними обеими, посоветовав Нэнси пойти спать в другое место. «Он устал быть женатым человеком, — с горечью вспоминала Нэнси, — и поэтому он всячески пытался оттолкнуть меня. Он постоянно унижал меня и порой очень жестоко». В конце концов, Лоуренс решил перебраться в Париж и Лондон, оставив на время греческий рай. Марго к тому времени исполнилось двадцать лет, она тоже решила найти свой путь в реальном мире, для чего было необходимо вернуться в Лондон.

И для Джеральда период детской невинности тоже закончился. У него появились новые интересы, и интересы эти вступали в конфликт с безграничной любовью к животному миру. Время от времени Джерри играл в «отцы-матери» с маленькими девочками — вполне естественное занятие для подрастающего мальчика. Став взрослым, Джеральд говорил своему другу: «Прежде чем ты успевал понять, что происходит, панталоны уже снимались и все происходило само собой».

Хотя остальные члены семьи Дарреллов не имели ничего против бесцельного существования на райском острове, атмосфера вокруг Корфу сгущалась. В Европе замаячил призрак войны. На севере гитлеровская Германия готовилась начать Вторую мировую войну. На юге Муссолини пытался установить итальянское господство над Албанией и начинал предъявлять территориальные претензии к Греции. Корфу также относился к сфере итальянских интересов.

Лоуренс и Лесли готовились защищать остров от итальянцев, но события развернулись иначе. В апреле 1939 года Мэри Стефанидес и ее дочь Алексия уехали с Корфу и переселились в Англию. Джеральд сожалел об отъезде своей верной маленькой подружки. Война в Европе казалась все более неизбежной. Луиза стала подумывать, что неразумно оставаться на греческом острове. В книге «Моя семья и другие звери» Джеральд утверждает, что к переезду семью подтолкнуло беспокойство мамы относительно его образования. Мальчику уже исполнилось четырнадцать, и он, по воспоминаниям Мэри Стефанидес, был «очень независимым и не терпел контроля со стороны взрослых. Лоуренс

пытался время от времени стать для него отцом, но им редко доводилось жить в одном доме, да и к тому же Ларри был чересчур снисходителен к младшему брату. А мамой Джеральд вертел, как хотел. Только Теодор мог хоть как-то его контролировать, да и то это длилось не больше недели. Поэтому, даже если бы в 1939 году не началась война, дни на Корфу для Джеральда Даррелла были сочтены».

Окончательно к решению покинуть Корфу маму подтолкнул ее английский банк. Маме сообщили, что в случае войны ее средства станут недоступны и тогда вся семья останется в Греции без средств к существованию. В июне 1939 года Луиза покинула Корфу вместе с Джеральдом, Лесли и тридцатилетней греческой служанкой Марией Кондос.

«Когда пароход вышел в открытое море и остров Корфу растворился в мерцающем жемчужном мареве, — писал Джеральд об окончательном расставании с Грецией, — на нас навалилась черная тоска и не отпускала до самой Англии». Из Бриндизи семейство Дарреллов, состоявшее из четырех людей, трех собак, двух жаб, двух черепах, шести канареек, четырех щеглов, двух зеленушек, коноплянки, двух сорок, чайки, голубя и совы, двинулось на север к Швейцарии.

«На швейцарской границе в вагон вошел ужасающе вышколенный чиновник и проверил наши паспорта. Он возвратил их маме вместе с небольшим листком бумаги, без улыбки поклонился и оставил нас с нашей тоской. Чуть позднее мама взглянула на заполненный чиновником бланк и застыла на месте.

— Вы только посмотрите, что он тут написал, — сказала она с возмущением. — Какой наглец!

На маленькой карточке в графе «Описание пассажиров» аккуратным крупным почерком было выведено: «Передвижной цирк и штат служащих».

Теперь на Корфу оставались только Лоуренс и Нэнси. Они продолжали жить в белом домике возле Калами вплоть до осени. Когда немцы вошли в Чехословакию, а итальянцы оккупировали Албанию, расположенную всего в нескольких милях от острова, покинули Грецию и последние члены семьи Дарреллов. Но это было не последнее явление Дарреллов на Корфу. Однажды Марго решила, что Корфу — это ее настоящий дом, где живут все ее друзья. И она вернулась на остров. Она поселилась в крестьянском доме рядом с семейством Кондос в Пераме. Марго спала в одной постели со своими подружками Катериной и Рене, мылась в маленькой бочке во дворе и рассчитывала пережить войну на любимом острове, притворившись крестьянской девушкой.

Лоуренс и Нэнси уехали чуть позже. Будущее их тревожило. Близость войны становилась все более очевидной. Северная часть острова находилась так близко от театра военных действий, что приходилось решать — либо уезжать, либо быть захваченными вместе с островом. Марго получила таинственное послание от Спиро: «Дорогая мисси Марго, сообщаю вам, что война объявлена. Никому ни слова!» Лоуренс вспоминал день объявления войны со страданием. «Мы стояли на балконе и смотрели на море, — писал он своей подруге Анне Ридлер в октябре 1939 года. — Казалось, мир погибает... Это был самый печальный период моей жизни...»

Были мобилизованы все, кто мог держать в руках оружие, и все лошади. Столицу Корфу наполнили толпы людей, пытавшихся покинуть остров. На лодках, с которых разгружали оружие и муку, пылали огромные нефтяные факелы. В Калами плакали деревенские дети. Критская пехота маршировала вокруг города. «Пахли солдаты ужасно, но моральный дух был как никогда высок». Местное командование планировало разместить минометы возле белого дома и минировать проливы. Затем всех мужчин из деревни отправили в глубь острова в секретный лагерь. Забрали всех, включая Анастасию, «нашего обходительного, красивого, обаятельного хозяина, слишком женственного и истеричного, чтобы брать в руки оружие». В деревне остались одни женщины, рыдавшие у колодцев, и малолетние дети. «Мне не с кем было попрощаться, кроме самого острова, — вспоминал Лоуренс. — У меня душа болела за всех».

Лоуренс и Нэнси приготовились к отъезду, сожгли рукописи и рисунки, упаковали несколько книг, которые могли нести в руках. Маленький черно-коричневый «Ван Норден» остался на острове. В доме остались и картины Нэнси — «ленивые, красивые портреты наших деревенских друзей». Они висели на каждой стене. Хмурым осенним днем над Корфу сгустились тучи, пришедшие со стороны Албании. Моросил мелкий дождик, море волновалось. Лоуренс и Нэнси сели на маленький пароходик и покинули остров. «Я отлично все помню, — писал Лоуренс. — Мои сожаления были так глубоки, что я не смог справиться с эмоциями... Мы никогда не говорили о бегстве с Корфу».

На острове осталась одна Марго. Перед отъездом Лоуренс пытался уговорить сестру поехать

с ними, но она осталась непреклонна. Тогда он посоветовал ей в экстренном случае спускаться на воду «Ван Норден» и Эгейским морем добираться до Афин — совет довольно странный, если учесть, что Марго никогда в жизни не управляла лодкой. Но она смотрела в будущее с оптимизмом: «Я была молода, а когда ты молод, то ничего не боишься». Марго перебралась в город, чтобы узнавать новости и читать военные бюллетени, которые вывешивали на центральной площади. Здесь за чашкой кофе или чая со льдом она иногда встречалась с летчиками морской авиации, все еще летавшими по маршруту Великобритании — Карачи. Летчики пытались убедить Марго в том, что пересидеть войну в холмах Корфу не удастся, и советовали ей покинуть остров, пока он еще не захвачен и имеет связь с внешним миром. Марго особенно подружилась с молодым авиационным инженером, которого звали Джек Бриз. Именно ему удалось убедить Марго уехать. Он помог ей выбраться с острова. Сразу же после Рождества Марго улетела с Корфу на одном из последних английских самолетов. Она рассталась с островом своей юности навсегда.

В октябре 1940 года итальянские войска вошли в Грецию, а на следующий год оккупировали Корфу. Белый дом в Калами был разрушен, а лодка Ларри затонула. Под холмом, на котором стоял землянично-розовый дом, где Джерри впервые погрузился в мир живой природы, итальянцы устроили палаточный лагерь. Здесь целыми днями маршировали и стреляли. Позже на острове появились немцы. Они уничтожили Шахматные поля, где когда-то Джерри охотился за Большим Шлепом. Город разбомбили. Погибли родители Тео Стефанидеса, наставник Джеральда Краевски, его больная мать и все птицы. Какая судьба постигла великий труд Джеральда о флоре и фауне мира, осталось неизвестным.

Семья Дарреллов покинула свой Эдем и очутилась в мире, разрываемом войной. Единственным, что они увезли со своего райского острова, были несколько фотографий и воспоминания о волшебной жизни, которые продолжали жить в их памяти так же ярко и живо, как греческое солнце.

Жизнь на Корфу оказала огромное влияние на Джеральда и во многом определила его дальнейший жизненный путь. Но на острове его окружали только любовь и радость, счастье и мир. В результате он оказался совершенно не приспособленным к реальной жизни, постоянно стремившейся поставить его на колени.

Оглядываясь назад, вспоминая волшебный сад, магический островок в жестоком мире, Лоуренс много лет спустя писал: «На Корфу нам удалось восстановить индийский период нашей жизни, который мы все пропустили. Остров позволил нам немного пожить простой, открытой жизнью, подставить свои тела теплым лучам солнца. Без Корфу Джерри бы никогда не смог стать таким, каким он стал. Ему бы никогда не сделать того, что он сделал... Мне кажется, я родился на Корфу. Это было подлинное благословение между двумя войнами, и назвать его можно было только одним словом — рай».

ГЛАВА ПЯТАЯ ДЖЕРАЛЬД В ГОДЫ ВОЙНЫ: АНГЛИЯ 1939-1945

Мама, Лесли и Джеральд вернулись в Англию накануне объявления войны — 3 сентября 1939 года. После высадки собаки были помещены в карантин, а все остальные животные, которых Джеральд вывез с Корфу, а также мармозетка и сороки, добавившиеся к домашнему зоопарку уже в Англии, разместились на верхнем этаже лондонского дома, снятого мамой на время поисков более подходящего жилища. Затем семейство Дарреллов перебралось в квартиру на Кенсингтон Хай-стрит. Маме хотелось вернуться в Борнмут, с которым ее многое связывало. Пока она разъезжала повсюду в поисках дома, Джеральд, впервые надевший длинные брюки, исследовал столицу. «Лондон показался мне в то время очень увлекательным местом, — вспоминал он. — Самым крупным городом, который я до этого видел, была столица Корфу, своими размерами не превышавшая самого крохотного провинциального английского городишка. В бурлящем, огромном Лондоне я обнаружил массу интересного».

Иногда Джеральд отправлялся в ближайший кинотеатр и погружался в иллюзорный мир приключений и страстей, открывавшийся перед ним на белом экране. Любовь к кино он сохранил на всю жизнь. В другие дни он отправлялся в музей естественной истории или в зоопарк. Эти походы только укрепили мальчика в мысли о том, что его истинное призвание — это работа в зоопарке.

В то время Лондон жил довольно спокойно — без ночных налетов, без бомбоубежищ и воздушных тревог. Джеральд нашел себе первую работу. Он стал помощником хозяина зоомагазина «Аквариум», располагавшегося неподалеку от дома, где жила семья. Магазин был отлично

оборудован. Вдоль стен тянулись ряды огромных аквариумов, где жили яркие тропические рыбки, в стеклянных банках копошились ужи, змеи, большие зеленые ящерицы, черепахи, тритоны с гофрированными хвостами и огромные лягушки с выпученными глазами. В обязанности Джеральда входило кормление животных и уборка их клеток и аквариумов. Очень скоро стало ясно, что юноша знает о потребностях обитателей магазина куда больше, чем сам хозяин. Познания мальчика и его умение инстинктивно понять, что нужно для благополучия животных, поражали владельца магазина.

Джеральд слегка изменил питание животных, чего хозяин магазина никогда не делал. Мальчик отказывался от собственного обеда, чтобы собрать мокриц в Кенсингтонском парке для рептилий и амфибий, которых владелец магазина кормил одними мучными червями. Он запустил водяных блох в аквариумы, чтобы немного разнообразить кормежку рыбок. Затем Джеральд занялся устройством клеток. Он бросил немного влажного мха в корзину, где жили большие леопардовые лягушки, чтобы те могли укрыться от палящих лучей лампы, постоянно освещавшей их жилище. Джеральд смазал их воспаленные лапки оливковым маслом и промыл им слезящиеся глаза. Но вот права украсить большой аквариум, расположившийся в центральной витрине магазина, он добиться никак не мог. В этом аквариуме жили восхитительные, яркие рыбки, но в остальном он напоминал подводную пустыню.

«Я трудился над большим аквариумом с настойчивостью, достойной подражания. Я возвел покатые песчаные дюны и высокие, красивые скалы из гранита. Затем между гранитными скалами я устроил небольшие долины и насадил там леса из валлиснерии и других, более деликатных водяных растений. По поверхности воды я пустил мелкие белые цветочки, которые напоминали водяные лилии. Закончив работу, я запустил в аквариум блестящих черных моллинезий, серебристых топоришков, блестящих, как площадь Пиккадилли, неонов и отступил, чтобы полюбоваться творением рук своих. Собственные способности внушили мне уважение».

Произвел впечатление большой аквариум и на владельца магазина. «Восхитительно! Великолепно! — восклицал он. — Просто великолепно!» Скоро Джеральду стали поручать и более ответственные задания. Периодически он отправлялся в Ист-Энд за рептилиями, амфибиями и змеями. «В мрачных, похожих на пещеры магазинчиках, расположившихся на узких улочках, — писал Джеральд, — мне открылся мир, где стояли большие ящики с ящерицами, корзины, полные черепашек, огромные аквариумы, где колыхались водоросли, между листьями которых шныряли тритоны, лягушки и саламандры... и контейнеры с игуанами, этими ярко-зелеными драконами из детских сказок». Во время одной из таких поездок у Джеральда выпало дно из коробки, в которой он вез 150 маленьких черепашек-террапинов. Черепашки разбежались по автобусу. Но с помощью бравого полковника с моноклем, ехавшего в том же автобусе, Джеральду удалось собрать всех беглянок. В первый момент он был близок к отчаянию — его профессиональная карьера рушилась на глазах. Но тут раздалось радостное восклицание. «Бог мой! — воскликнул полковник, — Расписной террапин! *Chrysemis picta*! Сто лет таких не видел! Вон там еще одна, под сиденьем. Хей-хо! Ба-бах!>>

К тому моменту, когда мама наконец нашла жилище, способное вместить всю семью, большинство из ее членов уже нашли свой путь в жизни. Лоуренс и Нэнси остались в Афинах. В апреле 1940 года там родилась их дочь Пенелопа. В начале того же года Лоуренс получил сообщение о том, что Марго наконец-то вышла замуж за своего летчика. Джека Бриза. Свадьба происходила в Борнмуте, а Лесли исполнял роль отца невесты. Вскоре Джека отправили в Южную Африку, и Маргарет последовала за ним. Все военные годы они провели в Африке, постепенно перемещаясь к северу — сначала в Мозамбик, затем в Эфиопию, а потом, как и Ларри, в Египет.

Когда немецкие войска перешли границу Греции и двинулись на юг к Афинам (а случилось это в апреле 1941 года), король и правительство покинули столицу и укрылись на Крите. Лоуренс и Нэнси последовали их примеру. Это было довольно опасное путешествие. Им удалось покинуть Пелопоннес на рыбацкой лодке за день до того, как в Афины вошли немцы. Шесть кошмарных недель Лоуренс с Нэнси провели на Крите под воздушными налетами немецкой авиации. Наконец им удалось с одним из последних пассажирских кораблей отплыть в Египет. Они высадились в Александрии за два дня до окончательного падения Греции. Лоуренс вскоре нашел себе работу — он стал сотрудником по иностранной прессе при британском посольстве в Каире — и пробыл в Египте до окончания войны. Однако в июле 1942 года, когда возникла прямая угроза захвата Египта немцами, Нэнси с маленькой Пенелопой перебрались в Палестину. Этот отъезд означал крушение брака. Через год Лоуренс влюбился в девушку из Александрии, Еву Коэн, которая вскоре

стала его второй женой.

Для мамы возвращение в Англию, сопровождавшееся всеми прелестями военного времени — затемнениями, противогазами, карточками, — стало еще одним крушением, которые следовали в ее жизни одно за другим с того самого момента, как она вышла замуж за своего обожаемого мужа в Индии, стране, которую она по праву считала родной. Но мама не роптала. Без малейшей жалобы она делала то, что и всегда, — готовила, убирала, помогала. Но после дешевой жизни в Греции возвращение в Англию существенно пошатнуло финансовое положение семьи. Наступили трудные времена. Большая часть денег, оставленных Луизе мужем, растаяла в сомнительных сделках, предпринятых мамой перед войной. А когда японцы захватили Бирму, деньги, вложенные в бирманскую нефтяную компанию, исчезли навсегда. Скромный образ жизни, который Дарреллы вели в Борнмуте в годы войны, казался нормальным для их друзей и родственников, часто навещавших гостеприимную семью. Однако Лоуренс, все это время проведенный за границей, был просто шокирован тем, что увидел, вернувшись домой.

Все это время Луиза продолжала ухаживать за оставшимися с ней сыновьями, старалась их повкуснее накормить, когда это было возможно.

К сожалению, возвращение в Англию не пошло на пользу Лесли. Он надеялся вступить в Королевские Военно-воздушные силы, где мог бы реализовать, свои детские мечты. Но ружейная стрельба, которой он так увлекался на Корфу, не пошла на пользу его слуху. Военно-медицинская комиссия постановила, что он не годен к военной службе. Расставшись с мечтой о карьере летчика, Лесли был вынужден в военные годы работать на местном авиационном заводе, выполняя самые разнообразные мелкие поручения.

Для Джеральда возвращение в Англию стало не просто переходом от одного образа жизни к другому. Он покинул залитый солнцем средиземноморский остров, где люди жили в полной гармонии с природой, и очутился на туманном острове посреди Северного моря, который был ему совершенно чужд. Он попал в пустоту. Все последующие годы он почти не писал об Англии. Ему просто нечего было о ней сказать. Шок от переезда был почти физически ощутимым. Потребовалось довольно много времени, пока Джеральд сумел приспособиться к новой климатической и культурной среде обитания.

Он не был больше мальчиком. Джеральд превратился в подростка, и превращение это сопровождалось свойственными периоду взросления проблемами. Он довольно много времени провел в Греции и усвоил манеры и облик греков. У него не было образования — совершенно никакого, и власти Великобритании вынуждены были это признать. Не то чтобы Джеральд не хотел учиться, но его возраст был таким, что он просто не мог получить нужного ему образования. А сдать требуемые экзамены было выше его сил.

Мама совершила последнюю попытку дать сыну образование. Она отправила его в небольшую школу в пригороде Борнмута в надежде, что Джеральд проявит интерес к учебе. Эта затея увенчалась успехом лишь частично. Директор школы решил проверить способности нового ученика и попросил его написать по памяти «Отче наш». Джеральд сумел вспомнить лишь шесть первых слов, а все остальные выдумал. Посещение биологической лаборатории казалось более перспективным — учитель как-то провел отпуск в Греции. Но даже там Джеральда оценили как «среднего ученика, хотя и со способностями». Неудивительно, что Джеральд не захотел больше идти ни в какую школу.

Считая, что ее дети лучше знают, что им нужно, мама нашла для Джеральда частного преподавателя. Гарольд Биннз был аккуратным, спокойным человеком с изуродованным шрапнелью лицом. Он писал книги об английской поэзии и страстно любил употреблять одеколон не по назначению. Во время уроков Гарольд частенько отлучался в туалет, чтобы приложиться к заветному пузырьку. Мистер Биннз обладал двумя замечательными умениями, которыми и поделился со своим учеником. Он научил Джеральда пользоваться британской библиотечной системой и открыл перед ним мир английского языка с его ассоциациями и ассонансами, нюансами и обертонами. Урок продолжался час, затем учитель брал с полки том стихов и предлагал Джеральду читать самостоятельно. В своих неопубликованных мемуарах, написанных в последние годы жизни, Джеральд так вспоминал о мистере Биннзе и о той любви, которую этот человек привил ему к музыке и магии родной речи.

«Он врывался в комнату, распространяя вокруг себя сильнейший аромат одеколona. «Итак, милый мальчик, — говорил он, закатывая глаза к небу и вздымая руки. — Настало время смести паутину с мозгов, а? Бросай геометрию, это тебе все равно не по силам, и давай займемся Суинбер-

ном. Ты знаешь Суинберна? Думаю, у вас с ним есть кое-что общее... Ммм... Так, вот это сойдет для начала».

Он бросал книгу мне на колени и выбегал из комнаты, а за ним, словно шлейф невесты, распространялся запах его любимого одеколона.

Спустя некоторое время он снова врывался в комнату и спрашивал: «Он тебе понравился?»

«Я люблю поэзию, — отвечал я. — И мне нравятся аллитерации».

«Мне тоже, — пылко говорил он. — Это стихотворение воплощает в себе то, какой должна быть поэзия. Лишь немногим современным поэтам удастся шептать на ухо, как морской раковине. По крайней мере. Суинберн вызывает в твоём воображении какие-то образы, пробуждает твой мозг роскошными словами...»

Эти уроки стали для Джеральда настоящим откровением и оказали на него влияние не меньшее, чем оказал на него когда-то Ларри. Мистер Биннз подтолкнул своего ученика к писательству.

Хотя новый учитель, как когда-то на Корфу Лоуренс, научил Джеральда любить родной язык, хорошего учителя биологии в Англии не нашлось. Джеральд обратился в местную библиотеку и стал продираться сквозь премудрости науки самостоятельно. В таком эклектичном обучении были свои преимущества — он научился смотреть на проблемы под совершенно неожиданным углом зрения. Но у подобного подхода были и весьма существенные недостатки. В знаниях Джеральда оставались огромные пробелы. Он всегда это осознавал, особенно когда стал известным зоологом и ему пришлось выступать с лекциями о науке, которую он никогда формально не изучал. Значительно позже он признавался:

«Конечно, степень могла бы мне помочь — но помогла ли бы? Если подумать, то формальное образование могло бы уничтожить другую сторону моей натуры. Поскольку у меня не было степени, я не мог получить работу. Единственное, что мне оставалось, — это писать, чтобы заработать на жизнь. Идея получения степени развевается перед людьми, как флаг. Все считают, что степень необходима, но необходима она только нашему обществу. Сколько болванов в моей области знаний получили заветную бумажку, но остались способны лишь накапливать знания, как белки, и отрывигивать их на бумагу в нужный момент. Я проявляю свой комплекс неполноценности, не так ли?»

Недостаток формального образования Джеральд компенсировал необычайно развитым и изобретательным интеллектом. Детство, проведенное на Корфу под руководством Тео Стефанидеса, подарило ему глубокое понимание феномена природной жизни, овладение прикладной биологией, совершенно недоступной для студентов Соединенного Королевства. А старший брат научил его принципам художественной литературы лучше любого школьного учителя. Свой вклад в формирование личности Джеральда внесли и другие члены семьи, в особенности мама. «Мама поддерживала нас во всем, что бы мы ни затеяли, — вспоминал Джеральд. — Она всегда говорила: «Что ж, попробайся, дорогой!» А если нас ждала неудача — ничего страшного. Мне позволялось читать все, что угодно. На любой мой вопрос я получал совершенно честный ответ, если на него вообще был ответ. Я получил совершенно уникальное образование, я сталкивался с бесконечной эксцентричностью. Пожалуй, теперь ничто в человеке не может меня удивить».

Но знания Джеральда в других областях знаний были отрывочны и неопределенны. Он был самым необычным подростком в Британии на тот момент. Типичная жизнь подростка с подъемом, уроками, играми со сверстниками и выпускными экзаменами прошла мимо него. Начальное образование Джеральда было фрагментарным, среднее — нулевым, а шансов на получение высшего не существовало вовсе. Для подростка с такими странными наклонностями в военном Борнмуте оставался лишь один путь — идти на работу, неквалифицированную и низкооплачиваемую, пока он не достигнет призывного возраста и не сможет сложить голову на войне.

Единственная работа, которая привлекала Джеральда, заключалась в уходе за животными. Хотя звучит это не особенно интересно, но дни, проведенные в зоомагазине в обществе белых крыс, не были потрачены впустую. Джеральд научился обращаться с птицами и даже держал некоторых в своем саду. Самым крупным животным из тех, за которыми ему приходилось ухаживать, была небольшая косуля, подаренная Джеральду мальчиком, жившим в Нью-Форесте, а затем переехавшим в Саутгемптон. Мальчик писал об олененке, маленьком домашнем зверьке, а когда животное прибыло, оказалось, что это раздражительный взрослый олень примерно четырех лет от роду, совсем не похожий на милого Бемби, которого воображал себе Джеральд. Потребовалось много усилий и терпения, чтобы приручить Гортензию (так Джеральд назвал косулю). Ему нравилось почесывать ей

за ушами. Но все же под давлением семьи Гортензию отправили на ближайшую ферму.

Во время войны несколько бомб упали на Борнмут. Одна из них попала в книжный магазин Коммина. Но все же Джеральд имел мало представления о войне и не особенно ею интересовался.

«Мы часто смотрели в сторону Саутгемптона, наслаждаясь красотой заката. На небе часто мелькали вспышки выстрелов и взрывов — но в целом война проходила мимо нас. Я имею в виду всех членов семьи. Мы слушали девятичасовые новости, радовались победе, я каждый день следил за продвижением наших войск... но из чисто эгоистических интересов. Мне хотелось, чтобы война поскорее кончилась и в нашей жизни появилось что-нибудь более интересное. Мне хотелось вернуться на Корфу и посмотреть, что немцы сделали с тамошними бабочками и пауками. Даже в эти дни я старался как можно больше времени проводить на улице, рискуя попасть под бомбежку в Ковентри или в каком-либо другом месте. Я помогал убирать урожай. Я ездил повсюду — теперь уже не на ослике, а на велосипеде, — разыскивая птичьи гнезда и животных, исследуя местную фауну с настойчивостью и терпением взрослого натуралиста. Я мог в любое время дня или ночи часами дожидаться, когда птица вернется в свое гнездо, чтобы определить ее вид. Точно так же я поступал и на Корфу. Дом для меня был всего лишь местом ночлега. Настоящий мой дом был снаружи. В двухстах ярдах от нашего дома стояло несколько деревьев, за которыми я присматривал, а за дорогой раскинулись поля для гольфа. Дальше начинала сельская местность. Настоящая деревня. Борнмут в те времена был захолустным городишком. С моей точки зрения, лучше него найти было невозможно — но все же это был не Корфу».

«Настоящая деревня» для Джеральда воплощалась в болотах Пербека, дикой чащобе Нью-Фореста, широком побережье, раскинувшимся вокруг Пул-Харбора. В своих походах Джеральд забирался все дальше и дальше. Как-то раз, наблюдая за птицами, он добрался до Корнуолла.

Англия казалась Джеральду чопорной и надутой после свободной, привольной жизни на средиземноморском острове. Особенно это касалось вопросов секса и отношений с девочками. Джеральд повзрослел на Корфу.

С помощью местной крестьянской девчонки он познал секс — по крайней мере, прелюдию к сексу. Ему были незнакомы страдания и ощущение вины, так мучившие его английских сверстников. На Корфу секс был чистым и естественным — любовь среди олив и миртов, хихиканье и сплетение тел.

На Корфу все учителя рассказывали мальчику о сексе, не была эта тема запретной и в доме. В Англии же царила сдержанность и замкнутость. «Я никак не мог понять, почему в Англии мальчики моего возраста считают секс грязным и никогда о нем не говорят, — вспоминал Джеральд. — От своих подружек в Борнмуте я скоро узнал, что с ними нельзя обращаться как с приятелями, иначе они сочтут меня бессовестным и порочным. В некотором смущении я был вынужден вести целомудренный образ жизни, время от времени получая поцелуй в лоб. Я перенесся из мира Рабле к Вильяму Моррису».

Джеральд был симпатичным молодым человеком, с привлекательным, открытым лицом и подкупающими манерами. Его внешность, однако, чуть не сыграла с ним злую шутку, когда была изнасилована, задушена и изуродована местная девушка. Ее тело нашли под азиями на одном из местных курортов. Газета «Борнмутское эхо» писала, что полиция разыскивает высокого, привлекательного молодого человека с голубыми глазами и хорошими манерами — вылитый Джеральд. Мама, конечно, немедленно заметила угрозу своему любимому сыну.

«Ты не должен выходить, дорогой, — предостерегла она Джеральда. — Тебя могут арестовать за убийство. Оставайся дома. Ты же знаешь этих полицейских. Если они тебя арестуют, то не успокоятся, пока не повесят. А повешение — это не повод для шуток».

Через день-другой детективы действительно позвонили в резиденцию Дарреллов, чтобы вызвать молодого натуралиста на допрос. Ответы Джеральда вполне их удовлетворили, и его отпустили, не сняв даже отпечатков пальцев. Когда он вернулся, к нему тут же подбежала мама.

«Что ты им сказал, дорогой? — спросила она. — Это очень важно, чтобы мы говорили одно и то же в суде».

В то время Джеральд выглядел несколько женственно. Но он прилагал героические усилия, чтобы избавиться от этого обаяния, отчасти из-за того, что он почувствовал внимание со стороны гомосексуалистов. Порой это доставляло ему неудобство и совершенно не нравилось, так как он был абсолютно гетеросексуален. «В те дни я смазывал свои светлые волосы вазелином, — вспоминал Джеральд, надеясь, что они мужественно потемнеют. И тогда я смог бы очаровать всех женщин,

которые считали меня слишком слабым и милым. Я не понимал, что таким образом превращаю свои длинные локоны в некое подобие мокрых и скользких угрей. Только самая добрая и уродливая девочка могла бы согласиться выйти со мной в таком виде».

Этот период жизни продлился недолго. Очень скоро Джеральд научился пробуждать в женщинах интерес к себе. «Я всегда умел привлекать женщин, — говорил он, — но, надеюсь, никогда не пользовался этим — разумеется, за исключением тех случаев, когда хотел их соблазнить». Джеральд признавался, что был опытным соблазнителем, хотя ему никогда не был свойственен цинизм и жестокость. «Я относился к женщинам по-человечески, что было роковой ошибкой». В те дни сексуальная карьера Джеральда развивалась не слишком успешно: «Я должен признать, что в возрасте шестнадцати лет я все еще придерживался мнения, что нужно брать девушек на мушку, и это было ошибкой».

Джеральд не просто ценил физическую красоту. Он любил и уважал женщин. В отличие от большинства своих ровесников, он не ходил в школу, много вращался в женском обществе и дома, и вне его. Он всегда предпочитал женское общество, хотя общество животных доставляло ему еще большее удовольствие. Джеральд мог восхищаться, даже обожать представительниц противоположного пола, но головы из-за них он никогда не терял. Он всегда помнил о том, что женщины ничем не отличаются от остальной части человечества. Инцидент, произошедший незадолго до окончания войны, подтвердил справедливость подобной точки зрения.

«Темные волосы, большие блестящие глаза, похожие на спелые каштаны, лицо, аккуратно поддерживаемое костной структурой, прелестное, как коралловый риф. Ротик влажный, большой и мягкий, очаровательный ротик. Тело гибкое, как молодая березка. Коричневые ладони, похожие на морскую звезду. Когда она говорила, то поднимала их, как дирижер, управляющий большим оркестром. Это была девушка, которая не только навеки западала вам в душу и сердце. Она заставляла вас останавливаться и прислушиваться к звуку ее голоса и к чарующим словам, ею произнесенным. Ее восхитительная головка была посажена на стройную, длинную шейку, как у Нефертити. Я хотел познакомиться с ней, привести ее в тайный сад, где благоухали ночной жасмин, мандарины и тропические цветы, которые попытались бы соперничать с ней в красоте, но смогли бы лишь оттенить ее. Она была для меня настоящим садом Эдема, где Адам пожертвовал своим пупком. Ради нее я готов был пожертвовать гораздо большим. Официант принес счет, и я расплатился. Проходя мимо ее столика, я услышал, как это неземное создание кричит так громко и пронзительно, что от ее голоса могла бы расколоться устричная раковина: «Ты, мерзкий, глупый ублюдок! Понять не могу, почему я вышла за тебя! Твои яйца словно сварены вкрутую, и толку от них не больше!» С тех пор я никогда не относился к женщинам с таким трепетом, как раньше».

В молодости обаяние Джеральда было настолько неотразимым, что его считали похитителем женских сердец. Став старше, он приобрел привычку флиртовать со всеми женщинами, находящимися поблизости, и обзавелся репутацией дамского угодника. В старости он рассказывал столько удивительных историй о своих любовных приключениях, что складывалось впечатление, что его молодость являла собой одну непрерывную оргию. Разумеется, Джеральд несколько преувеличивал свои сексуальные склонности. «Он не был излишне сексуальным мужчиной, — вспоминала Маргарет. — Я имею в виду, что я не считала его очень сексуальным мужчиной».

Ему было далеко до Ларри. Хотя он часто говорил о своей сексуальности, все его проделки были лишь невинным флиртом. Я бы сказала, что Джерри был более ориентирован на мать, чем на секс. Секс был для него мечтой, а не призванием. Ему просто не нравилось быть в одиночестве. Он всегда любил, когда рядом с ним была женщина, пусть даже она мешалась на кухне». В старости Джеральд подтвердил слова старшей сестры: «Секс меня не слишком занимал, поскольку у меня было много других увлечений... Если ничего не выходило, я не комплексовал».

Помимо других увлечений Джеральд активно занимался самообразованием. Он гораздо больше времени проводил за книгами, чем с девушками. Книги открывали перед ним новый мир, мир безграничных знаний и разнообразия, мир, будивший его воображение, мир настоящей науки и строгих фактов. Джеральд постоянно работал в местной библиотеке, а когда мог себе это позволить, покупал книги в ближайшем книжном магазине. Позднее он говорил: «Я считаю книги сутью жизни. Возможность быть окруженным книгами, читать и перечитывать их позволяет человеку укрыться под панцирем знаний, а затем путешествовать по жизни, подобно черепахе, таща библиотеку на спине. Книги окружают человека подобно материнской утробе».

Порой Джеральд любил вспоминать, какие книги он прочел в молодости. Тогда он читал все, что попадалось под руку, — от детской классики до викторианских приключенческих романов для

мальчиков, от классических произведений Шекспира и Рабле, от Библии и «Очерков Илии» Лэмба до романов Редьярда Киплинга и Д. Г. Лоуренса. Увлекали Джеральда книги известных юмористов — Эдварда Лира, Джерома К. Джерома, П. Г. Вудхауза, Джеймса Тербера и Патрика Кэмпбелла. Он не покладая рук продирался через многочисленные тома двух знаменитых энциклопедий — «Ларусса» и «Британники». В области естественной истории его интересы были более разнообразны. Его привлекала и классика — Чарлз Дарвин, Альфред Уоллес, Генри Бэйтс, Анри Фабр, Джилберт Уайт, Ричард Джеффрис, В. Г. Хадсон, — и более современные работы, включая произведения Джулиана Хаксли и Г. Уэллса, в том числе его биологический обзор «Наука жизни».

Во многом Джеральд Даррелл обязан отсутствию формального образования. Он получил возможность развивать свой живой, оригинальный ум самостоятельно, не сковывая себя никакими рамками, увлекаясь тем, что его интересовало, и не обращая внимания на скучное и ненужное. Он открывал для себя новые пути и продвигался к прогрессу своей дорогой, не подстраиваясь под ограничения, свойственные официальному образованию. Джеральд проверил свой подход к образованию на себе: «Я считаю, что рутина современной образовательной системы убивает в ребенке воображение. Я учился так, что мое воображение развивалось и расцветало. Оно открыло мне многое из того, чему невозможно научиться в школе, сделало из меня настоящего натуралиста и писателя. Мое эксцентричное окружение оказало мне огромную услугу».

Именно отсутствие заранее запрограммированного образования заставило Джеральда очень рано задуматься над уменьшением популяции животных (он был совершенно потрясен практически полным исчезновением черноногих хорьков в прериях Северной Америки). Джеральд еще в детстве стал составлять собственную «неполную и любительскую» Красную книгу исчезающих видов животных — одним из первых в Соединенном Королевстве. Если бы он отправился в университет изучать зоологию, то вышел бы оттуда с точным знанием сравнительной анатомии и линнеевским определением видов, но сомнительно, чтобы его имя стало известно во всем мире.

Итак, детство Джеральда осталось позади. В конце 1942 года, когда маятник войны качнулся в сторону союзных войск — хотя впереди еще были годы кровопролитных сражений, — Джеральд получил повестку. Ему было почти восемнадцать лет, и он отправился на медицинскую комиссию в Саутгемптон. Сначала его и пришедших с ним юношей выстроили — «как скот на бойне» — и приказали раздеваться. Затем каждому из них дали по баночке и велели помочиться. Перед осмотром Джеральд выпил несколько пинт пива, чтобы наполнить мочевой пузырь, но, к сожалению, перестарался. Баночка переполнилась, а остановиться он не мог. «Эй, ты! — закричал врач. — Немедленно выплесни все. Надеюсь, у тебя нет инфекционных заболеваний». В своих неопубликованных мемуарах Джеральд так вспоминал это событие в своей жизни.

«Следующим оказался маленький, толстенький доктор, более всего поминавший гнома, которых так любят устанавливать в саду под деревьями. Он заглянул мне в рот, потом в уши, а затем приставил жирный палец к кончику моего носа.

— Следуй за моим пальцем, — сказал он и стал отодвигать палец в сторону. Я пошел за его пальцем, недоумевая, каким образом такой нехитрый трюк может рассказать о состоянии моего организма.

— Я не говорил тебе идти за моим пальцем, — взорвался доктор.

— Но вы только что мне так сказали, — в смущении возразил я.

— Я не говорил, следуй за моим пальцем, я сказал, следуй за моим пальцем, — с раздражением проговорил врач.

— Я так и сделал, — настаивал я.

— Я не имел в виду, что ты должен последовать за моим пальцем всем телом.

Тут уже я начал сомневаться в умственной полноценности толстого медика.

— Я не могу следовать за вашим пальцем без участия тела, — терпеливо объяснил я.

— Мне не нужно твое тело, — заорал врач. — Мне нужны только твои глаза!

Я начал прикидывать, из какого сумасшедшего дома выпустили этого типа и не следует ли рассказать другим врачам о его поведении. Но все же я решил быть терпеливым и спокойным.

— Но вы же не можете получить мои глаза без тела, — объяснил я врачу. — Глаза находятся в теле, поэтому, если они последуют за вашим пальцем, то и тело двинется туда же.

Лицо доктора своим цветом стало напоминать старую кирпичную стену.

— Ты идиот? — спросил он, закипая.

— Не думаю, сэр, — успокаивающе ответил я. — Я просто не понимаю, как я могу последовать за вашим пальцем глазами без тела.

— Мне не нужны твои чертовы глаза, — закричал он. — Я хочу, чтобы ты последовал за моим пальцем! Только и всего!

— Но я так и сделал, сэр, а вы рассердились.

— Следуй за моим пальцем глазами, идиот несчастный, — возопил врач. — Твоими чертовыми глазами!

— Я понимаю, сэр, — ответил я, хотя, по правде говоря, ничего не понимал.

После этого я перешел к следующему представителю медицинской профессии, мрачному мужчине с сальными волосами, более всего напоминавшему метрдотеля-неудачника на грани самоубийства. Он внимательно осмотрел меня от носа до кормы, бормоча что-то себе под нос, как несчастный медведь, сосущий лапу. Доктор распространял вокруг себя аромат корицы, а его большие фиалковые глаза показались мне очень красивыми.

— А теперь, — сказал он, — я хочу, чтобы ты посмотрел на свой нос, для чего мы опустим шторы и окажемся в полной темноте.

«Еще один сумасшедший», — подумал я. — Не кажется ли вам, сэр, что лучше будет проделать это при свете? — осведомился я.

— Нет, нет, обязательно в темноте, — объяснил доктор, — потому что мне нужно будет кое-что засунуть тебе в рот.

— Что же именно? — поинтересовался я, решив отстаивать свою честь до последней капли крови.

— Лампочку, — ответил он. — Это совершенно не больно, честное слово. Шторы были опущены, в мой рот был засунут небольшой фонарик, и доктор принялся осматривать мое горло.

— Черт, — пробормотал он. — Батарейки сели.

Он вытащил фонарик, который сиял, как небольшой костерчик.

— Смешно, — сказал он и снова засунул фонарик мне в рот. — Что ты засунул себе в нос?

— Ничего, сэр, — искренне ответил я.

— Тогда почему же я не вижу света? Я не вижу света, — проворчал он. — Я должен увидеть твои пазухи, но я ничего не вижу.

— У меня с детства заложен нос, — объяснил я, — и никакие средства не помогают.

— Господи! — поразился доктор. — Ты должен обратиться к специалисту. Я не могу взять на себя такую ответственность. Твои пазухи выглядят, как... как... как Черная Дыра Калькутты!»

Джеральда отправили к доктору Маджилликадди, квалифицированному отоларингологу, который не занимался никакими глупостями.

«Сидя за огромным столом, он внимательно прочитал мою историю болезни, время от времени сурово поглядывая на меня бледно-голубыми глазами.

— Подойди сюда, — ворчливо произнес он. В его речи сильно чувствовался шотландский акцент.

Доктор снова засунул фонарик в мой рот. Какое-то время он молчал, потом издал глубокий, прочувствованный вздох.

— Господи боже мой, — сказал он. — Никогда не видел ничего подобного. У тебя там темно, как в Эдинбургском замке. Если кто-нибудь захочет вычистить эти пещеры, им придется вызывать экскаватор!

Он вернулся к столу, сел, сцепил пальцы и посмотрел на меня.

— Скажи мне честно, парень, — сказал он, — ты не хочешь идти в армию, флот или в авиацию, не так ли?

В этот момент я понял, что спасти меня может только правда.

— Нет, сэр, — ответил я.

— Ты трус?

— Да, сэр, — без запинки отпарентовал я.

— Я тоже, — кивнул он. — Но я не думаю, что им пригодится трус, у которого нос похож на ущелье Чеддер. Убирайся, парень.

— Спасибо, сэр, — ответил я и направился к двери. В дверях я услышал прощальное напутствие доктора:

— И не стоит себя недооценивать — чтобы признать себя трусом, требуется немалая храбрость. Удачи, парень!»

Вскоре Джеральд получил извещение о том, что он не годен к военной службе, но может послужить родине иначе. У него было два варианта. Он мог пойти работать на фабрику, производящую амуницию, или работать на земле. Естественно, Джеральд выбрал работу на земле. «Это означает какую-нибудь ферму?» — поинтересовался он у клерка в Трудовом отделе. В его воображении уже возникла ферма с овцами и коровами, с огромными полями, засаженными капустой и кукурузой. «Естественно, — фыркнул клерк. — Меня это не интересует. Там вечно воняет какой-то гадостью!»

Итак, Джеральд оседлал свой велосипед и отправился на поиски идеальной фермы. Ему повезло. Он нашел школу верховой езды к северу от Борнмута, где держали нескольких коров. Мистер Браун, владелец школы, был маленьким, кругленьким, краснолицым мужичком, с дрожащим голосом. Он жил со своей матерью и никогда не надевал ничего, кроме жокейского костюма. Этому лилипуту Джеральд должен был показаться настоящим великаном. Джеральду предстояло убираться в конюшни и ухаживать за двадцатью двумя лошадьми и устраивать примерно шесть верховых прогулок в день. Мистер же Браун в благодарность должен был сообщить властям, что Джеральд работает на ферме. Этим Джеральд Даррелл и занимался до конца войны, совмещая верховые прогулки с английскими дамами с уроками верховой езды для американских пехотинцев, с детства мечтавших стать ковбоями.

Вспоминая это бесцельное, но идиллическое времяпрепровождение, Джеральд испытывал определенную ностальгию с примесью романтической мифомании. Он вспоминал очаровательных женщин, приезжавших на ферму, чтобы научиться верховой езде. Тут дело было не в его собственной привлекательности и не в искусстве обольщения. Романтическая обстановка, уединенность и волшебство окрестных лесов содействовали любовным увлечениям. Это было, как романы на корабле. Любовные приключения свершались сами собой — настолько далеки они были от повседневной жизни, от обязанностей дома и семьи (по крайней мере, так казалось в те несколько часов, что они проводили вместе). Наиболее продолжительным оказался роман с Джин Мартин, очаровательной простушкой, работавшей в конюшнях Брауна. Но Джеральд проявил себя настоящим рыцарем. Он ни разу даже не поцеловал Джин, ограничившись клятвой в вечной любви.

Вскоре Джеральд завел собственную лошадь и назвал ее Румба. В свободное время он уезжал на ней в тихие и пустынные сосновые леса. Джеральд по-настоящему подружился со своей лошадью. Он мог часами чистить ее, рассказывая о своих мыслях, читая стихи, вдыхая аромат самой природы. Лошадь хорошо запоминала привычные маршруты. Она часто привозила замечтавшегося седока к его любимому пабу, расположенному в лесу, и отказывалась двигаться с места, пока он не выпивал пинту эля «на дорожку».

Месяцы шли за месяцами. Джеральд не считал, что уклоняется от военных обязанностей и предает свою страну. Какую страну? Он никогда не считал Англию своей родиной, она не была для него даже приемной матерью. Неудивительно, что он не испытывал никаких патриотических чувств. Отвращение к войне было в Джеральде столь велико, что он просто не осознавал, что Англия воюет не только за себя.

Наконец пушки в Европе умолкли. Это случилось в мае 1945 года. Обязанности Джеральда перед Англией были исполнены. Через несколько недель он сделал первые шаги к исполнению своей заветной мечты. Много лет назад, еще до Корфу, он твердо решил, чем хочет заниматься в жизни. Сначала он станет путешествовать, собирая зверей для зоопарков, а затем организует собственный зоопарк. Оба намерения были весьма необычны и довольно трудны для исполнения. Оба требовали серьезных навыков, которыми Джеральд в 1945 году никак не обладал. Позже он писал: «Я понял, что если хочу добиться исполнения своей мечты, то должен получить навыки обращения не только со скорпионами и морскими коньками». У Джеральда оставался единственный выход — получить работу в зоопарке.

«Решив так поступить, я сел и написал, как мне казалось, весьма скромное письмо в Лондонское зоологическое общество, которое, несмотря на войну, по-прежнему обладало крупнейшей коллекцией животных, сосредоточенной в одном месте. К счастью, я не осознавал чудовищности своих амбиций и откровенно изложил свои планы на будущее, намекнув, что я — именно тот человек, которого они всегда стремились нанять. Затем задал совершенно конкретный вопрос: «Когда я смогу приступить к исполнению своих обязанностей?»

Естественно, такое письмо должно было попасть туда, где ему было место, — в мусорную корзину. Но, к моему счастью, оно попало на стол к добрейшему и культурнейшему человеку, Джеффри Веверсу, директору Лондонского зоопарка. Очевидно, нахальство моего письма показалось

ему интересным, и, к моему удовольствию, он написал мне, предлагая приехать на собеседование в Лондон. Во время собеседования, поддавшись мягкому обаянию этого человека, я изложил все, что знал о животных, о собирании животных и о собственном зоопарке. Не столь добрый человек, наверное, окатил бы меня ушатом холодной воды, указав на совершеннейшую неисполнимость моих замыслов. Но Веверс выслушал меня с величайшим терпением и тактом, одобрил мой подход к решению проблемы и сказал, что ему нужно подумать о моем будущем. Я ушел от него еще более окрыленный, чем раньше».

Спустя несколько недель Джеральд получил вежливое письмо, в котором сообщалось, что, к сожалению, в настоящий момент свободных вакансий для младшего персонала в Лондонском зоопарке нет, но, если у него нет возражений, он мог бы стать дежурным в Уипснейде, загородном зоопарке Зоологического общества.

Пост дежурного был самым низшим в иерархии зоопарка. Но поскольку энтузиазм молодого человека произвел на Веверса неизгладимое впечатление, он придумал для Джеральда несуществующую должность «студента-смотрителя». «Если бы он предложил мне взять на воспитание пару взрослых снежных барсов, — вспоминал Джеральд, — я и то не был бы столь счастлив».

Через несколько дней восторженный Даррелл отправился в Уипснейд. Он взял с собой два чемодана — один со старой одеждой, а другой с книгами по естественной истории и множеством толстых блокнотов, куда он собирался записывать свои наблюдения за животными, а также то, что он узнает от коллег по работе. 30 июля 1945 года Джеральд Даррелл начал работать в зоопарке. Если книги, прочитанные в юности, дали ему среднее образование, то Уипснейд стал его университетом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ: УИПСНЕЙД 1945-1946

Для начала Джеральд отправился в кабинет директора зоопарка, капитана Вильяма Била, бывшего армейского ветеринара, служившего на Золотом Берегу (в Гане). Директор сидел за огромным столом, засучив рукава и демонстрируя симпатичные полосатые подтяжки.

«Когда капитан встал, я понял, что передо мной человек весьма внушительного роста и веса. Он обогнул стол и навис надо мной, тяжело сопя. - Даррелл? — прогудел он вопросительно. — Даррелл?»

Голос капитана был очень низким и напоминал приглушенное рычание.

— Думаете, вам здесь понравится? — спросил капитан Бил так неожиданно и так громко, что я подскочил в кресле.

— Э-э-э... да, сэр. Уверен, что понравится, — ответил я.

— Вы никогда не занимались подобной работой раньше?

— Нет, сэр, — отрапортовал я, — но у меня было много разных животных дома.

— Ха! — почти презрительно воскликнул капитан. — Морские свинки, кролики, золотые рыбки — все ясно. Ну, у нас-то вам придется работать с более серьезными животными».

Практически сразу же после этого разговора Джеральд приступил к работе. На следующее утро его отправили ко львам.

Деревушка Уипснейд, как обнаружил Джеральд, была довольно маленькой. Один паб и несколько коттеджей угнездились в долине, заросшей орешником. Новый сотрудник поселился в одном из таких коттеджей — окруженном цветами и пчелами домике Чарли Бейли, работавшего в слоновнике. Для Чарли и его жены Джеральд оказался довольно неожиданным жильцом. По своему языку и внешнему виду молодой Даррелл больше походил на джентльмена, чем на младшего служащего зоопарка.

«Что привело вас в Уипснейд, Джерри?» — спросил Чарли нового жильца за обильным деревенским ужином.

«Видите ли, — ответил Джеральд, — меня всегда интересовали животные, и мне хотелось собирать зверей — знаете, ездить в Африку и другие страны и ловить там животных для зоопарков. Мне хотелось набраться опыта в обращении с более крупными животными. Понимаете, в Борнмуте трудно держать крупных зверей. Не станешь ведь выгуливать стадо оленей в собственном палисаднике».

«Ага, — согласился Чарли. — Конечно, не станешь».

Расправившись с сытным ужином, Джеральд отправился в свою комнату. «Со счастливым вздохом я растянулся на кровати, — вспоминал Даррелл. — Я прибыл. Я в Уипснейде! С этой мыслью я заснул».

Джеральду крупно повезло. Лучшее место для практики найти было невозможно. Уипснейд был совершенно особенным зоопарком. Он раскинулся на пятистах акрах земли в Бедфордшире, в тридцати пяти милях к северу от Лондона. Открылся Уипснейдский зоопарк в 1931 году. С самого начала он устраивался как загородный зоопарк — первый публичный зоопарк в Британии, где животные содержались в условиях, по возможности приближенных к естественным. Звери в Уипснейде не ютились в тесных, негигиеничных клетках, как большинство обитателей зоопарков во всем мире. Идея была не нова: великий немецкий зоолог Карл Гагенбек еще в середине девятнадцатого века организовал в Гамбурге подобный зоопарк. Но в Уипснейде пошли дальше. Поскольку зоопарк располагался за городом, львы и тигры могли уютно расположиться в лесистых долинах, зебры и антилопы свободно носились по огромным привольным пастбищам, а волки стаями бегали по лесам. Джеральд отмечал, что этот зоопарк был максимально приближен к сафари, насколько это было возможно в то время.

Но целью зоопарка в Уипснейде была не простая демонстрация животных посетителям в идеальных условиях. Здесь велась серьезная работа по сохранению некоторых видов диких животных, находящихся под угрозой уничтожения. Сотрудники зоопарка пытались разводить почти исчезнувший вид диких лошадей Пржевальского, американских бизонов, мускусных быков и оленей Давида. Джеральду крупно повезло — он попал не просто в зоопарк, а в научное учреждение. Может быть, Уипснейд и уступал Парку дикой природы Сан-Диего или Птичьему миру, расположившемуся в Нью-Йорке, но для послевоенного времени это был просто образцовый зоопарк. Уипснейд оказал огромное влияние на жизнь и работу Джеральда Даррелла.

Джилл Джонсон в те годы также работала в Уипснейдском зоопарке. Ей было восемнадцать лет, и в ее обязанности входил уход за эскимосскими собаками и шетлендскими пони. Она вспоминает о первом рабочем дне Джеральда в Уипснейде:

«Меня позвали познакомиться с новым сотрудником. Я спустилась в офис. Передо мной стоял светловолосый юноша, с открытым, дружелюбным лицом в белой рубашке с распахнутым воротом и закатанными рукавами. Он был выше меня. У него были яркие голубые глаза. Помню, я спросила: «Как вас зовут?» Он ответил: «Вы можете называть меня Джерри или Даррелл». Тогда я сказала: «Что ж, я выбираю Джерри. Берите велосипед и отправляйтесь за мной». Пока мы ехали по территории зоопарка, я спросила: «Почему вы не в армии?» Он объяснил, что является греческим подданным и что хочет в будущем собирать животных для зоопарков. Я отнеслась к подобным планам с изрядной долей скептицизма. Я показала Джеральду собак и прокатилась с ним по всему зоопарку. Впоследствии мы стали хорошими друзьями».

Хотя должность Джеральда официально именовалась «студент-смотритель», на самом деле он был обычным «мальчиком на позверюшках», занимая самую низшую ступеньку на служебной лестнице. Но благодаря своему счастливому характеру он быстро перезнакомился и подружился со всеми сотрудниками зоопарка. Он находился в распоряжении любого из них, ему можно было поручить любое задание, он работал со всеми животными — с маленькими и большими, спокойными и смертельно опасными. В Уипснейде Джеральд научился всему — он ухаживал за крупными, опасными животными (львами и тиграми, медведями и буйволами), выполнял рутинную повседневную работу, которой полным-полно в любом зоопарке. Он всегда мечтал именно о такой работе. Но ему хотелось большего.

Джеральд продолжал читать специальную литературу. Но теперь он уделял основное внимание книгам, посвященным зоопаркам. Он понял, что еще с викторианских времен зоопарки превратились в места развлечения праздной публики. Люди ходили в зоопарки так же, как их предки давным-давно находили интерес в посещении сумасшедших домов. Научные исследования в зоопарках практически не велись, а если животное погибало, то его просто заменяли другим. Но Джеральду уже тогда стало ясно, что богатства природы отнюдь не безграничны.

«Изучая литературу, я с ужасом узнавал, как хищнически человек обращается с природой, какие страшные опустошения производит в животном мире. Я узнал о безобидном, беззащитном дронте, который был истреблен практически сразу же после его открытия. Я узнал о странствующем голубе из Северной Америки. Когда-то огромные стаи этих птиц буквально затмевали небо, а их гнездовья располагались на сотнях квадратных миль. Но их мясо оказалось слишком вкусным.

Последний странствующий голубь умер в зоопарке Цинциннати в 1914 году. Квагга, эта странная полулошадь-полузебра, когда-то весьма распространенная в Южной Африке, была полностью истреблена бурскими фермерами. Последняя квагга умерла в лондонском зоопарке в 1909 году. Мне казалось удивительным и невероятным, что работники зоопарков оказывались настолько невежественными, что не осознавали нависшей над животными, вверенными их попечению, угрозы уничтожения и не делали ничего, чтобы предотвратить исчезновение вида. Разве не является основной задачей любого зоопарка спасение животных, находящихся на грани вымирания?»

Джилл Джонсон вспоминала, что Джеральд часто говорил: «Множество животных вымирает. Как было бы славно разводить их в неволе и выпускать в места естественного обитания!» Но затем его одолевали сомнения, и он замечал: «Может быть, они вымирают по какой-то иной причине. Возможно, окружающий мир изменяется. Может быть, они вымирают потому же, почему вымерли саблезубые тигры. Может быть, таков ход природы, и их должны заменить какие-то новые виды». Но разве может быть справедливым «биоцид» одного вида животных против всех остальных? Ведь человек собственными руками способствовал вымиранию почти половины видов животного царства! Шестьдесят миллионов бизонов когда-то паслись в прериях Дикого Запада — величайшее сообщество животных, когда-либо существовавшее на Земле. А затем появился белый человек и стал убивать бизонов по миллиону голов в год. К 1880 году в США осталось всего двадцать бизонов. Можно было часами скакать по прерии и не увидеть ни одного бизона — ни живого, ни мертвого. Разве это нормально? Убедила Джеральда в правильности принятого им решения ситуация с оленем Давида.

Олень Давида — вот классический пример животного, находящегося на грани исчезновения и разведенного в неволе. Отдаленный родственник красного оленя, олень Давида был широко распространен в Китае, но к концу девятнадцатого века практически истреблен человеком. Во время боксерского восстания в 1900 году несколько сохранившихся представителей этого вида были убиты в Императорском зоопарке в Пекине. Однако, к счастью, до полного истребления этих замечательных животных в среде их естественного обитания несколько особей были отправлены в парк Вобурн, располагавшийся неподалеку от Уипснейда. Их вывез английский аристократ, герцог Бедфорд. На основе небольшой группы из нескольких животных была создана плодovitая колония. Олени Давида были разведены в неволе и выпущены в среду естественного обитания. Сейчас этих животных можно встретить почти повсеместно. Джеральд знал об этой удивительной истории, поэтому он с особенным трепетом отнесся к четырем новорожденным оленям, присланным в Уипснейдский зоопарк.

«Детеныши оленя Давида были очаровательными, крохотными созданиями с длинными тонкими ногами, которыми они еще не научились управлять, и удивительными раскосыми глазами, придававшими им поистине восточный вид... Их надо было кормить вечером, в полночь и на рассвете... Должен признать, мне очень нравились эти ночные дежурства. Идешь по залитому лунным светом зоопарку к конюшне, где поселились оленята. По пути проходишь мимо клеток и загонов и видишь их обитателей. В сумерках медведи кажутся тебе вдвое больше, они ворчат друг на друга, пробираясь сквозь заросли ежевики. Потом дорожка ныряет в волчий лес, лунный свет серебрит стволы деревьев и отбрасывает темные тени на землю. Волки призраками мелькают среди деревьев, выскакивают на поляны и бесшумно исчезают среди стволов.

А потом тыходишь к конюшне и зажигаешь фонарь. Оленята начинают суетиться и громко блеять. Открываешь дверь — и они бросаются тебе навстречу на своих разъезжающихся ножках, начинают сосать твои пальцы или полы твоего халата, а потом так неожиданно пихают тебя головками под колени, что ты чуть не падаешь. А затем наступает долгожданный момент, когда соски наконец-то попадают в их ротик, и они с жадностью сосут теплое молоко, их глазки поблескивают, а молоко в уголках рта походит на смешные усы. В мерцающем свете фонаря, слушая причмокивание маленьких оленят, я понимал, что эти животные — одни из последних представителей своего вида, беженцы животного мира, находящиеся на грани вымирания. Мне было ясно, что существование этих малюток полностью зависит от человека».

Джилл Джонсон помогала Джеральду выхаживать маленьких оленей Давида. Она вспоминает:

«Обычно я доила коз, а Джерри брал бутылку козьего молока, чтобы кормить оленят. Но это была непростая задача, потому что оленята могли проглотить соску. Тогда мы решили найти для оленят козу-кормилицу. И это нам удавалось, пока оленята были маленькими, но очень скоро они стали больше своей приемной матери. Они залезали под нее и поднимали козу в воздух. Только так они могли сосать молоко.

После успешного завершения этого предприятия мы стали заниматься уходом за больными и осиротевшими животными. Нам даже разрешали помогать ветеринару при операциях. Но именно оленю Давида подтолкнули Джеральда к идее разведения животных в неволе. Мы часто говорили о том, что животных, разведенных в Вобурне, можно было бы выпустить на волю в Китае. Тогда это была всего лишь мечта, но впоследствии она воплотилась в жизнь».

В Уипснейде Джеральд продолжил составлять список животных, находящихся под угрозой исчезновения. Впоследствии он признавался другу, что испытывал смесь ужаса, отчаяния, решимости и любви. Он часто цитировал предсмертные слова Сесилия Родса: «Так много нужно сделать, так мало сделано!»

Джилл Джонсон казалось, что Джеральд в Уипснейде очень одинок. Интеллигентность отдаляла его от коллег по работе. Семья никогда не навещала его, по крайней мере, Джилл о подобном не слышала. Вскоре он переехал из дома Бейли и поселился в унылом и холодном месте, которое Джеральд прозвал «лачугой». Несколько коттеджей для зрителей расположились перед пабом «Чекерс» на задворках зоопарка. Иногда капитан Бил приглашал его на карри, которое он готовил в западноафриканском стиле с огромным количеством перца чили. «Карри капитана было настолько острым, — признавался Джеральд Джилл Джонсон, — что меня бросало в испарину, словно в лихорадке».

Больше всего в Уипснейде Джеральд подружился с Гасом. «В фигуре Гаса, — вспоминал он, — не было ничего романтического». Низкий лоб нависал над крупным носом, как у неандертальца. А нос походил на чудовищный гриб, по какому-то недоразумению выросший на лице. Лицо Гаса вечно было покрыто угрями, он страдал от аденоидов и грыз ногти. «Гас был самым непривлекательным человеком, какого мне когда-либо доводилось видеть, — писал Джеральд в своих воспоминаниях много лет спустя, — но у него было добрейшее сердце и открытая душа». Именно Гас отправился пешком в Данстейбл и обратно, чтобы достать клей и резину, когда Джеральд проколол шину на своем велосипеде. Именно Гас достал ему полбутылки виски — бог знает откуда, потому что в то время бутылка виски ценилась примерно так же, как, например, алмаз «Кохинор». У Джеральда случился плеврит, и какое-то время он находился почти при смерти. Именно Гас следил за состоянием обуви Джеральда, чистил ее и ухаживал за ней, чтобы Джерри не приходилось делать это самому.

Сердце Гаса навеки было отдано морским свинкам, и все свои деньги он тратил на то, чтобы построить для своих обожаемых зверюшек идеальную клетку. Когда Джеральд понял, что Гасу никогда не собрать денег на то, чтобы осуществить свою мечту, он решил отблагодарить друга за его доброту. Он нарушил данную себе клятву жить только на заработанные деньги и никогда не просить помощи у матери. «Я написал маме, — вспоминал он, — рассказал ей о Гасе и о его морских свинках. Вскоре я получил от нее письмо, куда были вложены десять хрустящих бумажек. Мама писала: «Только не обидь его, дорогой. Скажи Гасу, что умер твой дядя, который очень любил морских свинок, и оставил тебе эти деньги».

Благодаря помощи Джеральда Дворец морских свинок был построен, и был назначен день его торжественного открытия. «Это было замечательное событие, — вспоминал Джеральд. — На открытие пришли родители Гаса, его собака, кошка, я, его золотая рыбка, его жаба и девушка-соседка, симпатичная, как клетка. Морские свинки перебрались из своего старого обиталища в новый дворец с достоинством царственных особ. Из паба были принесены три банки пива и немного бузинного вина, чтобы отметить это важное событие. Все участники так развеселились, что мама Гаса упала в пруд с золотыми рыбками, а Гас наконец-то решился поцеловать соседку».

Во Дворце морских свинок, где жили и другие грызуны, Джеральд встречался со своими подругами. По его воспоминаниям, это было самое романтическое и доступное место для свиданий. Но на это соглашались не все девушки. Джеральд вспоминал:

«Моя подруга из ближайшего городка вдруг сказала: «Послушай, ты обращаешь больше внимания на этих крыс, чем на меня. Мне не нравится твой отсутствующий взгляд». Я решил, что это несправедливо, поскольку большая часть ее одежды была разбросана вокруг, но вынужден был признать, что ореховые сони были совершенно очарованы нашим поведением.

Наконец я встретил очаровательную девушку с девонширским акцентом, кожа которой напоминала сливки, а крупные, серо-голубые глаза окружали ресницы, длинные, как побеги алтея. Ей нравились сони, но возникла другая проблема.

«Нет, не надо, только не сейчас, — воспротивилась она моим ухаживаниям. — Мы потревожим этих милых маленьких мышек. Да и кроме того, ты же не можешь быть уверенным, что

они не станут на нас смотреть!» В конце концов Джеральд нашел свое счастье с дочерью местного полицейского, «пышногрудой, готовой к любовным утехам блондинкой», ухаживавшей за детенышами. Ее офис располагался в деревянном домике. В обеденное время Джеральд со своей подружкой запирались изнутри. «Мы старались увидеться при первой же возможности, — рассказывал Джеральд другу. — Я собирался жениться на ней». Пару раз Джеральд возил свою подружку в Борнмут, чтобы познакомить с семьей. «Она была довольно рослой и полной девушкой, — вспоминала сестра Джеральда, Маргарет. — Джерри был очень увлечен ею. Но какой молодой человек не увлекся бы подобной девушкой?» Ничто не длится вечно, и вскоре дочь полицейского нашла себе другого друга.

То, как Джеральд Даррелл проводил свободное время в Уипснейде, окружающие видели совершенно иначе. Джилл Джонсон вспоминает:

«Официантки в кафетерии считали, что он выглядит, как греческий бог, но назвать его красивым было нельзя, хотя он был довольно привлекателен. В нем не было мужской силы, но его нельзя было назвать и женственным. Сказать по правде, я не помню, чтобы у него были серьезные увлечения. Если кто-то с ним и встречался, то это я, но я была просто приятелем, который по случайности оказался девушкой. Мы были очень близки, но между нами не было интимности. У нас не было приятелей и подружек, мы оба хотели узнать о животных все, что только возможно. В Уипснейде не было чем заняться по вечерам. Нам некуда было пойти, в те дни еще не было телевизоров. Обычно по вечерам мы катались на велосипедах, а порой мы оказывались на сеновале. Если вы думаете, что там мы занимались чем-то предосудительным, то глубоко ошибаетесь. Джеральд говорил: «Ш-ш-ш... Тихо... Пусть нас никто не слышит. Я хочу почитать тебе Гусмана, может быть, тебе он понравится». И он начинал читать мне вслух стихи своим великолепным голосом.

Джерри был очень интеллигентным, намного более развитым, чем любой из зрителей, которые собирались в пабе по вечерам. Он был прирожденным мыслителем, но любил и повеселиться. Иногда, сидя в темноте возле большого животного, он рассказывал мне чудесные истории, причем порой они были довольно грубыми. Он удивительно относился к женщинам — довольно космополитично, но с латинской утонченностью. Как-то раз я пришла в офис с другой девушкой, а тут вошел Джеральд. Он опустился на колени перед незнакомкой и произнес страстную и возвышенную речь в ее честь. «Я хочу задать вам один вопрос, — сказал он, — но не знаю, как это сделать». Мы подумали, что он хочет попросить ее выйти за него замуж. Но он расхохотался: «Не подскажете ли вы мне, где здесь мужской туалет?» Он был очень веселым, живым, ярким, добрым, милым необычным и особенным человеком».

Люси Пендар, дочка инженера, работавшего в Уипснейде, вспоминает о Джеральде как о щедром и добром молодом человеке с прекрасным, хотя порой и непристойным, чувством юмора.

«Появление Джерри в Уипснейде изменило нашу жизнь. Стройный молодой человек с необыкновенными синими глазами, длинными волосами, падавшими на глаза, в замшевых ботинках. Мне он казался настоящим поэтом, а не зрителем зоопарка! Он мечтал собирать животных для зоопарков. Мы слышали об Уилфреде Фросте и Сесиле Уэббе, великих белых охотниках, но впервые увидели человека, мечтающего о столь опасном и странном занятии! Мы были для Джерри благодарной аудиторией, и он часами рассказывал нам о своем детстве. Мы усаживались вокруг него на траву, а он выдумывал для нас удивительные истории. Джерри объяснял нам свои идеи относительно разведения животных в неволе, многие из которых он впоследствии воплотил в жизнь. Стройный, красивый молодой человек был гораздо более решительным, чем могло показаться на первый взгляд. Никто на нас не сомневался, что он обязательно достигнет всего, о чем мечтает».

Люси Пендар вспоминает, что Джерри был большим весельчаком. Он постоянно цитировал непристойные стишки вроде «Линкольнширского браконьера» или «Последней розы лета», а порой сочинял подобные стишки сам. Когда Люси заболела, Джерри приходил почитать ей. Когда ее одолевали сомнения, он подбадривал ее. Он никогда не обижался на нее. «Невероятно, чтобы человек мог за такое короткое время оказать на меня столь сильное влияние, — вспоминала Люси. — Но Джерри Даррелл навсегда остался в моей памяти. Прекрасный человек. Мы верили в него сильнее, чем взрослые, и мы не ошиблись».

В Уипснейде Джеральд понял, что содержание зоопарка, как и многие другие занятия, не настолько романтично, как ему казалось раньше. Большую часть времени он занимался рутинной работой — кормил животных и чистил клетки. Джеральд работал во многих отделах зоопарка, каждый из которых назывался по имени содержащихся в нем животных. Начал работать он в

львином отделе, где, кроме львов, содержались и вомбаты, песцы, тигры и белые медведи, оказавшиеся на удивление опасными и злобными животными. От львов его перевели к медведям. В медвежьем отделе содержались волки, бородавчники, зебры и антилопы гну. Но хотя Джеральду нравилось работать в Уипснейде, хотя у него было время читать о животных в свое удовольствие, иногда ему казалось, что единственное, чему он здесь научится, это убирать навоз и уворачиваться от острых рогов. Он обнаружил, что самыми опасными животными являются не те, кто таковыми считается. Даже зебра с бархатистыми, влажными глазами может превратиться в разъяренного демона, а страшный серый волк ничем не заслуживает своей ужасной репутации.

Повседневная работа в первоклассном современном зоопарке многое дала Джеральду. Но в ней были свои минусы. Джеральда разочаровало то, что в Уипснейде не ведется научной работы, что посетители зачастую боятся зверей и не любят работу. Его беспокоило то, как ухаживают за животными. Порой ему казалось, что посетители умышленно подвергают его жизнь опасности. Джеральд любил животных, но он был отнюдь не глуп. Большинство животных в Уипснейде были полудикими. Некоторые посетители считали, что прекрасно умеют обходиться с ними, но это было не так. Джеральд опасался, как бы не произошло несчастного случая. Часто посетители просили его сделать что-то такое, чего он сделать не мог, так как знал, что это очень опасно. Однажды ему предложили забрать теленка водяного буйвола у матери — чистое самоубийство! Джеральд подготовился к заданию, но разъяренная буйволица набросилась на него и буквально подняла на рога. Она прижала его к металлической ограде загона и сломала ему несколько ребер.

Единственным исключением среди посетителей был недавно пришедший в зоопарк из BBC Кен Смит. Джеральд познакомился с ним во время выхаживания оленей Давида. Они подружились и пронесли эту дружбу через всю жизнь.

7 января 1946 года Джеральд отметил свои двадцать первый день рождения и вступил в наследство — он получил три тысячи фунтов, что в пересчете на современные деньги составляет свыше шестидесяти тысяч фунтов. Эти деньги оставил ему по завещанию отец. Джеральд, который раньше мог позволить себе разве что полпинты пива в местном пабе, внезапно превратился в состоятельного человека. За несколько месяцев до этого он решил оставить Уипснейд, чтобы заняться воплощением своей мечты — собирать животных для зоопарков, а потом организовать собственный зоопарк. Джеральд прекрасно понимал, что, оставшись в Уипснейде, он этого никогда не добьется.

Каждый вечер он сидел в своей крохотной, похожей на камеру комнатке в холодной «лачуге» и писал письма известным собирателям животных, предлагая свои услуги. Он хотел принять участие в их экспедициях за собственный счет. Эти бесстрашные супермены казались Джеральду особыми людьми. Но их ответы походили один на другой — у него нет опыта обращения с животными, и они не могут взять его в экспедицию. Если он наберется опыта, то может обратиться к ним позднее.

«И в тот момент, подавленный и угнетенный, я придумал замечательную вещь, — вспоминал Джеральд. — Если я потрачу какую-то часть своих средств на собственную экспедицию, то смогу вполне честно утверждать, что у меня есть опыт, и тогда один из этих великих людей сможет не только взять меня с собой, но и платить мне жалованье. Перспектива казалась мне весьма соблазнительной».

И тогда он решил стать вольным собирателем животных. Джеральд организовал собственную экспедицию по сбору животных для зоопарков. У него был капитал, и он намерен был его вложить. Война приостановила этот странный бизнес — собирание животных для зоопарков. Но теперь наступил мир, и многим зоопаркам требовались животные для пополнения своей коллекции. Зоопарки нуждались в редких, экзотических животных, цены на которые были довольно высоки.

На прощальном ужине в Уипснейде капитан Бил проявил гораздо меньше энтузиазма. «Не вкладывай свои деньги в это дело, — предостерег он юного посетителя. — Ты наверняка разоришься, попомни мои слова!»

«И не забывай, — напомнил Джеральду Джесси, один из уипснейдских посетителей, — одно дело лев в клетке, и совсем другое, когда эта зараза подкрадывается к тебе сзади, понял?»

На следующее утро Джеральд попрощался с животными зоопарка. «Мне было грустно, — вспоминал он. — Я был счастлив в Уипснейде. Но, проходя мимо клеток и загонів, я видел в каждом животном то место на земном шаре, куда мне хотелось бы попасть. Животные кивали мне и укрепляли мою решимость».

17 мая 1946 года Джеральд Даррелл покинул Уипснейд и приступил к исполнению своей мечты. Работа в зоопарке дала ему важные практические навыки в избранной им профессии. Именно в Уипснейде он понял, каким должен быть зоопарк, и особенно идеальный зоопарк. Позже он писал:

«Покидая Уипснейд, я был преисполнен решимости завести собственный зоопарк. Но я был точно так же убежден, что, если мне удастся реализовать свою мечту, мой зоопарк будет выполнять три функции.

Во-первых, он будет служить цели образования. Я хотел, чтобы люди поняли, как прекрасны и важны другие формы жизни на нашей планете, чтобы они перестали быть высокомерными и чванлыми созданиями и признали, что и иные формы жизни имеют право на существование.

Во-вторых, я собирался вести научную работу, наблюдать за поведением животных, не только для того, чтобы понять поведение самого человека, но и для того, чтобы помогать диким животным. Если не понимать потребностей различных видов животных, организовать их эффективную охрану совершенно невозможно.

И в-третьих — и это казалось мне наиболее важным, — мой зоопарк должен был стать местом сохранения животных, убежищем для видов, находящихся под угрозой вымирания. Я собирался сохранять и разводить животных, чтобы они не исчезли с лица Земли, как это случилось с дронтом, кваггой и странствующим голубем».

Всему этому суждено было исполниться в будущем. В то время у Джеральда были более насущные проблемы. Он организовывал свою первую, великую экспедицию. Время шло, и идея все больше и больше захватывала его. Его не терзали сомнения относительно этичности затеянного им предприятия. В молодости Джеральд поставил перед собой две задачи — во-первых, он хотел собирать диких животных для различных зоопарков, а затем мечтал организовать собственный зоопарк. Обе задачи были связаны с животными, но парадоксальным образом отличались друг от друга: в то время как идеальный зоопарк Джеральда был призван сохранять животных от вымирания, собирание зверей часто приводило к их гибели. Джеральд не мог не осознавать такого исхода, хотя никогда себе в этом не признавался. Однако браконьер очень скоро превратился в лесничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ПЛАНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ: 1946-1947

Чтобы подготовиться к экспедиции, Джеральд вернулся домой, в Борнмут. Только одна тучка омрачала семейное воссоединение — странное поведение Лесли, которое внушало опасения.

Лесли всегда был загадкой, разбитым колоколом, издающим фальшивый звук. Корфу, по его собственным словам, «стал опасным моментом моей жизни, пять золотых, счастливых, совершенно деструктивных лет». Иногда к маме приезжал Ларри. «Лесли нужно чем-нибудь заняться», — говорил он. Но она всегда отвечала: «Оставь его в покое, с ним все будет в порядке». Но, в отличие от старшего и младшего брата, это было не так. Дарреллы обычно добивались успеха в том, чему решили посвятить свою жизнь. Лесли это не удалось. Много лет спустя он признавался журналистам: «Странно, но как бы сильно я ни старался, мне ничто не удавалось. На мне словно лежало какое-то проклятие».

Все свое наследство Лесли вложил в рыбацкую лодку, которая затонула, прежде чем он вышел из Пул-Харбора. Затем он решил заняться садоводством, но и эта затея не увенчалась успехом. Неспособный ничем заняться, бесцельно блуждающий по жизни, Лесли пытался убедить мир одолжить ему на жизнь. Он пробовал заняться продажей роскошных яхт и моторных лодок. В конце концов Маргарет предостерегла его, что он может кончить тюрьмой за мошенничество, если не одумается. Лесли «помогал» матери, без конца одалживая у нее деньги. Мама вечно давала Лесли финансовые советы, в этом отношении он был ее любимым сыном.

Но ничто не помогало. Хотя Лесли был талантливым художником — Джеральд говорил, что его работы «удивительно прекрасны», — он растратил свой талант и не заработал на нем ни пенни. В конце концов Лоуренс и Джеральд махнули на него рукой. Много лет спустя Джеральд признавался: «Хотя мы со старшим братом много раз пытались помочь Лесли, он вечно совершал какие-то такие поступки, что мы теряли терпение».

Во время войны Лесли работал на авиационном заводе и жил в Борнмуте с матерью, Джеральдом (пока тот не уехал в Уипснейд) и с греческой служанкой Марией Кондос. В 1945 году ему исполнилось двадцать семь лет. Мария была на десять лет его старше. Между ними возникла связь — одна из многих для Лесли, любовь всей жизни для Марии. Маргарет, наблюдавшая за развитием драмы, вспоминала:

«Вернувшись из Северной Африки в начале 1945 года, я застала драму в самом разгаре. Как всегда, никто из членов семьи, кроме меня, не мог справиться с семейным кризисом.

Мама, как всегда, ничего не замечала. Я сказала ей: «Мария беременна». Затем я стала искать дом для одиноких матерей, куда бы мы могли отправить Марию. Ребенок родился в сентябре. Мария гордо гуляла с коляской по улицам Борнмута и рассказывала всем вокруг, что это ребенок Дарреллов, еще один борнмутский Даррелл, который станет наказанием семьи. Лесли видел ребенка, но ни Джерри, ни Ларри не захотели его увидеть. Они считали, что Лесли не должен жениться на Марии. Да он и сам не собирался этого делать, потому что в то время уже встречался с Дорис, управляющей местным магазинчиком, которая снабжала маму джином в годы войны. Дорис наняла Лесли, чтобы тот доставлял ей пиво. У Джерри и Ларри всегда были сложные характеры. Они могли быть шумными и вспыльчивыми, а затем становились очень правильными и расчетливыми, как ни странно это звучит».

Мальчика назвали Энтони Кондосом. Его мать спала на кухне, и он вспоминал «обезьянок, карабкающихся по мебели, и змей, притаившихся в ящиках комода». Лесли не интересовался ни ребенком, ни его матерью. Как всегда, за все пришлось расплачиваться маме. Мария получила работу в прачечной в Крайстчерче, а затем городском совете, и забрала ребенка с собой. «После того как мы с матерью покинули семейный дом, — вспоминает Тони Кондос, — мы жили в разных местах, переезжая с квартиры на квартиру по всему Борнмуту. Я думаю, что только Маргарет испытывала симпатию к моей матери. Мама дружила с ней долгие годы, и Маргарет всегда радушно принимала нас в своем доме. Но маме приходилось много работать, чтобы содержать меня. Это были нелегкие годы». Мария очень любила Лесли. Маргарет вынуждена была признать: «Много лет спустя она все еще называла его «*goula-mot*», что по-гречески означает «любимый», Причем это слово обладает гораздо более глубоким значением, чем его английский эквивалент».

Тони Кондос вырос, не зная, жив его отец или умер. «Хотя мама очень сильно любила его, — вспоминал он, — ее чувства постоянно менялись от любви до ненависти, что сильно смущало меня в детстве. Больше всего сожалел о том, что никогда не знал своего отца. На протяжении многих лет я чувствовал озлобленность против него и других членов семьи. Но стал старше, я начал понимать, что Дарреллы сделали для меня и моей матери. Теперь во мне осталась только печаль оттого, что я не стал членом этой семьи... И странным образом я горжусь тем, что я один из них, хоть и безымянный».

А тем временем Джеральд погружался в собственный кошмар. Для новичка путешествие в джунгли далекого континента с целью собирания животных было практически непосильной задачей. Что ему нужно сделать? Куда отправиться? Кого ловить? Сколько все это будет стоить? Учиться времени не было. Джеральду никто не помогал, а число бюрократических препон возрастало с каждым днем. После войны стало очень трудно отправиться куда бы то ни было, а некоторые страны стали и вовсе недоступными.

Месяцы шли, а Джеральд боролся с трудностями, постепенно вырабатывая план действий. Он всегда мечтал увидеть Африку. На этом континенте была страна — мечта любого собирателя животных. Эта неразвита и редко посещаемая территория называлась Британским Камеруном — узкая полоска земли, расположившаяся вдоль восточной границы Нигерии. Камерун отличался удивительной красотой высокогорий и тропических лесов. А животный мир этой страны отличался огромным разнообразием — здесь водились гориллы, броненосцы и редкие животные ангантибо, волосатые жабы, гигантские водяные землеройки и крупные орлы.

Решив вопрос, куда отправиться, Джеральд принялся решать другие, не менее сложные — когда, как, с кем и зачем. Работа над разработкой конкретного плана экспедиции заняла несколько месяцев. Заграничные поездки в 1946 году все еще оставались довольно сложным предприятием, привилегией немногих. Информации не хватало. Большую помощь Джеральду оказал английский натуралист Джон Йелланд, известный орнитолог. Он был вдвое старше Джеральда, но разделял его интересы. Несколько месяцев спустя после того, как Джеральд покинул Уипснейд, Йелланд помогал Питеру Скотту организовывать Фонд охраны птиц в Слимбридже на границе Северных болот в Глостершире, а затем он стал куратором отдела птиц в Лондонском зоопарке. Джеральд рассказал Йелланду о своих намерениях отправиться за редкими животными в Камерун. Энтузиазм молодого человека понравился Йелланду. Они согласились помочь друг другу и отправиться в экспедицию совместно.

Итак, команда была собрана. Были разработаны план, расписание, маршрут. Даже назначена дата отъезда. Но оставалось еще очень многое. Как писала одна из газет: «Эта экспедиция стала их первой поездкой в джунгли. Никто не знал, куда они собирались, никто не давал им никаких заказов, никто в Камеруне не знал об их приезде». Пять зоопарков — Лондонский, Бристольский, Честерский, Бель-Вью (Манчестер) и Пейтонский — выразили определенный интерес к потенциальной добыче экспедиции и сообщили цены на некоторые редкие виды животных. Однако никто не предложил

никаких авансов.

Семья Дарреллов сначала была удивлена планами Джеральда, однако затем его затея показалась им весьма привлекательной. Они всегда были уверены, что его странные планы окажутся столь же неосуществимыми, как и у его старшего брата Лесли.

В 1947 году Джеральд перебрался в Лондон. В столице было много интересного для будущего собирателя животных. В Лондоне был первоклассный зоопарк, множество интересных музеев. Здесь жили специалисты-зоологи и дилеры, занимающиеся продажей животных, с которыми можно было проконсультироваться. Джеральд посещал библиотеки и покупал много книг. В Лондоне жил Питер Скотт, единственный сын покорителя Антарктиды, герой войны, художник-портретист, выдающийся художник-анималист, известный натуралист, одним из первых заговоривший о необходимости охраны природы и о сохранении вымирающих видов.

Хотя между Джеральдом и Скоттом возникали разногласия, они сходились в главном. Организованный Скоттом в 1945 году Фонд охраны птиц в Слимбридже на Северных болотах представлял собой модель заповедника, о котором мечтал Джеральд. Увлеченность Скотта миром живой природы очень импонировала Джеральду. «Мой интерес к процессу эволюции, — писал Скотт. — вызывал во мне глубочайшее уважение к каждому виду флоры и фауны, имевшему такое же право на существование на этой планете, как и *homo sapiens*. Перспектива исчезновения любого из существующих видов казалась мне ужасной катастрофой, которую человек способен предотвратить». Уничтожение природы и любого из живых существ было, по мнению Скотта, «преступлением против неопределенного, но непреложного закона вселенной».

В то время Скотт жил в Кенсингтоне. Именно к нему молодой Джеральд Даррелл и отправился за советом и поддержкой. Хотя Даррелл был совершеннейшим новичком, Скотт понял, что этому мальчишке удалось склонить на свою сторону Джона Йелланда, поддержавшего идею организации фонда в Слимбридже. Йелланд собирался отправиться в Камерун с Дарреллом.

Помимо специалистов Лондон привлекал Джеральда женщинами. В жизни Даррелла между шестнадцатью и двадцатью двумя годами было много женщин. Хотя он и не был девственником, его отношения с противоположным полом были безнадежно наивными. Настало время измениться.

Как-то раз Джерри обедал в греческом ресторане в Вест-Энде вместе с Ларри и его приятелями-поэтами. Здесь Джеральд познакомился с женщиной, познакомившей его с глубочайшими тайнами любви. Он называл ее Джульеттой, однако ее настоящее имя мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Джульетте было за двадцать, она была на шесть-семь лет старше Джеральда. Она была замужем, но жила отдельно от мужа и имела двух маленьких детей. Джеральд влюбился в нее с первого взгляда. Она не отличалась красотой, но ее лицо мгновенно запомнилось. Бледная, печальная девушка с прекрасными, огромными глазами. Джеральду сразу же захотелось защитить и уберечь ее.

«Чем вы занимаетесь?» — спросил он.

«Я рисую лошадей», — ответила она.

У Джеральда возникли некоторые проблемы. «Я не мог в это поверить — уму непостижимо! — вспоминал он. — Но в окружении греков возможно все».

«Вы хотите сказать, что берете лошадь и набор красок и красите их?» — переспросил Джеральд.

«Нет, — засмеялась она. — Я рисую их портреты для владельцев. Разумеется, только породистых лошадей».

«Разумеется, — кивнул Джеральд. — А не могу ли я как-нибудь прийти посмотреть на вашу работу?»

«Можете, — ответила Джульетта. — Приходите завтра, и мы вместе пообедаем».

Итак, свидание было назначено. К Джульетте Джеральд отправился на автобусе, везя с собой дюжину яиц чайки для обеда, в надежде на то, что они окажут возбуждающее действие. Ее дом, как писал Джеральд в своих воспоминаниях, был наполнен запахами кофе и масляных красок, проникающими друг в друга. Она показала ему свои картины. «Конечно, до Стаббса ей было далеко, — вспоминал он, — но рисовала она чертовски хорошо». Он задержался надолго, и они пообедали вместе... Через несколько дней Джеральд переехал из дома тети Пру в Челси и перевез свои вещи к Джульетте. «Это была самая замечательная женщина в мире», — ностальгически вздыхал он по потерянной любви. «Джульетта была первым подлинным увлечением Джерри, — вспоминала его сестра Маргарет. — Она впервые открыла ему глаза на любовь и секс. Раньше он просто не осознавал, что это такое».

Связь между Джеральдом и Джульеттой длилась два года, хотя большую часть из них он

провел за границей. Он серьезно подумывал о браке, хотя впоследствии признавал, что это была бы настоящая катастрофа. У их отношений не было будущего. Как-то утром он отправился домой, в Борнмут, по делам, а вернувшись, обнаружил на туалетном столике письмо от Джульетты. Он вспоминал, что это была «традиционная записка, составленная из фраз, какие можно найти в любом романе из тех, что нравятся всем, но никто не хочет в этом сознаться». Обескураженный неожиданным развитием событий, Джеральд погрузился в глубокий запой, но затем одумался. Он сильно любил эту женщину. В гневе и печали он собрал свои вещи и книги и вернулся в дом тети Пру, поджавши хвост. В конце концов, ничего страшного не случилось. Мир живой природы манил его, и перед ним открывались широкие горизонты и интересные возможности.

Наконец-то Джеральд сумел полностью сосредоточиться на экспедиции. В семейный дом в Борнмуте начали поступать коробки с ловушками, ружьями, фонарями, носками, солью, салом, рыболовными крючками, картами, путеводителями и лекарствами. Маленький Джерри, бывший помощник в зоомагазине и инструктор верховой езды, превращался в натуралиста и исследователя. Он отправлялся в Черную Африку на ловлю горилл и питонов. В том же году старший брат Джеральда Лоуренс решил полностью поменять свою карьеру. Он писал Генри Миллеру с Родоса: «Мой младший брат Джерри настоящий поэт. Сейчас у него период иконоборчества — он утверждает себя как личность. Он считает тебя плохим писателем, а меня чертовски плохим писателем». В апреле 1947 года Лоуренс пересмотрел свое мнение. Он приехал в Борнмут со своей новой женой Евой. Семья впервые со времен Корфу собралась полностью. Лоуренс писал Генри Миллеру: «Джеральд, как и мечтал, стал зоологом, и в сентябре отправляется в Нигерию». У Маргарет уже было два маленьких сына. Она собиралась развестись со своим летчиком. На деньги, оставленные ей отцом, она купила большой дом через дорогу от маминого, а Лесли переехал к Дорис Холл, веселой, взбалмошной разведенной женщине с маленьким сыном. Дорис была старше и серьезнее Лесли, у нее был магазинчик в полумиле от шоссе.

Приготовления Джеральда постепенно подходили к концу. Были получены все необходимые разрешения, зарезервированы каюты и места для багажа на грузовом судне, отправлявшемся в Камерун. В конце сентября 1947 года Джеральд получил новый паспорт. В нем говорилось, что он зоолог, проживает в Борнмуте, имеет синие глаза, каштановые волосы и рост в пять футов семь дюймов (170 см).

Грузовые суда не отличались точным следованием расписанию. Корабль, на котором Джеральд собирался отплыть в Африку, должен был отправляться из Лондона. Джеральд поселился у тети Пру в ожидании прибытия судна. Однажды он наткнулся на Ларри, выходящего из книжного магазина с большой стопкой книг в руках.

«Привет, — с удивлением сказал Ларри. — Что ты тут делаешь?»

«Жду корабля», — ответил Джеральд.

«Корабля? А, да... Лондонские доки и все такое. Отправляешься в открытое море. Что ж, по моим наблюдениям, корабли очень медлительны. Они либо не отплывают вовсе, либо тонут, что оставляет тебе достаточно времени, чтобы как следует напиться».

Ларри предложил Джеральду познакомиться со своим старинным приятелем, поэтом и китаистом Хью Гордоном Портеусом. Интересный парень отрекомендовал его Ларри. Живет в подвале в Челси, играет на органе и ест конину. «Он много знает о китайской поэзии, — продолжал Ларри. — Думаю, он тебе понравится — если только ты не слишком высокомерен, чтобы есть конину».

Хью Портеус оказался не менее эксцентричен, чем можно было предположить по описанию Ларри. В его комнате собралось множество молодых женщин, а Портеус помешивал суп в маленьком биде, позаимствованном в лучшем борделе Парижа, на газовой горелке.

Впоследствии Джеральд записал: «Эта сцена меня поразила. Большинство дамочек были полуодеты, на них красовались прозрачные пеньюары и восхитительное кружевное белье. Суп булькал в биде. На книжной полке были разложены бифштексы из конины». В семь часов Портеус посмотрел на часы, вытащил из шкафа миниатюрный орган и призвал всех собравшихся к тишине. В комнате над ним жила дряхлая старушка, миссис Ханидью, и Портеус обычно играл для нее на органе, когда та пила вечерний чай.

«Вам хорошо слышно, миссис Ханидью?» — крикнул он.

Раздался утвердительный стук в потолок, и Портеус поудобнее расположился на своем стуле.

«В следующее мгновение на нас обрушились звуки вальса «На прекрасном голубом Дунае», — вспоминает Джеральд. — Все в комнате пустились танцевать безумный вальс. Груды девушек подпрыгивали, конские бифштексы на книжной полке скакали, биде дрожало на газовой горелке, а

книга о путешествии в Китай, написанная в шестом веке, выпала из шкафа. Одна из девушек протянула мне теплую ладонь, вытащила меня в центр комнаты, прижалась ко мне своими мягкими, сладкими губами, и мы стали вальсировать».

В этот момент пришел Тео Стефанидес. Он жил в Лондоне и работал рентгенологом в больнице Ламбет. Тео познакомился с Портеусом через Ларри. Истинный эдвардианский джентльмен, он был одет в твидовый костюм, жилет 1908 года, начищенные до блеска ботинки и мягкую фетровую шляпу. Его борода и усы были безукоризненно расчесаны, а начинающие седеть волосы идеально подстрижены. «Даже я, — вспоминал Джеральд, — который знал Теодора с десяти лет, не мог представить его в подобной атмосфере». Девушки вообще никогда не видели ничего подобного. К разочарованию хозяина дома и Джеральда, они встретили вновь прибывшего с истинным восхищением.

«Они ворковали вокруг него, как голубки у фонтана. Они подносили ему оливки и сырное печенье. Они сидели возле него и впитывали каждое его слово. Теодор сидел, подобно Санта-Клаусу, погружившись в воспоминания. Он выдавал шутки, которые казались устаревшими еще в 1898 году.

«М-м-м... да... существуют скороговорки, которые вы вряд ли слышали, — твердил Теодор. — Какой шум беспокоит устрицу сильнее... гмм... да... сильнее всего? Шумный шум беспокоит устрицу сильнее всего!» Девушки разражались бессмысленным хихиканьем. Они старались прижаться к Теодору. Им никогда не доводилось слышать подобных шуток. Они казались им такими же восхитительными, насколько чудесной показалась бы им работающая прятка в прихожей».

Странный вечер продолжался. Джеральд и Портеус уединились в уголке. Девушки не обращали на них никакого внимания, они были полностью поглощены одетым с иголки Тео. А он вспоминал о своем парижском приятеле, биологе, занимавшемся обитателями пресных водоемов и собравшем очень интересную коллекцию ракообразных в четырнадцати биде, соединенных в сложную систему. Нахваливая грибной суп, Тео вещал о том, что в мире существует 2841 вид грибов, причем более двух тысяч из них ядовиты. «Золотистые, зеленые, голубые, карие и черные глаза, — вспоминал Джеральд, — с восхищением следили за Тео. Девушки напомнили мне детей, слушающих сказку о Синей Бороде».

«Знаете ли вы, — поведала одна большеглазая красавица Джеральду, когда тот наконец сумел привлечь ее внимание, — что мозг гориллы больше человеческого?»

«Я это знаю с семи лет», — мрачно проворчал Джеральд.

В конце концов Джеральду сообщили, что судно отплывает в Камерун из Ливерпуля. Старый германский грузовой корабль, захваченный англичанами во время войны, должен был отплыть в Африку в начале декабря. Джеральд сел на первый же поезд и отправился навстречу своей мечте. Через пару дней к нему присоединился Йелланд. Багаж экспедиции был благополучно погружен на корабль, а личные вещи заняли свое место в каютах. Прощальные телеграммы были получены вовремя, последние слова прощания сказаны, и сходни подняты. Но корабль категорически отказывался выходить из дока. 2 декабря 1947 года, проведя три дня на борту по-прежнему стоявшего Доке корабля, Джеральд распаковал портативную пишущую машинку и начал писать свое первое послание к маме — первое длинное, членораздельное повествование в своей жизни.

«Дорогая мама, мы все еще в доках Гарстона в Ливерпуле. Чертов корабль оказался немецким, и никто не знает, как он устроен. Что-то в двигателе испортилось, и вокруг него суетятся толпы потных мужчин, пропахших машинным маслом. Мы уже три дня на борту, но это за счет фирмы, так что все не так уж плохо. Созерцать мы можем только очень грязную пристань, на которой разбросаны гнилые бананы. Джон говорит, что весной здесь будет очень симпатично, так что если мы задержимся достаточно долго...»

Каюта, где поселили Джеральда и его напарника, была большой и прилично обставленной, но больше всего поразила Джеральда корабельная пища, совершенно удивительная для послевоенной Британии, где продукты распределяли по карточкам. «На завтрак, — вспоминал он, — мне подали овсянку с молоком и сахаром, почки и бекон с картофелем, тосты, джем и масло на огромной тарелке, а также настоящий кофе». Выпивка на судне была удивительно дешевой и лилась, как вода. «Пиво (довоенного качества) стоило десять пенсов, виски и джин обходились в шиллинг, а пятьдесят сигарет мы могли получить за три шиллинга». Капитан, по замечанию Джеральда, оказался «глупым,

напыщенным идиотом», зато остальные офицеры были очень «милы». Остальные пассажиры считали Джеральда с его спутником парой гомосексуалистов, но относились к ним с глубокой симпатией и желали им поймать массу зверей.

«Не волнуйся за нас, мы прекрасно проводим время. Большую часть дня мы корчимся от хохота. Надеемся отплыть завтра утром, а если повезет, то уже сегодня вечером.

С любовью, Джерри».

Однако отплыть им удалось только 14 декабря, через две недели после того, как смелые исследователи поднялись на борт. К тому времени смех их несколько поутих, их одолевала скука от нескончаемого ожидания. Корабль поднял якоря, вышел из доков, повернул к Мерси и отправился на юг, в Ирландское море, по направлению к экватору. Впереди были синие моря, залитые тропическим солнцем.